

Эмирова А. М.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

Монография

Симферополь
2017

УДК415.61=943(021)
ББК81.2=3(Крмтат)=923
Э55

*Одобрено Консультативным советом по изданию литературы на родных языках.
Выпущено при поддержке Государственного комитета
по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК
за счет средств бюджета Республики Крым*

Эмирова А. М.

Э55 **Актуальные проблемы крымскотатарской филологии: монография.** – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 264 с.

ISBN 978-5-906959-28-7

УДК415.61=943(021)
ББК81.2=3(Крмтат)=923

Собранные в данной книге статьи посвящены актуальным проблемам крымскотатарской филологии – лексикологии, фразеологии, лексикографии, литературной поэтики. Особое внимание уделено актуальным для Крыма проблемам социальной лингвистики: русско-крымско-татарская языковая интерференция, языковая компетенция крымских татар, социально-правовой статус крымскотатарского языка, его демографическая и коммуникативная мощности, языковая ситуация и языковая политика в Крыму и др.

Издание рассчитано на студентов и преподавателей крымскотатарского языка и литературы, а также на филологов широкого профиля, социологов и всех интересующихся состоянием крымскотатарского языка.

ISBN 978-5-906959-28-7

© Эмирова А. М., 2017
© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как учёный-русист Эмирова А. М. сформировалась в лоне известной Самаркандской фразеологической школы: обе её диссертации, кандидатская и докторская, были посвящены актуальным проблемам русской фразеологии. Вопросами крымскотатарской филологии начала заниматься сразу же по возвращении на родину, в Крым: в декабре 1990 г. была приглашена в Симферопольский государственный университет им. М. Фрунзе на должность профессора кафедры русского языка. Уже в апреле 1991 г. выступила с докладом «Актуальные вопросы изучения и преподавания крымскотатарского языка» на международной научной конференции (см. одноимённую статью в настоящем сборнике). В выступлении были намечены некоторые проблемные участки крымскотатарской филологии, которые в дальнейшем стали предметом пристального научного внимания проф. А. М. Эмировой.

Научные работы автора расположены в хронологическом порядке с указанием источника публикации. Такой порядок подачи материала иллюстрирует расширение тематического и концептуального диапазона этих работ, а также диалектику развития научной мысли автора, отвечающей вызовам и потребностям времени. От русистики – к тюркологии, от системно-структурной и коммуникативно-когнитивной лингвистики к изучению языка в рамках новых парадигм (социолингвистической, лингвокультурологической, гендерной и др.) – таков вектор развития исследовательской мысли автора.

Необходимость издания настоящей монографии обусловлена непреходящей актуальностью и уникальностью содержания собранных в ней работ, а также тем, что они были опубликованы в изданиях разных городов и стран и потому недоступны сегодняшнему читателю.

*Петров А. В. – доктор филологических наук,
профессор Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки Автономной Республики Крым, лауреат Премии АРК, действительный член (академик) Крымской академии наук, член Национального союза писателей Украины, ветеран труда и Великой Отечественной войны.

Родилась 10 ноября 1933 г. в г. Ялта Крымской АССР. После окончания средней школы училась на факультете русской филологии Узбекского (Самаркандского) государственного университета им. Алишера Навои (1952–1957). Далее – работа в средней школе, учёба в аспирантуре СамГУ (1964–1968), с 1968 по 1990 гг. – работа на кафедре русского и общего языкознания СамГУ последовательно в должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора. В декабре 1990 г. была приглашена в Симферопольский государственный университет на должность профессора кафедры русского языка, где проработала до 2010 г. Параллельно с 1997 г. работала (по совместительству) в Крымском инженерно-педагогический университете, где продолжает работу по сей день.

Сфера научных интересов проф. Эмировой А. М. – русская, общая и контрастивная фразеология в системно-структурном и коммуникативно-прагматическом аспектах, социальная лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, крымскотатарская филология и др.

По актуальным проблемам крымскотатарской филологии опубликовано около ста научных работ разных жанров, в том числе в книжном формате:

* Крым – любовь и боль моя (Проблемы возрождения крымскотатарской культуры). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 160 с.

* Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову (соавтор – С. М. Усеинов). – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 232 с.

* Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.

* Къырымтатар тилининъ тильшынаслыкъ терминлери лугъаты (Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка) (соавторы – Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова). 2-е доп. изд. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 88 с.

* Основы крымскотатарской фразеологии. Учебное пособие для вузов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – 168 с. и др.

СТАТЬИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Пути и научное обеспечение экономического, социального и культурного развития Крыма и использование научного потенциала ученых – крымских татар и других депортированных народов / Тезисы докладов научно-практической конференции. (Симферополь, 23–26 апреля 1991). – Симферополь, 1991. – С. 458–459).

Современное состояние крымскотатарского языка определяется теми же тенденциями развития, которые характерны для языков других малых народов нашей страны. Известные социальные факторы (отторжение от исторической родины, миграция населения, увеличение числа смешанных браков и др.) обуславливают постоянный прирост числа людей, не владеющих родным языком. С этим связано также «вымывание» из основного словарного фонда наименований традиционных ремёсел и профессий (*къалайджы, тютюнджи*), домашней утвари (*гугюм, сагъан*) и других пластов лексики.

Крымскотатарский литературный язык испытывает на себе сильное влияние русского языка: растёт число не всегда оправданных и удачных заимствований разного типа. Ср.: *проблема – меселе, революция – инкъиляп, уникаль – сийрек* и др.

Увеличивается разрыв между письменной формой крымскотатарского литературного языка и устной речью, носящей по преимуществу черты старых территориальных говоров и наречий. Трудности в овладении литературным языком усугубляются также в связи с тем, что крымские татары неоднородны в языковом отношении: язык южнобережных татар относится к огузской группе тюркских языков, а степных – к кыпчакской и ногайской группам. С этим связаны особенности лексического и фонемного составов, грамматических форм функционирующих территориальных вариантов языка, а также проявление в них общих фонетических законов. Например, в северном варианте имеется смычно-носовая заднеязыч-

ная средненёбная фонема <нг>, отсутствующая в огузских языках, и др.

Следует сказать и о несовершенстве графической системы современного крымскотатарского языка, базирующейся на кириллице: звуковые значения графем (букв) не всегда однозначны. Следовало бы обсудить вопросы совершенствования крымскотатарской графики (в сопоставлении с латиницей и арабским письмом) в плане её адекватности фонемному (resp. звуковому) составу языка.

Думается, что перечисленные вопросы должны стать предметом первоочередного научно-методического осмысления в направлении оптимизации процессов изучения и преподавания крымскотатарского языка в средней и высшей школе.

Дальнейшее развитие и совершенствование крымскотатарского литературного языка во многом сдерживается отсутствием фундаментальных научных работ по языкознанию. Назрела настоятельная необходимость в научном описании системно-структурных особенностей крымскотатарского языка, его социолингвистического статуса с помощью современного концептуально-терминологического аппарата, в разработке научных основ лингводидактики крымскотатарского языка, что может быть обеспечено лишь целенаправленной подготовкой научных и педагогических кадров в условиях наибольшего благоприятствования.

КРИМСЬКОТАТАРСЬКА МОВА: ПРОБЛЕМИ ІСНУВАННЯ І РОЗВИТКУ

(Журнал «Мовознавство». – Київ, 1993. – № 2. – С. 38–43)

Відомі соціальні фактори – депортація кримських татар, відсутність шкіл з татарською мовою навчання у місцях заслання, негласна заборона наукового осмислення кримськотатарської мови – завдали непоправної шкоди самій мові і науці про неї. Кримськотатарська мова практично не вивчена і не описана в категоріях сучасної наукової концепції, існують лише поодинокі праці або згадки (А. Ю. Кримський, О. М. Самойлович, Б. В. Чобанзаде, Г. Дерфер, Е. В. Севортян, М. О. Баскаков, А. Н. Кононов, А. М. Меметов, Е. С. Акмоллаєв, С. Р. Ізідінова та ін.), присвячені окремим проблемам кримськотатарської мови. Ось чому виникла настійна потреба в науковому осмисленні, по-перше, системно-структурних особливостей кримськотатарської мови, по-друге, її соціолінгвістичного статусу, по-третє, в розробці прикладних аспектів кримськотатарського мовознавства.

Перший напрям – системно-структурні особливості мови (власне лінгвістичний аспект) – повинен бути спрямований на дослідження з застосуванням сучасного концептуально-термінологічного апарату всіх рівнів мовної системи: фонемного складу, морфеміки, словникового складу, граматичної будови.

Досі відсутні точні дані про кількість і якість фонем кримськотатарської мови. Звичайно називають 8 голосних і 25 приголосних фонем, у тому числі 2 фонemi <ц>, <щ>, що відсутні в кримськотатарській мові і зустрічаються лише в російських та інтернаціональних запозиченнях. Тим часом не відзначається наявність м'яких приголосних <к'> – *кяр* 'вигода', <л'> – *селям* 'привіт', <т'> – *тюз* 'рівний' та ін.; не виявлені різновиди фонем, фонетичні явища, характерні для кримськотатарської мови. Не розроблена типологія складів, не описані особливості інтонаційної системи мови та ін.

У галузі лексикології вимагають дослідження такі лексичні категорії, як полісемія, синонімія, антонімія, паронімія та ін. Не вивчені величезні шари слів, у яких, мов у дзеркалі, відбився повсякденний побут народу, і тих, що вийшли з активного вжитку майже на очах нинішнього покоління. Відторгнення від історичної батьківщини і

через це від традиційних форм життєдіяльності (відгінного тваринництва, тютюнництва, садівництва тощо) призвело до «вимивання» з активного словникового складу носіїв мови найменувань традиційних ремесел (*кьалайджы, тютюнджи, деметчи*), домашнього начиння (*сагъан, гугум*), знарядь сільськогосподарської праці (*чапа, лескер*), що не мали застосування на нових місцях.

Нерозроблені також такі розділи лексикології, як ономастика, неологія, фразеологія, не існує таких розділів науки про мову, як стилістика, діалектологія, культура мови і мовлення та ін. Відомо, що фразеологія – найхарактерніша, найсокровенніша частина будь-якої мови. Не знати фразеології – не володіти, не знати мови. Ономастика – це не лише чиста теорія, яка цікавить тільки вчених. Її практичні результати потрібні сьогодні в кожній татарській родині. Яке ваше ім'я, яке ім'я дати вашій дитині? Людям завжди цікаво знати, що означають імена. Треба повернути народу благозвучні й позитивні за змістом імена предків, тобто потрібні словники імен. Татарам неоднаково, де вони живуть: у *Білогорську* чи *Карасубазарі*, *Василівці* чи *Ай-Васіле*, *Планерському* чи *Коктебелі* (нещодавно Планерському повернули колишнє найменування – *Коктебель*, але не з огляду на татар, а як данину поваги до відомого поета Максиміліана Волошина). Крим переобтяжений знеособленими найменуваннями типу *Первомайське, Привітне, Ленінське, Ароматне* або *Грушівка, Ізюмівка* тощо. Питомі найменування максимально насичені у змістовому й асоціативному відношенні: в них історія народу, його звичаї, його вогнища, останки предків. Вони в легендах і піснях народу. Слово вчених повинно бути вирішальним у справі відновлення колишньої топоніміки. В 1991 р. у Криму відбулася загальна наукова конференція з ономастики, яка в своїй резолюції відзначила необхідність відновлення історичної топоніміки Криму.

Практично не вивчені територіальні діалекти і говори кримсько-татарської мови. Вони сьогодні перебувають під загрозою зникнення. Депортація, яка зірвала людей з традиційних місць поселення, зруйнувала характерні лексичні, фонетичні і граматичні особливості говірок. Некомпактне, випадкове розселення татар у місцях заслання (селяни одного села потрапляли в різні регіони) в умовах іномовного оточення – російського, узбецького, таджицького, марійського та ін.,

тенденція до збільшення кількості змішаних шлюбів (між носіями різних мов і різних діалектів самої кримськотатарської мови) спричинили інтенсивне змішування територіальних діалектів і говорів кримськотатарської мови. Сьогоднішня репатріація тільки поглиблює ці процеси, оскільки люди, що повертаються на свою історичну батьківщину, не мають можливості оселитися в колишніх місцях. Елемент випадковості розселення кримських татар, що повернулися, сьогодні такий же високий, як і під час заслання. За цих умов перед ученими стоять невідкладні завдання: поки живі представники старшого покоління – діалектоносії, зібрати серед них різноманітні усні тексти, обробити й описати цей мовний матеріал, укласти діалектні словники. Завтра буде пізно! Для збирання цього матеріалу конче необхідна сучасна портативна апаратура для запису. Потрібні гроші для її придбання. Вчені розуміють, що за сучасних умов першочергове завдання – це житло, але науку не можна відкладати на завтра, бо майбутнє народу залежить від його наукового, ширше – культурного потенціалу. Годі говорити й про лексикографію: немає ні тлумачного, ні етимологічного, фразеологічного, ономастичного й інших подібних словників.

Предметом особливого вивчення має стати кримськотатарська літературна мова. Функціонально-стилістична система її неповноцінна: з відомих соціально-політичних причин стилі кримськотатарської, як-от науковий, офіційно-діловий, розмовний, ораторський та ін., не одержали розвитку. (Усна форма спілкування здійснюється переважно на говірковому рівні). Літературна мова, особливо її газетно-публіцистичний варіант, постійно зазнає дуже сильного впливу російської мови в галузі лексики, фразеології і граматики. Зростає кількість не завжди необхідних і виправданих запозичень – суспільно-політичних термінів і номенклатури різних галузей знання і виробництва, особливо при наявності їхніх кримськотатарських еквівалентів. Пор. *конституция – эсас къанун, республика – джумхуриет, гражданин – ватандаш, проблема – меселе, революция – инкыляп, звено – болум, орден – нишан* та ін. Тексти рясніють кальками, лексичними і фразеологічними, що штучно подовжують слова і порушують властиві татарській мові закони дистрибуції звуків: *идеаллаштырув – идеализация, къоркъубильмезлик – бесстрашие*,

демократиялаштырув – демократизация, къувтендирилюв – усиление та ін., або пор. фразеологічні кальки: *белые пятна – акъ леке-лер, не стоит и гроша – къыймети бир капик биле олмамакъ, быть в центре внимания – дикъкъат меркезинде олмакъ* та ін. Захоплення фразеологічним калькуванням замість пошуків кримськотатарських аналогів та еквівалентів призводить до появи мовних покручів, яким не властива прагматична сила співвідносних з ними російських ідіом.

Треба визнати, що літературна мова сьогодні активно поповнюється діалектними одиницями. Це об'єктивний процес, і ставати йому на перешкоді, тобто триматися пуристичних позицій, тільки на шкоду мові. В умовах активного змішування кримськотатарських діалектів і говорів, що відбувалося в місцях заслання і спостерігається зараз у Криму, слід толерантніше ставитися до процесів, що відбуваються в літературній мові, й оперативно вивчати їх.

Усі ці проблеми і співвідносні їм категорії кримськотатарської мови можуть вивчатися в двох аспектах: у синхронії і діахронії. Отже, доведеться виконати величезну наукову роботу, що не під силу окремим ученим, потрібні зусилля багатьох наукових колективів. На нашу думку, така програма могла б виявитися частиною наукової програми одного з можливих підрозділів відкритого недавно Кримського відділення АН України – наукового інституту мови і літератури.

Соціолінгвістичний аспект вивчення кримськотатарської мови полягає у визначенні соціальних функцій мови і перспектив розширення їх діапазону: необхідно виявити тип кримськотатарсько-російської двомовності і накреслити шляхи її гармонізації; схарактеризувати явища інтерференції на всіх рівнях системи мови, зумовлені її взаємодією з іншими мовами народів нашої країни – російською, узбецькою, українською та ін.

Ще донедавна вважалося в офіційній ідеології, що національне питання у нас розв'язане цілком і остаточно і що міжмовні стосунки слід характеризувати як гармонійну двомовність. Такі нав'язані згори настанови не сприяли глибокому вивченню мовної ситуації у різних регіонах країни. Вчені досить часто обмежувались порожніми деклараціями, підкріпленими статистичними даними про зростання

кількості людей, що вільно володіють російською мовою як «другою рідною». Часто спостерігалася чистісінька фальсифікація, коли бажане видавалося за дійсне.

Взаємозв'язки між мовами в різних регіонах світу і в різних соціально-політичних умовах можуть реалізуватися в різних формах. У зарубіжній соціолінгвістиці розрізняють три види двомовності: 1) рівнофункціональна (усі мови на території країни мають однаковий статус і можуть використовуватися мовцями в усіх функціях); нефункціональна (мови мають однаковий статус, але функціонують на різних територіях і тому не «суперничають» одна з одною); різнофункціональна двомовність, коли мови, що функціонують на одній території, мають різний «набір» соціальних функцій. Перші два типи двомовності не викликають соціального напруження, третій – джерело взаємної недовіри. Різнофункціональна двомовність спричиняє поступове скорочення кількості носіїв тих мов, що мають звужені функції.

Кримськотатарсько-російська двомовність, безперечно, – двомовність третього типу; кримськотатарська мова використовується тільки в побуті, художній літературі, публіцистиці. Говорити про її функціонування в галузі народної освіти, а тим більше в галузі науки, передчасно. Такий статус мови є наслідком майже піввікової дискримінаційної політики, яка проводилася щодо кримських татар. Уже не одне покоління погано, недосконало володіє рідною мовою. Причиною цього були різні фактори, що діяли окремо і в поєднанні: дисперсне розселення в місцях заслання, відсутність вивчення рідної мови в школі, іномовне оточення, зростання кількості мішаних шлюбів, в яких спілкування здійснювалося і здійснюється російською мовою, відірваність від культурних джерел свого народу тощо. На сьогодні немає достовірних даних ні про загальну кількість кримських татар у нашій країні, ні про кількість людей, які визнають рідною кримськотатарську мову. Як відомо, останній перепис населення не відбивав таких даних через те, що кримські татари фіксувалися в загальній графі – татари.

Гармонійна двомовність може бути забезпечена лише на основі вільного володіння рідною мовою і – паралельно з цим – на основі розширення її соціальних функцій. Як ми розуміємо, в Криму со-

годні таких умов для кримськотатарської мови ще не існує, хоча деякі зрушення в цьому напрямі вже помітні. Надання кримськотатарській мові, поряд з російською та українською, статусу державної мови, що знайшло відбиття в недавно прийнятій Конституції Республіки Крим, все ще залишається красивою декларацією, не забезпеченою реальними умовами її функціонування.

Обидва напрями – лінгвістичний і соціолінгвістичний – тісно пов'язані з прикладними аспектами кримськотатарського мовознавства. Перед ученими стоїть завдання насамперед розробити концепцію освіти кримських татар в умовах відродження етносу і його культури, переведення письма на латинізовану основу.

Послідовне переведення кримськотатарського письма з арабської основи на латинську (1929 р.), а згодом на кирилицю (1938 р.) багато в чому мотивувалося необхідністю адекватного відбиття на письмі звукового (фонемного) складу мови. Однак основним рушієм попередніх реформ були соціально-політичні фактори. Озираючись назад, у кінець 30-х років, сьогодні можна відкрито говорити про те, що поспіх у переведенні письма тюркомовних та інших малих народів з латинки на кирилицю (нові алфавіти були розроблені і втілені в практику протягом трьох років – 1938–1940) диктувався геополітичними планами тоталітарного режиму, одержимого ідеєю нівелювання національних культур та їх якнайшвидшого злиття в єдину комуністичну культуру.

Що ж сьогодні спонукає деякі тюркомовні народи колишнього СРСР перейти на латинізований алфавіт? Декларується звичайно одна причина – недосконалість існуючих графічних систем, заснованих на кирилиці, їх нездатність адекватно передати специфіку фонемного складу тюркських та інших (наприклад, чеченської) мов. Це факт загальновідомий, і проблема в цьому плані не раз обговорювалася вченими¹. В цьому розумінні реформа письма, безперечно, є насамперед величезної важливості науковою проблемою. Слід визнати, однак, що це й визначна політична акція. (Проте так було завжди: згадати хоча б реформу Петра I, реформу російської графіки 1918 р.). Можна допустити навіть, що сьогодні це своєрідна реакція

¹ Баскаков Н. А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских народов СССР // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских народов СССР. – Москва, 1972. – С. 5–28.

відторгнення від тоталітарного режиму, репрезентантом якого так довго виступала, на жаль, кирилиця. Це не означає зовсім відчуження від великої російської культури, в середовищі якої вихована значна частина татарської інтелігенції.

Політична ситуація сьогодні наче підганяє вчених у питанні переведення кримськотатарського письма на латинську основу. І слід скористатися цими умовами, щоб удосконалити кримськотатарський алфавіт. Однак треба пам'ятати, що поспішати тут не можна, щоб не повторити помилок, допущених при переході на кирилицю. Доречно згадати про Перший тюркологічний з'їзд у Баку в 1926 р., на якому було вирішене питання про перехід на латинізований алфавіт усіх тюркомовних народів. Тоді було створено єдиний координаційний центр, в якому працювали визначні спеціалісти з мов народів СРСР. Був розроблений зведений латинізований алфавіт для всіх тюркських мов. У ньому було 39 знаків, з яких кожна тюркська мова повинна була відібрати одні й ті самі знаки для позначення спільних звуків і додаткові знаки – для специфічних звуків, характерних для окремої мови. Як бачимо, при переході на латинку було дотримано наукового підходу – адекватного відбиття фонемного складу мови у графічній системі і позначення однакових фонем у різних мовах однаковими знаками. На жаль, наступна реформа – перехід на кирилицю, що проводилася поспіхом й ізольовано в кожній республіці, не врахувала позитивного досвіду попередньої реформи, що привело до різкого збільшення загальної кількості знаків у зведеному кириличному алфавіті (74 знаки замість 39), внаслідок чого виник різнобій у позначенні ідентичних звуків у різних мовах. Наприклад, одні й ті самі звуки в кримськотатарській та узбецькій мовах позначаються різними знаками: відповідно кь – қ, гь – ғ та ін.

Отже, сьогодні першим кроком у проведенні нової реформи письма повинно бути створення єдиного координаційного центру, членами якого мають бути відомі спеціалісти-фонологи, а також спеціалісти в галузі комп'ютерної інженерії. Концепція переведення письма на латинізований алфавіт повинна ґрунтуватися на таких головних принципах: 1) адекватне відбиття фонемного складу мови; 2) однозначненева відповідність між однаковими фонемами в різних мовах та їх літерними позначеннями; 3) орієнтація на можливості

комп'ютерної техніки, якій належить майбутнє у видавничій справі. Щодо зведеного, уніфікованого алфавіту можна скористатися, як стартовим банком даних, уніфікованим латинізованим алфавітом (39 знаків), розробленим наприкінці 20-х років. Слід узяти до уваги і рекомендації двох міжнародних конференцій, проведених у Туреччині в листопаді 1991 р. (Стамбул) і в травні 1992 р. (Анкара). Запропонований зведений алфавіт для всіх тюркських мов складається з 34 знаків: крім 29 літер турецького алфавіту, запропоновано 5 знаків для специфічних фонем інших тюркських мов: x, ğ, q, w, ɲ (ñ). Ці ж проблеми обговорювалися на Міжнародному тюркологічному симпозіумі в Казані 9–14 червня 1992 р.

17–20 червня 1992 р. в Сімферополі за ініціативою кримськотатарського Меджлісу та Інституту сходознавства АН України відбулася міжнародна конференція, присвячена проблемам переходу кримськотатарського письма на латинізовану основу. На конференції виступили з доповідями вчені з різних регіонів СНД і зарубіжних країн (Польщі, Угорщини, Туреччини, Норвегії, Англії). Була створена орфографічна комісія, яка зайнялася розробкою нового алфавіту. Комісія вже представила прийнятний варіант алфавіту з 31 знака. Зрозуміло, що новий алфавіт не буде відразу запроваджено в практику. Найближчим часом необхідно провести наукову експертизу нового алфавіту у міжнародному координаційному центрі, для того щоб запобігти графічному різнобою у передачі однакових звуків у різних тюркських мовах. Слід також підготувати поліграфічну базу, перекваліфікувати велику армію викладачів кримськотатарської мови, створити нові навчальні посібники для середньої і вищої шкіл.

На закінчення слід особливо підкреслити, що розв'язання всіх цих завдань вимагає створення необхідних консолідуючих наукових структур типу наукових інститутів мови і літератури, особливого підрозділу в Кримському відділенні АН України, а також достатнього фінансування. Розв'язання цих проблем тісно пов'язане і з об'єднанням зусиль усіх кримськотатарських учених.

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Проблемы возрождения и развития школ с обучением на государственных языках Крыма: Тезисы республиканской конференции. Симферополь, 21–22 января 1995. – Симферополь, 1995. – С. 12–13.)

Термин «языковая компетенция» используется в современной науке (психолингвистике) в разных значениях: как знания человека о языке (знание языковых единиц разных уровней, правил их изменения, сочетания друг с другом и др.) и как владение языком (использование этих знаний в процессах общения). Последнее поэтому часто называют также коммуникативной компетенцией.

Языковая, или коммуникативная, компетенция человека характеризуется через смежные понятия – языкового сознания и языковой личности, которые в свою очередь трактуются в науке неоднозначно. В данной статье эти термины используются в следующих значениях: языковое сознание – это способность человека формировать, хранить и перерабатывать языковые знаки в соответствии с выражаемыми ими значениями, правилами их изменения и сочетания друг с другом в предложении [4, с. 49]; языковая личность – это человек, обладающий способностями к речевой деятельности, т. е. способный производить речь, воспринимать и понимать её. Языковая личность и, следовательно, её коммуникативная компетенция могут быть охарактеризованы в различных параметрах и аспектах, из которых наиболее явными, так сказать, «поверхностными», являются порождение речи (говорение, письмо), восприятие речи (аудирование, т. е. восприятие на слух) и чтение. Последние две способности человека (аудирование и чтение) базируются на ментальных процессах интерпретации, понимании звуковых и графических языковых сигналов, воспринимаемых слуховыми и зрительными рецепторами.

Языковая компетенция крымских татар имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже располагаются в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание речи, воспринимаемой на слух; говорение; понимание речи, воспринимаемой в письменной форме;

чтение и письмо¹. Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и на пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях не культивировалось. Что же касается восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти способности представителей новых генераций крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались.

Известно, что в течение почти полувека советский тоталитарный режим проводил по отношению к крымским татарам политику насильственной русификации. Все социальные функции крымскотатарского языка, кроме одной (средство общения в семье) были отсечены актом депортации: отсутствовали школы с крымскотатарским языком обучения, не было передач на радио и телевидении, не издавались газеты и журналы и др. В таких дискриминационных условиях целенаправленно формировалось двуязычие, основными компонентами которого были крымскотатарский и русский языки, реже – крымскотатарский и узбекский, крымскотатарский и таджикский и др. По данным социологического измерения (опроса), проведенного в августе – сентябре 1997 г. в рамках проекта Центра технического сотрудничества Международной организации по миграции (ЦТС МОМ), крымские татары в домашних условиях используют русский язык так же часто, как и родной (соответственно 33% и 39,2% респондентов); на узбекском языке в семье говорят лишь 3% респондентов. Однако в общественных местах, на работе и в учебных заведениях на русском языке общаются 64,7%, на крымскотатарском 6,4% респондентов [3, с. 94].

В связи с социологическими измерениями, в том числе и с социолингвистическими опросами, встаёт вопрос о сущности феномена, называемого «родной язык». Респонденты затрудняются ответить на

¹ В связи с отсутствием каких-либо статистических данных, иллюстрирующих данные явления, автор здесь и далее опирается на собственный языковой и жизненный опыт, на свои наблюдения и обобщения.

вопрос: *Какой язык Вы считаете родным?* Можно встретить ответ: *Родным языком не владею.* В социалингвистике и психалингвистике советского периода было распространено такое определение: родной язык – это язык, на котором человек мыслит. Эта дефиниция обслуживала во многом коммунистическую идеологию, которая процессы русификации малых народов, утери ими национальной самобытности преподносила в качестве высочайшего достижения пресловутой «ленинской национальной политики». Вспомним в этой связи идиологему «советский народ», которой в пропагандистских целях активно пользовались советские политологи и обществоведы.

Следует признать, что в социо- и психалингвистике сегодня отсутствуют чёткие, непротиворечивые определения понятия «родной язык». Учёные предпочитают говорить о «первом языке» (Я1), «втором языке» (Я2), «языке повседневного общения» (ЯПО) и др. Это объясняется чрезвычайной сложностью самих социально-языковых реалий. Известно, что «хронологически» второй язык может вытеснить первый и стать языком повседневного общения или сосуществовать с ним, выполняя те же функции, т. е. стать как бы вторым родным языком. По мнению ученых, наиболее корректной сегодня представляется следующая формула: родной язык – это язык матери, язык своей национальности либо иной язык, определяемый в качестве такового самим человеком [2].

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1) симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся во всех общественных сферах родным и русским языками; 2) асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3) асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4) монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и 3-я группы ограничены в количественном отношении. В 1-ю группу входят преподаватели-филологи, писатели, журналисты; в 3-ю – люди пожилого возраста с низким уровнем обра-

зования. Наиболее многочисленна 2-я группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: 1) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); 2) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русских школах (говорят только на родном языке).

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. Речь говорящих изобилует лексическими и фразеологическими «вкраплениями» и разного рода кальками (словообразовательными, синтаксическими, фразеологическими) из русского языка. В данном случае речь идет не о безэквивалентной лексике типа *телефон, такси, диссертация* и т. п., а о единицах, имеющих понятийные эквиваленты в крымскотатарском языке: *революция – инкъилияп, рюмка – къаде, кружка – меишебе* и др. Особенно часто вставляются в крымскотатарскую речь служебные и модальные слова и словосочетания русского языка: *а, но, ну, даже, разве, короче, по-моему, вообще, потому что, чтобы* и др. Примеры: *Только мен онъы кормедим. Но бугунь кимсе кельмеди. Даже керек олса да бармам. А средствосы ёкъ эди. Мен айтарым да, чтобы сиз бильсенъиз. Давайте, кадрлары изучить этейик. Ну, не япмалы. Сиз анълады-нъыз, что о керек шей дегиль.* Очень часто используются разного рода кальки, т. е. буквальные переводы русских слов и оборотов на крымскотатарский язык: *эписинден биринджи (прежде всего), кунь тертиби (повестка дня), иш адамлары (деловые люди), тегерек стол, тегерек маса (круглый стол), большевиклернинъ къанлы къыйма машинасы (кровавая мясорубка большевиков), кениш къулланмакъ (широко пользоваться), сыджакъ къаршыламакъ (горячо встретить)* и др. (Примеры взяты из речи представителей 1-й и 2-й социальных групп).

Каковы же пути и способы возрождения крымскотатарского языка и, следовательно, достижения крымскими татарами полной языковой компетенции, т. е. овладения родным языком на всех уровнях его использования (говорения, понимания, чтения и письма)?

1. Расширение сети детских дошкольных учреждений и школ с родным языком обучения. Здесь возможны варианты: обучение и воспитание на родном языке во всех звеньях школы; обучение на родном языке лишь в начальной школе, а в последующих классах – на русском или украинском языках и др. Первый вариант обучения сегодня не может быть реализован в связи с отсутствием преподавательских кадров и учебно-методической литературы по всем учебным дисциплинам, кроме крымскотатарского языка и литературы.

2. Преподавание крымскотатарского языка, как языка коренного народа Крыма, в качестве обязательного учебного предмета во всех школах Крыма, независимо от языка обучения и воспитания. (Так было в Крыму до депортации крымских татар.)

3. Расширение издательской базы на крымскотатарском языке. Издание большого количества не только учебной, но и качественной художественной литературы, в том числе и переводной, для детей и юношества.

4. Создание перманентной языковой среды за счёт увеличения эфирного времени на радио и телевидении, что предполагает сплошную электрификацию и радиофикацию мест компактного проживания крымских татар.

5. Увеличение числа газет и журналов, издаваемых на крымскотатарском языке, и публикация в них, из номера в номер, русско-крымскотатарских мини-словарей и всякого рода занимательного материала (загадок, кроссвордов, чайнвордов и т. п.).

Думается, ряд этот можно продолжить.

Я с оптимизмом смотрю в будущее. Через одно-два поколения (40–50 лет) крымскотатарский язык займёт свое законное место в многоцветье языков Крыма, как язык коренного народа. Основанием для такого оптимизма является практика крымскотатарского языкового строительства, которая наблюдается в Крыму в последнее десятилетие: создана и активно работает ассоциация преподавателей крымскотатарского языка и литературы «Маарифчи»; проводятся научно-практические конференции, круглые столы и методические семинары, посвящённые проблемам возрождения крымскотатарского языка, оптимизации его преподавания в средней и высшей школе; открываются новые школы и классы с крымскотатарским языком

обучения и воспитания; в Министерстве образования АРК появилась новая структурная единица – управление образования на крымскотатарском языке и др.

Литература

1. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – Москва: Изд-во РГГУ, 1999. – 382 с.
2. Регушевський Є. До розуміння поняття «рідна мова» // Проблеми языков и культур в посткомуністических странах Центральной и Восточной Европы. Сб. докладов международной научно-практической конференции. – Киев: УНВЦ «Рідна мова». – 1999. – С. 10–13.
3. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан. – Сентябрь, 1998. – Киев, 1998. – 100 с.
4. Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 30 мая – 2 июня 1988). – Москва, 1988.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК: ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНОЦИДА

(Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995. – С. 50–53).

Почти полувековая дискриминационная политика, проводившаяся по отношению к крымским татарам, нанесла огромный ущерб крымскотатарскому языку. Это сказалось прежде всего на его социальном статусе: резко и насильственно были отсечены все социальные функции языка. Известно, что до депортации крымскотатарский язык использовался не только в быту, но и в начальной, средней и высшей школе, в делопроизводстве, юриспруденции, на радио, в науке, публицистике и художественной литературе. В условиях же ссылки язык выполнял лишь одну функцию – средства общения в семье в форме крымских территориальных говоров и наречий.

Известно, что язык отмирает, если он перестает быть средством общения в семье. Но, выполняя только эту функцию, он не только не развивается, но и беднеет, вырождается. Из него выпадают, за неустребованностью в процессах общения, целые пласты слов и специфические грамматические конструкции, свойственные книжной речи. Витальность и дальнейшее развитие языка обеспечиваются его использованием прежде всего в трёх сферах: в быту, в преподавании и в общественной жизни. В условиях ссылки только в 1965 г. учащиеся 3–10 классов из крымских татар получили возможность изучать родной язык два часа в неделю (факультативно). В 1986–1987 учебном году в 40 школах Узбекистана родному языку обучалось около 5 тысяч учащихся крымскотатарской национальности. Преподавание велось силами 45 учителей, из которых лишь половина была специалистами, окончившими отделение крымскотатарской филологии Ташкентского педагогического института имени Низами.

В условиях ссылки активно и целенаправленно формировалось крымскотатарко-русское двуязычие. Официальная идеология трактовала эти процессы только в положительном ключе как иллюстрацию торжества ленинской национальной политики, в русле которой все национальные языки в СССР якобы гармонично развива-

лись и обогащались. В зарубежной социолингвистике, однако, давно была разработана типология двуязычия, которой советские учёные никогда не пользовались применительно к языковой ситуации в СССР: равнофункциональное, нефункциональное и разнофункциональное двуязычие. Крымскотатарско-русский билингвизм относится к третьему типу – разнофункциональному. По свидетельству учёных, именно такое двуязычие является постоянным источником социального напряжения. Крымскотатарский язык используется сегодня преимущественно в быту, в гораздо меньшей степени – в публицистике и художественной литературе. Говорить о его полноценном функционировании в сфере народного образования и науки еще рано.

Такой ущербный социальный статус крымскотатарского языка имел отрицательные последствия по двум направлениям: 1) произошли серьёзные разрушения в самой его системе; 2) перестало развиваться крымскотатарское языкознание, так как был наложен запрет на научное осмысление языка.

Ущерб, нанесённый системе крымскотатарского языка, особенно заметен в сфере лексики, как таком участке языковой системы, который наиболее мобильно, оперативно реагирует на новации в социальной сфере. Здесь протекали два процесса, одинаково разрушительных для языка: 1) «вымывались» из активного словаря носителей языка большие пласты слов, выражавших официально-деловые и научные понятия, а также группы слов, связанные с традиционными формами жизнедеятельности крымских татар – табаководством, отгонным животноводством, виноградарством и т.д. (*демет*, *деметчи*, *тютюнджи*, *ашлама*, *лескер*, *чапа* и др.); 2) максимально активизировался приток русских и, через посредство русского языка, интернациональных слов, которые вытесняли исконно тюркские и арабско-иранские элементы. (Ср.: *джумхуриет* – *республика*, *меселе* – *проблема*, *инкыляп* – *революция*, *нишан* – *орден* и др.)

Значительный урон языку наносят вкрапления, т. е. русские слова, словосочетания и целые предложения, которые включаются в устную речь без надобности при наличии крымскотатарских эквивалентов: *Сен почему-то догъру саймадынь. Мени позорлама. Менде бугунь день рождения оладжакъ* и др. Русские вкрапления встреча-

ются не только в речи молодых людей, но и представителей среднего и даже старшего поколений.

Что касается крымскотатарского языка как объекта научного изучения, то здесь со всей определённой можно сказать, что он исследован весьма фрагментарно. Имеющиеся научные работы посвящены частным проблемам крымскотатарского языка (Меметов А. М., Акмоллаев Э. С., Изидинова С. Р.), иные стали библиографической редкостью (Самойлович А. Е., Ислямов А., Куртмоллаев Э.) или недоступны читателю по причине графического оформления (Крымский А. Е., Чобан-заде Б. В. и др.).

Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как фонология, фонетика, грамматика, лексикология, фразеология, лексикография и др. в синхроническом и диахроническом аспектах. Предстоит огромная научная работа, которая не под силу учёным-одиночкам; нужны усилия целого коллектива, например, НИИ крымскотатарского языка и литературы.

Мощным фактором развития языка и науки о нём является, как известно, письмо (графика). Крымскотатарское письмо в течение последних 70 лет реформировалось трижды: в 1929 г. арабское письмо было заменено латинским, а последнее в 1938 г. – кириллицей. Известно также, что эти реформы диктовались не столько научными соображениями (адекватное отражение фонемного состава языка в графике), сколько геополитическими планами советского тоталитарного режима, одержимого идеей нивелирования национальных культур и их скорейшего слияния в единую коммунистическую культуру.

17–20 июня 1992 г. в Симферополе по инициативе Меджлиса крымскотатарского народа и Института востоковедения АН Украины была проведена международная научная конференция, посвящённая проблеме перевода крымскотатарского письма на латиницу. Орфографической комиссией, в состав которой входили учёные из Крыма, Польши, Венгрии, Турции и др., был разработан и принят новый алфавит, способный, по единодушному мнению учёных, более адекватно передать специфику фонологической системы крымскотатарского языка. Думается, что сегодняшние условия – условия возрождения крымскотатарской культуры, в том числе и народного

образования, требуют незамедлительной реформы письма. Крымскотатарская научно-педагогическая общественность ждёт принятия соответствующего решения правительствами Украины и Крыма.

Языковая политика всегда была важнейшей частью национальной политики в любом многонациональном государстве. Если мы хотим наладить сотрудничество между народами, населяющими Крым, пора переходить к реальному языковому обустройству – разработать новую концепцию, методы и формы языковой политики в Крыму. Языковое обустройство может быть проведено в жизнь двумя путями: 1) в русле языкового законодательства и 2) через деятельность различных общественных и частных организаций.

Крымскотатарский язык более, чем какой-либо другой в бывшем СССР, нуждается в защите, потому что он дольше других функционировал в дискриминационных условиях. Записанное в ст. 6 Конституции Автономной Республики Крым положение о придании крымскотатарскому языку, наряду с русским и украинским, статуса государственного остается голой декларацией, не подкреплённой сегодня реальными условиями его функционирования. Назрела необходимость издать систему указов, реализующих эту статью Конституции и способствующих расширению социальных функций крымскотатарского языка: о выделении в школьной программе обоснованного с научно-методической точки зрения максимума часов на изучение крымскотатарского языка и литературы; об обязательном открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания татар; об обязательном анкетировании выпускаемой продукции на всех государственных языках Крыма, в том числе и на крымскотатарском; об использовании крымскотатарского языка в судах, нотариатах, отделениях милиции, что может быть обеспечено при владении им отдельными сотрудниками этих учреждений; указ об увеличении эфирного времени для передач на крымскотатарском языке на радио и телевидении (сегодня это время составляет на радио около шести часов, на телевидении около двух часов в неделю). При исполнительных органах власти следует создать специальные комиссии по защите крымскотатарского языка, которые должны заниматься реальной работой в данном направлении. Проблемы функционирования и развития языка нельзя

рассматривать лишь в рамках лингвистики и социологии. Язык не только социальное явление, но и самый мощный психологический феномен. Введение в повседневную жизнь жителей полуострова крымскотатарского языка в форме вывесок, объявлений, рекламных щитов и пр. может в очень короткий срок создать в Крыму благоприятное в отношении крымских татар психологическое пространство, которое будет способствовать стабилизации межнационального согласия в регионе.

Психология постсоветского человека, к сожалению, всё еще остается ущербной: он продолжает смотреть «наверх» и руководствоваться в своем поведении указаниями «сверху». В окружении же крымскотатарских текстов у обывателя, даже настроенного против крымских татар (официальная идеология десятилетиями формировала в сознании крымчан «образ врага» – крымского татарина), будет складываться новая психологическая установка, направленная на корректное поведение по отношению к крымским татарам. Следует также создать условия наибольшего благоприятствования, в том числе и финансового, для деятельности таких крымскотатарских учреждений, как театры, музеи, частные школы и т. п.

Языковое законодательство должно осуществляться высшим органом власти, в нашем случае – Верховным Советом Крыма. А какие законы в пользу миноритарного крымскотатарского языка может принимать Верховный Совет, в составе которого до сих пор не было крымских татар? По результатам выборов в Верховный Совет Крыма, которые состоялись 27 марта и 10 апреля 1994 г., из 94 депутатов (всего должно быть 98) лишь 14 являются крымскими татарами. Удастся ли им добиться решения круга вопросов, связанных с восстановлением прав крымских татар, в том числе и в сфере языкового обустройства, покажет время.

Решение вопросов языкового строительства в Крыму является прерогативой специальной комиссии Верховного Совета, а также Комитета по делам национальностей при правительстве Крыма, который должен продумывать пути и механизмы воплощения в жизнь принятых Верховным Советом языковых законов.

Языковая политика в любой стране всегда требовала и требует больших материальных затрат: на подготовку учителей, переводчи-

ков, на дублирование текстов и др. Но эти затраты, как показывает практика языкового строительства в многонациональных государствах мира, всегда с лихвой компенсируются. Положительный эффект обустройства крымскотатарского языка может обнаружить себя по следующим направлениям: 1) в историко-культурном отношении – сохранит для всего человечества крымскотатарский язык и связанную с ним оригинальную многовековую культуру; 2) в социально-психологическом отношении – крымские татары обретут чувство национального достоинства, а в случае с репрессированным народом это – очень важный момент; 3) в социально-политическом плане – будет способствовать стабилизации гражданского согласия в Крыму и в конечном счете – экономическому процветанию Крыма.

«СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ»: КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА

(Журнал «Брега Тавриды». – Симферополь, 1995. – № 4–5. – С. 213–215)

Русские писатели, даже подолгу жившие в Крыму (А. П. Чехов, М. А. Волошин и др.), никогда не избирали крымских татар в качестве основных героев своих творений. В лучшем случае для них это был любопытный этнографический материал. И это понятно и объяснимо одним словом – Восток: иной быт, иной менталитет, иная культура.

На первый взгляд, это характерно и для творчества И. С. Шмелева, жившего в Крыму очень короткое время – с 1918 по 1922 гг. Для писателя это были трагические годы: здесь, почти на его глазах, красные расстреляли его единственного сына, офицера Добровольческой армии, отказавшегося уехать на чужбину с врангелевцами. Это были трагические годы для всего Крыма: большевистский террор, торжество хама, «бациллы человечей», по определению старого доктора Михаила Васильича. И страшный голод 1921 года.

«Солнце мёртвых» – многоплановая сквозная метафора: это холодное солнце Крыма 1921 года, отражающееся в мёртвых глазах замученных в большевистских застенках-подвалах и не греющее живых, доживающих свои последние дни. Оно мертво для всех: и для людей, и для животных, и для растений. Оно равно мертво освещает два мира – русский и татарский, которые, пересекаясь, не сливаются на житейском уровне. Оба мира – русский и татарский – равно трагичны: и там и тут голод, и там и тут – смерть от рук большевиков.

Татарский Крым нашёл отражение в тематическом поле «татары», ядром которого выступают субстантивные номинации словного и сверхсловного типа, пронизывающие, «прошивающие» всю художественную ткань романа: *татары, татарин, татарка, татарчата, татары-проводники, старый татарин, старая татарка, пожилой татарин, богатый татарин, меднорожий татарин, маленький татарин, чумовой татарин, вежливые татары, муэдзин, чабан* и др. Остальные элементы тематического поля можно расположить вокруг ядра в виде концентрических кругов.

Круг первый составляет именная парадигма с определением «татарский»: *татарская земля, татарский двор, татарский дом, татарские кони, татарские постолы, «татарская ямка»* (по-видимому, микротопоним), *татарская груша, татарский виноградник* и др. Назначение этой парадигмы – подчеркнуть чуждость (но не враждебность!), граничащую с экзотичностью, этого – татарского – мира повествующему и медитирующему автору. Апогеем темы чуждости татарского мира автору является рефрен «*Чужая земля, татарская*», звучащий в заключительной главе эпопеи «Конец концов» [1, с. 241].

В круге втором тематического поля «крымские татары» находятся субстантивные номинации специфически татарских или общетюркских реалий: *кутюк, катык, бекмес, буздурхан, чебурек, кизил, айва, персик, аул, мечеть, минарет, кошара, ослик, зурна, джил-хабэ, чадра, звон бахчисарайский* и др. Каждая из этих номинаций обладает мощной пресуппозицией – способностью продуцировать широкие фоновые знания о крымскотатарском мире. Так, *кутюк* – это пень, колода; *катык* – кислое молоко особого приготовления; *бекмес* – уваренный фруктовый сок, патока; *буздурхан* – крымский сорт груши с медовыми жёлтыми плодами; *джил-хабэ* – это название дождливого месяца ноября, «когда белки уходят в норы» [1, с. 210]. Словосочетание *звон бахчисарайский* воссоздает образы фазтонов «*в пунцовом плисе с белыми балдахинами, вздувающимися на быстром ходу <...>, с конями в шерстяных розанах <...>, управляемых татарами-проводниками с нафабранными усами, со стеком за лаковым голенищем, с запахом чеснока и перца*» [1, с. 24]. В таких фазтонах до революции катались приезжие господа.

В круге третьем – величественная крымская природа: горные хребты, скалы, ущелья, реки. Это Яйла с её ароматными пышными лугами. Вот – «*мохнатая шапка лесного Бабугана. Утрами золотится он; обычно – дремуче-чёрен. Видны на нём щетины лесов сосновых, когда солнце плавится и дрожит за ними. Оттуда приходит дождь. Солнце туда уходит*» [1, с. 31]. «*А вот скоро ветры сорвутся с Чатырдага, налягут на Палат-Гору снеговые тучи, от чёрного Бабугана натянет ливни <...>*» [1, с. 31]. «*Когда Чатырдаг дышит, все ветры кричат – готовься! Татары это давно знают. И*

не бояться» [1, с. 178]. «Демерджи зарозовела, замеднела... плавится, потухает. А вот уже и синеть стала. Заходит солнце за Бабуган, горит щетина лесов сосновых. Погасла. Похмурился Бабуган, смотрит сурово...» [1, с. 93]. Всё это – немые, безмолвные свидетели вершащейся трагедии. Вот «крепостная стена-отвес, голая Куш-Кая, плакат горный. Утром – розовый, к ночи – синий. Всё вбирает в себя, всё видит. Чертит на нём неведомая рука <...>» [1, с. 13]. «А голая стена Куш-Кай – всё та же, всё та же летопись: пишет по ней неведомая рука. Всё вбирает в себя, всё видит» [1, с. 131].

На периферии поля «крымские татары» находятся экзотизмы – слова из крымскотатарского языка, встречающиеся в речи татар и русских: *якши, шайтан, селям алекюм* и др. Сюда же можно отнести и искажённые формы русских слов в речи татар: «*Це-це-це... Кемал-Паша! Крым идет... пыламот стрылял, балшивит тикал! Хлэб будыт, чурэк-чебурэк... барашика будыт... Балшой чилавэк Кемал-Паша!*» [1, с. 23]. «*Тыква кушал. Вот... Пропал на горах два мешка мука. Плоха*» [1, с. 203]. «*Ией!.. бери коня. Купай... Ко-зй-ией! коня бери... Клеба давай... Карей... все памирай... Пажалюста... Клеба давай... мала-мала!*» [1, с. 231].

Действительно, в начале века татары в массе своей не владели русским языком. Искажения слов и словоформ в татарской речи во многом обусловлены спецификой фонетической и грамматической систем русского и крымскотатарского языков. Можно сказать, что автору удалось в целом адекватно передать русскую речь татар. Так, письменная фиксация русизмов в татарской речи отражает такой фонетический закон русского языка, как редукция безударных гласных: *плоха (плохо), карей (скорей), памирай (помирать)* и др. Верно передана и форма *карей* (вместо *скорей*): опущен первый согласный в инициале слова, так как в тюркских языках действует фонетический закон, согласно которому в абсолютном начале слова не может быть стыка согласных. При заимствовании или использовании иноязычных слов, имеющих в абсолютном начале несколько согласных звуков, татарин (как и любой тюркоязычный говорящий) мог отбросить один из согласных (закон выкидки) или вставить между ними какой-либо гласный звук (закон вставки), например, сказать *сыкарей*.

Однако в графической передаче искажённой русской речи имеются и неточности. Так, трудно согласиться с формами *клеба* (не соблюдены законы эпентезы или диэрезы), *козяй* (не соблюден закон редукции гласных), *пажалюста* (в крымскотатарском языке имеется корреляция фонемы <л> по твердости-мягкости, поэтому замена [л] твердого на [л'] мягкий здесь необусловленна) и др. Вообще неадекватная передача устной речи аборигенов характерна для творчества многих русских писателей. По-видимому, это художественная универсалия, обусловленная системными различиями контактирующих языков.

Воспринимая татарский мир несколько отстранённо и остранным, автор, тем не менее, описывает его в положительном ключе. Татары доверчивы, добры и милосердны: делятся едой, дают в долг. У вдовы сапожника Прокофия, Тани, грабители отняли вино, которое она несла в степь на обмен. А дома – голодные дети. *«Спасибо, татаре в долг опять вина дали»* [1, с. 188], – говорит она. Вот голодные дети Глазковых повстречались с татарскими парнями-чабанами. *«Вежливые татары, – говорит старшая девочка. – Досыта накормили... Так они нас жалели! И с собой дали, несём мамаше. Велели и ещё приходить. Хлопцы очень хорошие <...> А татары вежливые. Если бы замуж взял... пошла бы! – бойко сказала она, развязно хлопая по земле ладошкой. – Что ж, что чужая вера!»* [1, с. 135–136].

Татары благородны, верны слову. Когда большевики арестовали группу бежавших в лес – *«их было семеро... татары больше»* [1, с. 104], – те затеяли побег. Жребий выпал татарину, и он принял мученическую смерть ради спасения своих товарищей – русских, татар и чеченцев.

Сцена ночного прихода старого татарина к умирающему от голода автору – с подарком от старого Гафара, корзиной с едой, – является апофеозом единого Бога, общего и для русских, и для татар (глава «Жива душа!»). В эмоциональном плане – это наиболее сильные страницы эпопеи, которые невозможно читать без волнения и слез: *«Я беру его за мокрые плечи и пожимаю. Ушли слова. Они не нужны, слова. Дикарь, татарин? Велик Аллах! Жива человеческая душа! Жива!!*

– Скажи Гафару...старому Гафару... Скажи, Абайдулин... старому татарину Гафару... Аллах!

– Аллах!.. – говорит в огонь сумрачное коричневое лицо. – У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Всё – Аллах!

Теперь ничего не страшно. Теперь их (большевиков – А. Э.) нет. Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из тёмного угла смотрит, из маленьких глаз татарина. Татарин привел Е го! Это Он велит дождю сеять, огню – гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! <...> Ты всё можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. В дожде и в ночи пришёл Ты с татаринoм, по грязи... Пребудь с нами до солнца!» [1, с. 212–213].

На этом высоком – не житейском, а духовно-божественном – уровне оба мира, русский и татарский, наконец сливаются воедино. И это залог того, что после тёмной ночи взойдет – для всех – СОЛНЦЕ ЖИВЫХ.

Сегодня в Крыму тоже трудные времена. И хочется надеяться, что все мы – и татары, и русские, и украинцы, и все другие жители Крыма – будем помнить уроки трагического прошлого, будем терпимы друг к другу, потому что над всеми нами единый Бог – Человек во всей красоте и мощи своей духовности.

Это завет Ивана Сергеевича Шмелёва.

Литература

1. Шмелёв И. С. Солнце мёртвых // С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 1920–1930-х гг. – Книга первая. М.: Водолей, 1992. – С. 9–247.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (На материале языковой ситуации в Крыму)

(Гражданское общество и социальные права / Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, 5–11 октября 1997). – В 2-х книгах. – Книга 2. – Симферополь, 1997. – С. 42–46.)

Языковые права должны занять особое место в номенклатуре социальных прав, предоставляемых индивидууму в гражданском обществе. Языковые права предполагают свободу выбора человеком определенного языка, право на его изучение и использование в личной и общественной жизни.

Комплекс языковых прав имеет как личностный, индивидуальный, так и социальный, культурно-исторический, аспекты. На личностном уровне – это право человека на добровольное причисление себя к определенному языковому коллективу, право на получение образования на данном языке, право на полноценное овладение другими языками социума. На культурно-историческом уровне – это право этноса на сохранение и развитие своего языка и, следовательно, своей культуры [1].

Ущемление языковых прав воспринимается людьми особенно болезненно, так как затрагивает психологические основы национальной самоидентификации личности. Более того, языковые факторы часто являются той почвой, на которой возникают межэтнические конфликты.

Языковая ситуация в постсоветской Украине является сегодня достаточно сложной. Тому причиной не только деструкция пресловутой «ленинской национальной политики», но и активизирующиеся в последние годы процессы становления новой украинской государственности. Что касается Крыма, то языковая ситуация здесь ещё более сложна и даже взрывоопасна. И это связано не столько с репатриацией крымских татар, которая за последние 8 лет кардинально изменила лингвистическую карту Крыма и Украины, но, главным образом, с непродуманной языковой политикой в украинском государстве. Взвешенная языковая политика в многонациональном государстве должна строиться с учётом объективного анализа языковой ситуации в отдельных, особенно маркированных в социально-поли-

тическом отношении, регионах. Таким особым регионом в Украине является Крым с его преобладающим русскоязычным населением, с одной стороны, и возвращающимися на родину крымскими татарами – с другой. Автор неоднократно затрагивал эти вопросы в своих научных публикациях. В частности, в конце 1993 г. по заказу Крымского отделения НАН Украины им был разработан антикризисный проект по данной проблематике.

Языковую ситуацию целесообразно представить в трёх аспектах: количественном, качественном и оценочном. Ниже дается краткое описание языковой ситуации в Крыму.

В количественном аспекте языковая ситуация в Крыму многокомпонентна: функционируют несколько десятков языков, доминирующими из которых являются русский, украинский и крымскотатарский. Их демографическая мощность (количество говорящих) не соотносится однозначно с национальной принадлежностью говорящих. По данным Управления миграции при Совете Министров АРК на сентябрь 1995 г. в Крыму проживали 1804951 русских, 700611 украинцев, 220110 крымских татар, 16132 белорусов, 563 караимов, 310 крымчаков и др. Коммуникативная мощность этих языков (количество обслуживаемых ими социальных сфер) также различна. Русский язык выполняет весь набор социальных функций: используется в семье, на производстве, в сфере образования, науке, средствах массовой информации и др. Украинский язык, несмотря на усилия государства, направленные на расширение его функционального пространства, используется в Крыму с известными ограничениями. В наиболее трудном положении находится крымскотатарский язык, так как он около полувека подвергался лингвоциду (языковым репрессиям). Демографическая мощность его не изучена.

В качественном отношении языковая ситуация в Крыму может быть охарактеризована как гетерогенная (функционирующие языки различны по происхождению) и гетероморфная (языки различны по типу, грамматическому строю). Такая ситуация может скрывать в себе конфликтогенные факторы.

В плане коммуникативной пригодности, эстетичности и культурной престижности три доминирующих в Крыму языка оцениваются говорящими «изнутри» (оценка родного языка) и «извне» (оценка чужого языка) по-разному. Украинский язык в качестве государ-

ственного воспринимается большей частью русскоязычного населения как «чужой», навязываемый. К сожалению, негативная оценка украинского языка со стороны носителей русского языка во многом обусловлена некорректной языковой политикой украинских властей. Известно, например, что в Кабинете Министров Украины сегодня на рассмотрении находится проект закона «О развитии и применении языков в Украине» № 1240 от 2 июля 1997 г., который в случае его принятия, по мнению депутата Верховной Рады В. Алексеева, будет способствовать росту социальной напряжённости в Украине.

Как показывает социальная практика, в Украине сегодня отсутствует концепция корректной языковой политики. Ведь «Закон о языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. был принят тогда, когда ещё не существовало Автономной Республики Крым, а крымские татары в массе своей проживали в местах ссылки. Все три доминирующих в Крыму языка сегодня нуждаются в защите, однако мотивы в каждом случае различны.

Языковое обустройство Крыма должно проводиться двумя путями: в русле языкового законодательства и через деятельность различных государственных, общественных и частных организаций. Прежде всего следует определить социально-правовой статус русского и крымскотатарского языков. Обратимся к ст. 10 Конституции Украины, принятой 28 июня 1996 г.: «Ст. 10. Государственным языком в Украине является украинский язык. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины.

В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств в Украине. Государство способствует изучению языков международного общения. Применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом».

Социальный статус крымскотатарского языка ясен: он является языком национального меньшинства. Однако здесь не мешает вспомнить, что до депортации крымских татар (1944 г.) он имел статус государственного языка, что нашло отражение и в ст. 6 Конституции АРК, изъятой из текста при его обсуждении в Верховной Раде Украины. Что касается русского языка, то приведённый выше текст ст. 10 Конституции не проясняет его социально-правового статуса.

Следует обратить внимание на постановление ВС АРК «О проектах законов Украины о языках в Украине, внесённых на рассмотрение Верховной Рады Украины» № 1261-1 от 23 июля 1997 г. В постановлении содержится просьба к Верховной Раде Украины утвердить ст. 6 Конституции АРК в следующей редакции: «Официальным языком и языком делопроизводства в Автономной Республике Крым является русский язык. Государственными языками в Автономной Республике Крым являются крымскотатарский, русский и украинский языки». Более того, в разделе 2 данного постановления предлагается народным депутатам Украины от Крыма оформить законодательную инициативу по внесению в Конституцию Украины нормы о придании русскому языку статуса второго государственного языка в Украине.

В связи с содержанием данного постановления ВС АРК возникает необходимость дать чёткую дефиницию понятий «государственный язык» и «официальный язык»: «Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [2]. Исходя из приведённых выше дефиниций, государственным языком в Крыму следует признать украинский, а русскому и крымскотатарскому языкам придать статус официальных языков. В этом случае можно избежать противоречия между ст. 10 Конституции Украины и ст. 6 Конституции АРК.

Именно такой – официальный – статус русского языка утверждается в проекте постановления «О функционировании русского языка на территории АРК», внесённом группой депутатов (Клычников В. Н. и др.), а также в проекте постановления правовой службы секретариата ВС АРК «Об использовании русского и других национальных языков в АРК», предложенных для обсуждения в сентябре 1997 г. Однако почему-то такой же статус «забыли» придать крымскотатарскому языку.

Практический аспект языкового строительства в Крыму предполагает проведение конкретной работы в рамках культурных центров и обществ. Применительно к крымскотатарскому языку это означает также принятие ряда указов, обеспечивающих создание условий для его оптимального функционирования и развития: об обязательном

открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания крымских татар; об обязательном изучении детьми крымских татар родного языка в полном объеме; об увеличении эфирного времени на радио и телевидении и др. Успешное обустройство крымскотатарского языка имеет и побочный положительный эффект: оно является прецедентным и особо значимым для крымских караимов, язык которых находится на грани аннигиляции. Свои надежды на возрождение родного языка они напрямую связывают с судьбой близкородственного крымскотатарского языка: «Крымские караимы там, где это возможно, намерены отдавать своих детей в классы с углубленным изучением крымскотатарского языка с последующей адаптацией к крымскокараимскому языку» [3].

Языковые права человека должны дополняться его языковыми обязанностями. Содержание последнего понятия в трудах по социолингвистике до сих пор четко не сформулировано. По мнению исследователей, индивидуальными и коллективными языковыми обязанностями носителей мажоритарных языков является овладение миноритарными языками и их использование при общении с представителями миноритарных этносов. В свою очередь, языковой обязанностью представителей миноритарного этноса является овладение мажоритарным языком во всех его коммуникативных вариантах. Эти обязанности должны выполняться при содействии как семьи, так и школы [1, с. 15 и след.].

Соблюдение языковых прав и обязанностей должно гарантироваться законом и обеспечиваться разумной языковой политикой. Языковая политика в многонациональной Украине является важнейшей составляющей внутренней государственной политики и в значительной степени определяет «лицо» Украины в глазах мировой демократической общественности.

Литература

1. Дьячков М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. – Москва: ИНПО, 1996. – С. 14.
2. Нерозняк В. П. Языковая реформа (1990–1995) // Вестник РАН. – Москва, 1996, Т. 66, № 1. – С. 3–7.
3. Л. Ефетова-Габай, Ю. Полканов. Пусть звучит родная речь // Голос Крыма. – № 36. – Симферополь, 12 сент. 1997.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(Журнал «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.)

Возрождение и развитие крымскотатарского языка предполагает создание словарей разного типа – как общих, так и специальных, как одноязычных, так и дву- и многоязычных. Практическая лексикография (словарное дело), как известно, выполняет очень много функций. Словари обеспечивают обучение языку, родному и неродному, осуществляют кодификацию (описание и систематизацию) норм литературного языка, а также способствуют межъязыковому общению. Только на базе представительных словарей, отражающих все параметры языковой системы, возможно объективное научное описание и изучение какого-либо языка.

Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние частного языкознания. Применительно к крымскотатарскому языку это означает, что существующие сегодня словари очень ярко иллюстрируют бедственное состояние крымскотатарского языкознания.

Известно, что почти пятидесятилетняя ссылка крымских татар нанесла огромный ущерб не только крымскотатарскому языку, но и науке о нём. Сегодня отсутствует общая теория описания всех уровней крымскотатарского языка. Имеющиеся работы посвящены частным проблемам (работы А. Меметова, Э. Акмоллаева, С. Изидиновой и др.), иные стали библиографической редкостью (А. Н. Самойловича, А. Ислямова, Э. Куртмоллаева) или недоступны читателю по причине графического оформления (Б. Чобан-заде, А. Е. Крымского). Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как фонетика, фонология, грамматика, лексикология, фразеология, лексикография и др.

В данной работе сделана попытка охарактеризовать современное состояние крымскотатарской лексикографии и наметить возможные пути её развития. Эта цель предполагает типологизацию существ-

вующих словарей, т. е. их соотнесение с современной типологией словарей, что позволит выявить лакуны в крымскотатарской лексикографии и наметить наиболее актуальные направления развития словарного дела.

Как известно, различают словари энциклопедические и филологические. Энциклопедии – это словари понятий, в которых даются сведения о предметах и явлениях действительности. С точки зрения охвата материала энциклопедические словари бывают общими (дают систематизированный свод знаний из различных сфер жизни общества) и специальными, отраслевыми. В филологических (лингвистических) словарях даются сведения о различных языковых единицах и их использовании в речи.

В крымскотатарской лексикографии имеется первый опыт создания общего энциклопедического словаря: Крымскотатарская энциклопедия. – В 2-х томах. – Т. I. – Симферополь: Ватан, 1993. Т. II. – Симферополь, 1995. – 835 с. Автор-составитель – профессор Рефик Музафаров. Следует отдать должное патриотическому порыву и отваге составителя словаря, взявшего в полном одиночестве выполнить столь ответственную работу. Однако словарь имеет много недостатков: отсутствует целостная концепция словаря; не продуман словник (в нем имеются избыточные элементы, не коррелирующие с типом словаря; с другой стороны, некоторые значимые концептуальные сферы вообще не нашли отражения в словаре); содержание словарных статей не всегда полно и, главное, точно; имеются бросающиеся в глаза изъяны формального характера (пропущены страницы, отсутствуют «входы» в словарь – тематический и алфавитный указатели в конце словаря); встречаются разного рода грамматические и стилистические ошибки и др.

По моему глубокому убеждению, энциклопедический словарь, представляющий «лицо» крымскотатарского народа перед мировой общественностью, не может составляться по единоличному произволу, даже благородному и патриотическому, как в данном случае, – здесь должен работать коллектив компетентных в разных социальных сферах авторов.

Что касается филологических словарей, то здесь больше лакун, чем достижений. Отсутствует толковый словарь крымскотатарского языка. Составление такого словаря числилось в планах работы су-

ществовавшего до войны научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Возможно, материалы к словарю хранятся в каких-либо архивах. Сегодня ощущается острая нужда в разного типа толковых словарях – полном, т. н. академическом, среднем и учебном.

Большая часть имеющихся словарей – это русско-крымскотатарские, в том числе и терминологические словари. Из довоенных изданий следует назвать следующие: Заатов О. Полный русско-татарский словарь. – Симферополь, 1908; Жирицкий Л. В., Ислямов А. И., Баккал А. И., Курчки Я. С. Русча-татарджа лугъат. Башлангыч мектеп ичюн (Русско-татарский словарь. Для начальной школы). – Симферополь, 1940. – 136 с; Михайлов П. М. Русско-татарский терминологический словарь по литературе и литературоведению. – Симферополь, 1936; Борковский В. И., Ислямов А. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери (Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию). – Симферополь, 1941. – 58 с.

К названным выше терминологическим словарям примыкают словари по разным дисциплинам: Русча-татарджа терминлер джыйынтыгы: 1. математика, 2. физика, 3. химия, 4. география, 5. геология, 6. биология, 7. ботаника, 8. зоология, 9. инсаннынъ анатомия ве физиологиясы. – Акъмесджит, 1934. (В 1991–1994 гг. эти словари были переизданы в Симферополе при финансовой поддержке Госкомнаца Крыма.) Двухязычные мини-словари были помещены в качестве приложения к руководству по обучению крымскотатарскому языку: татарско-русский словарь – около 500 слов (См. А. Одабаш, И. С. Кая. Руководство для обучения крымскотатарскому языку. – Симферополь: Крымиздат, 1924); татарско-русский словарь – около 1000 слов (И. С. Кая. Руководство для обучения крымскотатарскому языку по новому алфавиту. – Симферополь, 1928) и русско-татарский словарь – около 500 слов (там же).

Из довоенных словарей следует назвать также орфографический словарь: Баккал А. И., Ислямов А. И., Куртмоллаев Э. А., Муллина Р. М. Къырымтатар тилининъ орфография лугъаты. – Симферополь. – 1 изд. – 1939; 2 изд. – 1941. Этот словарь лёг в основу нескольких словарей, изданных в последние годы (см. ниже).

Издания последних десяти лет представлены следующими типами словарей:

1) Два переводных словаря с левой крымскотатарской частью: Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Кърымтатарджа-русча лугъат. – Киев: Радянська школа, 1988. – 240 с. В словнике словаря более 7 000 слов, адресат – учащиеся средней школы. Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь. – Тернополь: СМН ВП «Диалог», 1994. – 398 с. В словаре свыше 12000 слов, адресат – максимально широкий.

2) Два переводных словаря с левой русской частью: Усеинов С., Миреев В. Русско-крымскотатарский словарь. – Симферополь: Таврия, 1992. – 83 с. Словарь включает около 7000 слов и адресован широкому кругу читателей. Абдуллаев Э., Умеров М. Русско-крымскотатарский учебный словарь. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1994. – 384 с. Словарь содержит более 5000 слов современного русского языка и их эквиваленты в крымскотатарском языке.

3) Меметовым А. изданы два орфографических словаря: для начальной школы – «Имля лугъаты» (1–3 сыныф талебелери ичюн). – Акъмесджит: Анаюрт, 1993. – 72 с. (4500 слов); для средней школы – «Имля лугъаты». – Акъмесджит: Крымучпедгиз, 1994. – 175 с. (14500 слов). Оба словаря составлены, по свидетельству автора, на основе названного выше орфографического словаря Баккал А. И. и др., изданного в 1939 и 1941 гг.

4) Два словарика личных имён крымских татар: Озенбашлы Э. Кърымтатар адлары (Крымскотатарские имена). – Симферополь: Таврия, 1992. – 49 с. (около 1000 личных имён с этимологическими справками и отдельный краткий перечень, без комментариев, фамилий и прозвищ); Кайбуллаев Ш. Э. Крымскотатарские имена. Происхождение и значение. – Симферополь, 1994. – 82 с. (около 1200 имён).

5) В последние годы изданы три разговорника: Меметов А. Русско-крымскотатарский разговорник. – Симферополь: Таврия, 1990. – 112 с.; Велиев А. Русча-кърымтатарджа сёйлешув китаби. – Ташкент, 1991. – 105 с.; Велиев А. Говорим по-крымскотатарски. Русско-украинско-крымскотатарский разговорник. – Киев: Головна Спеціалізована редакція літератури національних меншин, 1995. – 256 с.

6) Среди изданий последних лет особняком стоит словарь Исмаила Асан-огълу Керима, в котором под одной обложкой помещены

фактически два разных словаря: «Эски эдебиятымызда кьулангъан базы сёзлернинъ изаатлары» (Словарь затруднительных слов крымскотатарского письменного языка конца XIX – начала XX вв.) и «Техаллюслер лугъаты» (Опыт словаря псевдонимов крымскотатарских писателей и журналистов. Послереволюционный период). – Симферополь: Крымучпедгиз, 1997. – 56 с. В первом толкуются значения устаревших и заимствованных из восточных языков слов, встречающихся в крымскотатарских текстах XIX и начала XX вв. Данный словарь можно считать первым в крымскотатарской лексикографии опытом составления исторического словаря. Его же можно назвать словарём архаизмов. Несмотря на небольшой объём, ценность словаря несомненна: он является своеобразным ключом, открывающим двери в крымскотатарскую дореволюционную и послереволюционную литературу.

7) Фразеологические словари. Известно, что фразеология является самой сокровенной частью любого национального языка: в ней отражаются характерные особенности языка, в том числе устаревшие языковые категории, а также «картина мира» народа – его история, повседневный быт, религия, суеверия, психический склад и др. Более 20 лет назад был издан словарь крымскотатарских пословиц и поговорок: Къайда бирлик – анда тирилик. Кърымтатар аталар сёзлери. Тертип этиджи Р. Фазыл. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971. Это тематический словарь, в котором пословицы и поговорки объединены в тематические рубрики: слово и язык, труд и безделье и др.

Особого внимания заслуживает фразеологический словарь У. Куркчи, фрагменты из которого под названием «Сёз бирикмелери» печатались в течение нескольких лет на страницах журнала «Йылдыз» (начиная с № 1 за 1987 г.). Словарь до сих пор существует в машинописной форме: это 10 папок текста, более 2000 страниц, около 5000 фразеологических единиц. Научное рвение У. Куркчи, работавшего над словарём в течение нескольких десятилетий, может быть сравнимо с подвигом В. Даля, отдавшего всю жизнь составлению словаря живого великорусского языка.

В 1997 г. автор словаря скончался, так и не успев вернуться на родину. И меня, как фразеолога, очень беспокоит судьба рукописи,

которая нуждается в тщательном редактировании с учётом достижений современной фразеологии (теории и практики составления фразеологических словарей) и скорейшем издании. Фразеологический словарь У. Курчки – это бесценное достояние крымскотатарской культуры.

Как видно из краткого обзора современной крымскотатарской лексикографии, отсутствуют многие специальные лингвистические словари: толковый, этимологический, исторический, словообразовательный, морфемный, сочетаемости, синонимический, антонимический, омонимический, фразеологический, диалектный, семантический, словари языка писателей, обратный, частотный и др. Очень необходимы сегодня, особенно в связи с переходом на новый алфавит, ортологические словари: полный орфографический (правильного написания), орфоэпический (правильного произношения), словарь грамматических трудностей и др. В нынешних условиях можно только мечтать о словарях новейшего типа – коммуникативно-ориентированных, учитывающих интересы как говорящего, так и слушающего. (См.: Словарь-справочник по русскому языку / Под ред. А. Н. Тихонова. – Москва: Цитадель, 1996. – 704 с. В нём дана информация о слове по семи параметрам: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов.)

Общая оценка крымскотатарской лексикографии неоднозначна. Радуюсь тому, что в последнее десятилетие начали выходить в свет некоторые типы словарей, мы не должны закрывать глаза на их недостатки. А они таковы: субъективны (необоснованны) критерии формирования словников в количественном и качественном аспектах (почему именно 5 или 7 тыс. слов и почему именно эти, а не другие, более частотные слова и т. п.); некоторые из словарей не имеют чёткого адресата; не разработана система стилевых и эмоционально-экспрессивных помет: отсутствует грамматическая характеристика единиц; незначительна глубина семантизации слов (отражены не все семантические варианты многозначного слова); имеются ошибки в семантической структуризации многозначного слова; не продумана структура словарной статьи и др. Сегодня мы уже не можем издавать такие словари – нам нужны добротные справоч-

ники, построенные по последнему слову теории и практики мировой лексикографии.

Словарное дело нельзя отдавать на откуп всем желающим. Должна существовать какая-то научная структура (словарная лаборатория, словарный сектор при академии наук и т. п.), состоящая из специалистов. Такая структура должна готовить необходимые лексикографические справочники, а также проводить экспертизу подготовленных автономными авторами словарей, начиная с их концепции, принципов формирования словников и пр. и кончая последним – перед рекомендацией к изданию – рецензированием. Эта же структура должна определять актуальные и перспективные направления словарного дела.

Приоритетным направлением крымскотатарской лексикографии сегодня является составление и издание полных орфографических и толковых словарей. Сложность этой задачи особенно возрастает в связи с необходимостью перевода крымскотатарского письма на новый латинский алфавит. С конца 1997 г. начала работать специальная Республиканская межведомственная комиссия по координации и контролю за осуществлением перевода письменности крымскотатарского языка на латинскую графику. В рамках этой комиссии начала работу творческая группа по разработке нового орфографического словаря крымскотатарского языка.

Словари разного типа, прежде всего орфографический и толковый, остро необходимы сегодня возрождающемуся крымскотатарскому народному образованию. Без фундаментальных словарей разного типа невозможно также адекватное описание всей системы крымскотатарского языка – его фонологических, лексических и грамматических категорий. Специальные переводные словари, в том числе и разговорники (в нашем случае – русско- и украинско-крымскотатарские и наоборот) будут способствовать гармонизации межнациональных отношений в Крыму.

И, наконец, развитие крымскотатарской лексикографии и в целом крымскотатарского языка и языкознания может иметь и побочный, но весьма значимый для полиэтнического Крыма социальный эффект: коренные народы Крыма – караимы и крымчаки – свои надежды на возрождение караимского и крымчакского языков связывают с развитием крымскотатарского языка.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

(Геополитика славянства / III Крымские международные чтения
Н. Я. Данилевского. Материалы. – Симферополь, 1998. – С. 22–25)

Нормальное функционирование многонационального государства, каковым является Украина, обеспечивается разработкой корректной национальной политики, важной частью которой считается политика языковая. Предварительным и необходимым условием для этого является всесторонний анализ языковой ситуации в исследуемом регионе.

Языковая ситуация в сегодняшнем Крыму чрезвычайно сложна. Она может быть охарактеризована по следующим признакам: количественному, качественному и оценочному.

1) В количественном отношении языковая ситуация в Крыму поликомпонентна: здесь реально функционирует несколько десятков языков, из них доминирующими являются русский, украинский и крымскотатарский. Эти языки обладают разной демографической и коммуникативной мощностью. Демографическая мощность (количество говорящих на каждом языке) не соотносится однозначно с национальной принадлежностью говорящих. Известно, что определенная часть украинцев, крымских татар, евреев, немцев, караимов, крымчаков и др. не владеет соответствующими родными языками и общается только на русском.

Коммуникативная мощность (количество выполняемых социальных функций) этих языков также различна. Наиболее широк спектр социальных функций у русского языка. Украинский язык, несмотря на усилия государства, направленные на расширение его функционального пространства (за счет сужения такого пространства русского языка), пока используется в Крыму с известными ограничениями в таких социальных сферах, как семья, официальное делопроизводство, средства массовой информации, народное образование; издаются две газеты, открыто около 30 классов с украинским языком обучения (таких школ пока нет) и др.

В наиболее трудном положении находится крымскотатарский язык, что обусловлено трагической судьбой народа. Депортация и

полувековая ссылка нанесли огромный ущерб этому языку [1]. Демографическая мощьность его не определена, однако известно, что часть крымских татар не владеют родным языком. Коммуникативная мощьность крымскотатарского языка также весьма ограничена: он используется в средствах массовой информации (издаются 3 газеты и 4 журнала, эфирное время на телевидении и радио равно соответственно 2 и 6 часам в неделю), в сфере народного образования (открыты 4 школы и около 50 классов с крымскотатарским языком обучения).

2) В качественном отношении языковая ситуация в Крыму может быть охарактеризована как гетероморфная (функционируют разные по типу, т. е. грамматическому строю, языки: флективные, агглютинативные, флективно-аналитические и др.) и гетерогенная (языки крымских народов различны по происхождению: славянские, германские, тюркские и др.). Украинский язык большинством населения полуострова воспринимается как «чужой», навязанный со стороны. Все эти факторы способствуют осложнению языковой и этнополитической ситуации в Крыму.

3) Оценочные признаки языковой ситуации в Крыму определяются как внешняя (отношение к языку другого народа) и внутренняя (отношение говорящих к своему языку) оценка языков, функционирующих на территории Крымского полуострова. Каждый из языков оценивается по-разному. Никаких объективных данных, подтверждённых результатами социологических опросов, относительно коммуникативной пригодности, эстетической и культурной престижности того или иного языка сегодня не имеется. Можно говорить только о том, что бросается в глаза. Известно, например, что русские низко оценивают эстетичную и культурную престижность украинского и крымскотатарского языков. Сами крымские татары неоднозначно относятся к своему языку в плане его коммуникативной пригодности и культурной значимости. Весь этот комплекс проблем нуждается сегодня в тщательном и объективном исследовании: без всестороннего описания языковой ситуации невозможно разработать оптимальную языковую политику в Крыму. Языковое обустройство нашего региона может быть проведено двумя путями: а) в русле языкового законодательства; б) через деятельность различных общественных и частных организаций

Как известно, ст. 6 Конституции Автономной Республики Крым (1992 г.) декларировала государственный статус трех доминирующих в Крыму языков: украинского, русского и крымскотатарского. Однако эта декларация не была подкреплена реальными условиями их функционирования. Более того, в 1996 г. в процессе обсуждения Конституции АРК Верховным Советом Украины эта статья была изъята.

Сегодня в Крыму сложилась такая ситуация, когда все названные языки нуждаются в защите. Однако крымскотатарский язык более, чем украинский и русский, нуждается в патронаже, потому что он дольше других функционировал в дискриминационных условиях. Прежде всего следует отразить в Конституции АРК новый статус крымскотатарского языка – как одного из государственных языков. Далее – принять ряд постановлений и указов, способствующих имплементации (практической реализации) данного статуса, например: об обязательном открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания татар; об обязательном этикетировании производимой в Крыму продукции на государственных языках; об использовании крымскотатарского языка в судах, нотариатах, отделениях милиции, что может быть обеспечено при владении отдельными сотрудниками этих учреждений крымскотатарским языком; об увеличении эфирного времени для передач на государственных языках на радио и телевидении и др. При исполнительных органах власти следует создать специальные комиссии по защите крымскотатарского языка, которые должны заниматься реальной работой в данном направлении.

В русле второго направления языкового строительства в Крыму – деятельность различных общественных и частных организаций – следует создать условия наибольшего благоприятствования для деятельности таких учреждений, как театры, музеи, частные школы и др. Практический аспект языковой политики предполагает также поощрение индивидуальных и групповых занятий по изучению истории и культуры народов, населяющих Крым, в рамках культурных центров и обществ, школьных и вузовских кружков и семинаров; проведение фестивалей и конкурсов, посвящённых изучению национальных языков и культур, и т. п.

Языковая политика в любой стране всегда требовала и требует больших материальных затрат: на подготовку учителей, переводчиков, на дублирование текстов и др. Но эти затраты, как показывает практика языкового обустройства в многонациональных государствах мира, всегда компенсируется с лихвой. Положительный эффект обустройства крымскотатарского языка может обнаружить себя по нескольким направлениям: 1) в историко-культурном отношении – сохранить для всего человечества крымскотатарский язык и связанную с ним уникальную культуру; 2) в социально-психологическом отношении – крымские татары обретут утраченное чувство национального достоинства (а в случае с депортированным народом это – архиважный момент!).

Разумное решение проблем языкового строительства в Крыму – требование времени. Взвешенная, научно обоснованная языковая политика – прежде всего в отношении миноритарных языков – может явиться мощным социально-политическим фактором, стабилизирующим межэтническое согласие в республике и, в конечном счете, способствующим её экономическому процветанию.

Литература

1. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). – Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.). – Київ, 1995. – С. 50–53.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

(Журнал «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 1999. – № 6. – С. 265–267.)

Литературный язык как базовая лингвокультурологическая категория является могучим инструментом, регулирующим процессы развития общества в экономическом и духовном аспектах. Литературный язык – один из показателей высокого уровня культуры народа, говорящего на этом языке.

Письменно-литературная форма крымскотатарского языка существовала уже в XV в. Сохранились образцы деловых бумаг того времени (ханские ярлыки, купчие, уставы цехов ремесленников), эпитафии, научные тексты и др. Дошли до наших дней также прекрасные образцы средневековой дворцовой лирики, творения поэтов Ашика Умера, Джанмухаммеда (XVII в.) и др. Старокрымский литературный язык находился под сильным влиянием общетюркского литературного языка той эпохи, в котором использовалось большое количество арабско-персидских лексико-фразеологических и грамматических категорий и форм. Поэтика этих текстов, далеких от живых народных языков, была очень разнородной.

Письменная форма крымскотатарского литературного языка более позднего времени – конца XIX – начала XX вв. – также не отличалась однородностью: некоторые тексты были ориентированы на турецкий литературный язык того времени, другие же были исполнены на разных территориальных диалектах. Как известно, в конце 20-х годов нашего века крымскотатарской общественностью было принято решение о переориентации литературного языка на *орта ёлакъ* (букв., средняя полоса) – говоры и наречия средней полосы Крыма. Северная граница среднего диалекта проходила по линии Евпатория – Буюк-Онлар – Феодосия – Керчь, южная – от Байдар до Феодосии. По мнению акад. А. Е. Крымского, в *орта ёлакъ* преобладал не степной, а южнобережный, то есть огузский элемент [1]. Предполагалось, что дальнейшее развитие литературного языка бу-

дет происходить при разумном сочетании наиболее значимых в коммуникативном отношении элементов из всех диалектов.

Процессы становления и развития крымскотатарского литературного языка были прерваны войной (1941–1945 гг.) и тотальной депортацией крымских татар. В условиях почти полувековой ссылки нормы литературного языка не разрабатывались и не кодифицировались. Более того, в эти годы активизировались процессы деструкции языка: из него исчезли – за ненужностью в процессах общения – большие разряды книжной лексики и фразеологии. Правила орфографии, отражённые в словарях последнего десятилетия, были составлены на базе довоенных орфографических словарей.

В каком состоянии находится сегодня крымскотатарский литературный язык? Может ли он выполнять весь спектр социальных функций? В частности, может ли он обеспечить нужды развивающегося образовательного процесса в средней и высшей школе? Способен ли он выполнять функции языка СМИ и науки? На эти вопросы сегодня трудно дать положительный ответ. Годы ссылки нанесли огромный ущерб всем формам и вариантам крымскотатарского языка. Функционально-стилистическая система его ущербна: не развиты научный, официально-деловой, литературно-разговорный и др. функциональные стили. Подтверждением тому служат, в частности, критические замечания в адрес опубликованных в последние годы учебных пособий и официальных документов.

Устное общение крымских татар осуществляется преимущественно на территориальных говорах и наречиях. Литературный язык, особенно его газетно-публицистический вариант, испытывает на себе сильное влияние русского языка – в области лексики, фразеологии и синтаксиса. Растёт в языке число не всегда оправданных, особенно при наличии собственных средств, заимствований. Ср.: *терраса* – аят, *коридор* – кьалдырма, *форточка* – авалыкъ, *краска* – боя, *вилка* – сенек, *санчкы*, *носки* – чорап, *ручка* – кьалем, *сервис* – саваут такъымы и др.

Бросается в глаза обилие в письменной и устной речи калек из русского языка – лексических, фразеологических и даже синтаксических: *гражданство* – *гражданлыкъ*, *провести вечер* – *акъшам отькермек*, *коренной народ* – *тамыр халкъ*, *родной дом* – *догъмуш*

эв, брать эстафетную палочку из рук – эстафета таягыны кьолундан алмакъ, работать над собой – озь устуне чалышмакъ, желать крепкого здоровья – къавий сагълыкъ тилемек и др. Эти примеры говорят о бедности словарного запаса говорящих. Скудность лексикона вынуждает их также постоянно вставлять в свою речь русские слова и словосочетания, результатом чего является мешанина, комизма которой говорящие часто не осознают: *Значит, группаларгъа распределять этерим. Так что, не япайым. Суалине бир анекдот сёйлейим. Оларгъа профессионализм етишмей. Только мен оны истемейим.*

Следует отметить также, что в последнее время, в связи с интенсификацией личностных и групповых контактов с турками, а также расширяющейся практикой преподавания турецкого языка в школах Крыма, в крымскотатарский язык стали проникать турецкие элементы. Это преимущественно общественно-политическая терминология и бытовая лексика. Таким способом крымскотатарский язык в определенной степени пополняется недостающими (или забытыми) лексико-фразеологическими единицами.

Основным источником пополнения словарного состава литературного языка могут и должны стать крымскотатарские территориальные диалекты. В условиях смешения говоров и наречий, которое происходило в местах ссылки и происходит сейчас в Крыму в связи с дисперсным расселением возвращающихся на родину носителей разных диалектов, следует более толерантно относиться к процессам, происходящим в литературном языке, и оперативно изучать их.

Назрела острая необходимость кодифицировать все нормы литературного языка – сформулировать их и зафиксировать в словарях и учебных пособиях. Орфографические нормы, как говорилось выше, применительно к кириллице описаны, однако в связи с предстоящим переходом на латиницу их необходимо пересмотреть в плане оптимизации. Что касается остальных типов норм – словоупотребления, грамматических и орфоэпических, то они нуждаются в неотложной кодификации.

Нормы словоупотребления предполагают использование в речи слов в присущих им значениях и типовой сочетаемости. И здесь почти все говорящие на крымскотатарском языке сталкиваются с про-

блемой отсутствия в их лексиконе слов, выражающих необходимые понятия (см. приведенные выше примеры) или неверной семантизацией известных слов. Нарушение норм употребления слов часто происходит на основе паронимической аттракции – использования слов, близких по звучанию, но разных по значению: *тутаишмакъ* ‘воспламениться’ вместо *тутуишмакъ* ‘схватиться’; *иджап* ‘необходимость’ вместо *иджат* ‘изобретение’ и др. Соблюдению норм словоупотребления могли бы способствовать качественные толковые, синонимические, омонимические и паронимические словари, которые до сих пор не созданы.

Наиболее остро стоит вопрос о разработке орфоэпических норм – правил литературного произношения слов и их форм. Известно, что кириллица не отражает адекватно качества некоторых фонем крымскотатарского языка. Так, гласные фонемы <ö> и <ü> в начальных слогах передаются на письме соответственно с помощью букв О и У в сочетании с буквами Е, Ё и Ю в следующих за ними слогах: *комюр* [kõmür], *озен* [özen], *оглюк* [öglük], *утю* [ötü], *умют* [ümüt]. В других позициях переднерядность этих фонем обозначается с помощью буквы Ъ (мягкий знак в кириллице), которая ставится после следующей согласной буквы: *козь* [köz], *учь* [üç], *орьнек* [örnek] и др. Во всех этих случаях следует произносить не [o] и [u], а более передние [ö] и [ü], но под влиянием диалектного произношения эти звуки продвинулись назад. Сказанное не означает «отуречивания» крымскотатарского языка, как считают далёкие от филологии люди: такие фонемы есть в крымскотатарском языке, о чём свидетельствуют учебные пособия для школ и вузов. Как видно из приведённых выше примеров, существующие сегодня правила орфографии и орфоэпии нуждаются в корректировании и унификации, что легче обеспечить при переходе на латиницу.

Именно неспособность кириллицы адекватно передавать специфику фонемного состава крымскотатарского языка стала одной из причин, потребовавших реформы крымскотатарского письма – перевода его на латинскую графику. Известно, что эта проблема обсуждалась на международной научной конференции (17–20 июня 1992 г., Симферополь). Новый алфавит был разработан уже в сентябре того же года. Однако в течение последующих лет эта проблема не решалась.

лась. И только 9 апреля 1997 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым приняла постановление «Об алфавите крымскотатарского языка». В декабре того же года решением Совета Министров АРК была создана специальная межведомственная комиссия по координации процессов перевода крымскотатарского письма на латинскую графику, в русле которой с января 1998 г. начала работать творческая группа по разработке новых правил орфографии и составлению орфографического словаря на латинице. Однако рабочая группа просуществовала до мая того же года, а потом тихо и незаметно распалась в связи с кадровыми изменениями в Совете Министров. Министерство образования АРК тоже потеряло интерес к данному проекту.

В ноябре 1998 г. в Совете Министров АРК прошло совещание под руководством С. К. Велижанского, на котором рассматривался вопрос о новом крымскотатарском алфавите. Было принято решение создать экспертную группу по изучению проблемы, а Министерству финансов – выделить для этого средства. Прошло ещё полгода, а воз и ныне там. Более всего удивляет тот факт, что никто из учёных, занимавшихся этой проблемой, до сих пор не привлечён к данной работе. А ведь кроме чисто практических мероприятий (составление инструкций и рекомендаций Министерства образования), предстоит очень сложная и ответственная научная работа: следует разработать правила транслитерации с кириллицы на латиницу, уточнить и дополнить правила орфографии и пунктуации с учётом новых условий функционирования крымскотатарского языка, кодифицировать нормы словоупотребления, грамматические и орфоэпические и всё это отразить в новых ортологических словарях. Это очень трудоёмкая работа, требующая глубоких научных знаний. Такая работа не может выполняться на общественных началах; в этом уже имели возможность убедиться все члены названной выше творческой группы по составлению новых правил орфографии. Эта работа должна оплачиваться из тех средств, которые должно выделить Министерство финансов АРК.

Прошло уже 7 лет после проведения международной конференции 1992 г. и исполнилось 2 года после легитимации нового алфавита Верховной Радой АРК. Именно в эти годы шло интенсивное становление системы среднего и высшего образования на крымско-

татарском языке: был сформирован факультет крымскотатарского языка и литературы в Крымском государственном индустриально-педагогическом институте, открыты школы и классы с крымскотатарским языком обучения, изданы словари и учебные пособия и т. п. С переходом на новую графику их придётся транслитерировать и переиздавать, а это дополнительные расходы и фактор дестабилизации учебного процесса.

Обозначенный выше комплекс лингвокультурных проблем не может быть решён усилиями ученых-одиночек. Необходим координационный научный центр. Таким центром может и должен стать научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы. Такой НИИ был открыт в Симферополе еще в 1925 г.; в нём вплоть до начала войны проводилась интенсивная научная работа: собирався и обрабатывался диалектный и фольклорный материал, составлялись разного типа словари крымскотатарского языка и др.

Сегодня как никогда остро стоит вопрос о воссоздании такого НИИ. Он мог бы стать центром координации научной работы по многим направлениям и школой подготовки молодых научных кадров. Не секрет, что филологов с учёными степенями и званиями среди крымских татар всего несколько человек, что, несомненно, сдерживает процессы изучения языка, литературы и фольклора.

Единый крымскотатарский литературный язык, сформированный на базе среднего диалекта с включением наиболее коммуникативно значимых элементов из других наречий и говоров, будет способствовать унификации и, следовательно, оптимизации процессов обучения родному языку, более тесной консолидации двух ветвей, из которых исторически сформировался этнос, – так называемых татов и ногаев, – и тем самым укреплению социальных позиций крымскотатарского народа и его успешной интеграции в украинское сообщество.

Литература

1. Кримський А. Е. Неоднакові групи татарських наріччів у Криму – на надбережному й гірському півдні та на степовій півночі. Стан дослідів над ними // Кримський А. Е. Тюрки, їх мови та літератури. І. Тюркські мови. – Вип. 2. – Київ, 1930. – С. 147–151.
2. Курчки У. Фиқир инджилери. – Ташкент: Ёъафур Ёъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1986. – 88 с.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

(Мир языка. Материалы конференции, посвящённой памяти проф. М. М. Копыленко. – Алматы: КазГУМОиМЯ, 1999. – С. 299–305).

Полувековой лингвоцид (репрессивные меры по отношению к языку) нанёс языку крымских татар огромный ущерб. Распалась его стилистическая система (перестали функционировать такие функциональные стили, как научный, официально-деловой, публицистический и др.), сократился словарный состав, с одной стороны, вследствие исчезновения из активного употребления в речи больших пластов лексики, связанных с традиционными формами жизнедеятельности народа (табаководством, промышленным садоводством, отгонным животноводством и др.), с другой, – активного вытеснения исконно тюркских слов заимствованиями из русского языка (ср.: *чанакъ* – *тарелка*, *къаде* – *рюмка*, *къалем* – *ручка*, *оджакъ* – *печка* и др.). Всесторонняя деформация крымскотатарского языка была вызвана социально-политическими условиями того времени: отсутствовали школы с родным языком обучения, не издавались газеты, журналы, художественная литература, был наложен запрет на научное осмысление крымскотатарского языка и др.

Сегодня делаются первые шаги в возрождении крымскотатарского языка и связанной с ним культуры. Предстоит изучить все участки языка (звуковой строй, грамматику, лексико-фразеологический состав) в системно-структурном аспекте, пользуясь современным инструментарием – концептуально-терминологическим аппаратом уровневой и пулевой лингвистики. Параллельно необходимо анализировать языковой материал с позиций лингвокультурологии и этнолингвистики, изучающих взаимодействие языка и этнической культуры, языковую «картину мира» народа – носителя языка, его менталитет, особенности быта, психологии и др. Представляется, что на нынешнем этапе возрождения и научного описания крымскотатарского языка этнолингвистический и лингвокультурологический подходы являются наиболее актуальными и значимыми.

Первым шагом на этом пути является характеристика таких лексических и фразеологических категорий, в которых отражается эт-

ноязыковая «картина мира». Предметом научного анализа в этот аспект могут быть семантические и тематические поля, обозначающие и характеризующие предметы повседневного быта (домашнюю утварь, мебель, одежду), орудия труда, объекты фауны и флоры и др. Особое внимание этнолингвистики привлекает онимия того или иного языка – совокупность характерных для него онимов – слов и словосочетаний, которые служат для называния и выделения именуемого объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации [5, с. 95]. Собственное имя (СИ) как особый лингвокультурный феномен – это, с одной стороны, языковой знак, отражающий особенности языковой системы, свойственные языку категории, с другой, – специфический лингвокультурный знак, в котором, как в зеркале, отражены быт, суеверия, религия, история и система нравственных ценностей народа – носителя данного языка. СИ географического объекта – ярлык, маркирующий регион (исторический и / или современный) формирования и обитания этноса; СИ человека – пароль, атрибутирующий принадлежность индивида к тому или иному этносу.

Ономастическая лексика крымскотатарского языка до сих пор не была объектом специального изучения. Ниже делается попытка наметить тот круг вопросов, которые встают при изучении собственного имени в этнокультурном (шире – лингвокультурном) аспекте. Материалом исследования послужили онимы, извлечённые из романа классика крымскотатарской литературы Дженгиза Дагджи «Олар да инсан эди» («Они тоже были людьми») [1].

Ономастикон романа представлен 145 единицами разного типа: антропонимами (73), топонимами (62), мифонимами (6) и зоонимами (4).

Антропонимы – собственные имена людей – делятся на две группы: СИ крымских татар (41) и СИ представителей других этносов – русских, евреев, армян и др. (32). Первую группу образуют имена реальных исторических деятелей (*Алим Айдамакъ, Исмаил Гаспралы, Джафер Сейдамет, Челебиджихан*) и персонажей романа, мужчин и женщин (*Алим, Асан, Бекир; Эсма, Айше* и др.). В структурно-грамматическом отношении это одиночные (однокомпонентные) или бинарные имена (личное имя в сочетании с патрони-

мом – фамилией или прозвищем отца). Бинарные имена встречаются преимущественно у представителей мужского пола: *Абдульвейс Мезин, Асан Балтаджи, Амет Къырыкъ, Асан Къарамырза, Вели Къурун, Джемиль Софу, Осман Пармакъсыз, Усеин Кашка* и др. Бинарная форма – наиболее характерная модель имени собственного в крымскотатарском языке.

В лингвогенетическом аспекте СИ людей представлены преимущественно заимствованиями из арабского языка: *Бекир* ‘изучающий, постигающий’; *Асан* ‘добрый, хороший’; *Амет (Ахмет)* ‘восхваляемый’; *Вели* ‘друг, близкий (Аллаху)’; *Джемиль* ‘красивый, добрый’; *Музаффер* ‘победитель, победоносный’; *Эмине* ‘находящаяся в безопасности’; *Хатидже* ‘недоношенная, выкидыш’ и др. Реже встречаются имена, образованные на основе персидских апеллятивов: *Шабан* ‘родившийся в месяце шабан’; *Ремзи* ‘символический, знаковый’; *Ниязи(й)* ‘милость’ и др. Однако и эти имена, по мнению учёных, восходят к арабскому языку.

По мотиву наречения среди личных имён можно выделить следующие группы: а) дескриптивы – имена, характеризующие новорождённого по обстоятельствам и условиям рождения, по его индивидуальным физическим особенностям: *Зейнеб* – араб. ‘полная’; *Реджеп* – араб. ‘рождённый в месяце раджаб’; *Айше* – араб. ‘живучая’; *Исмаил* – араб. < др.-евр. Измаил ‘бог слышит’; *Сабри* – араб. ‘терпеливый’; *Селим* – араб. ‘невредимый, здоровый’; б) деизидеративы – имена-пожелания: *Музаффер* – араб. ‘победитель’; *Алим* – араб. ‘знающий, осведомлённый’; *Асан* – араб. ‘добрый, хороший’, *Энвер* – араб. ‘лучезарный’.

При наречении новорождённого крымские татары исходили не только из этимологии имени, но и из семейных традиций: называли ребёнка в честь родственников, часто – умерших, или известных и влиятельных людей. Например, имя *Алим* могло быть дано ребёнку в честь народного героя Алима Айдамака.

Особый интерес представляет этимология патронимов: это могут быть родовые и сословные имена (*Къарамырза* < мырза, мурза; *Софу* < араб. набожный, праведный; суфий); названия семейного ремесла, профессии (*Балтаджи* < балта ‘топор’; *Зембильджи* < зембиль ‘корзина’); физические характеристики человека (*Пармакъ-*

сыз – букв. ‘без пальца, без пальцев’; *Къырыкъ* – ‘сломанный’) и др. Как видно из примеров, патронимы могут нести ценную историческую информацию о сословной стратификации общества, о традиционных ремёслах и видах социальной деятельности людей. Ср. в современном крымскотатарском языке фамилии, обозначающие род деятельности предков: *Каймакан* < араб. ‘руководитель вилайета, воинский начальник’; *Сохта*, *Сокъта* < перс. ‘учащийся медресе’; *Чиленгир* – ‘слесарь’; *Куркчи* < кюрк ‘мех’; *Къалайджы* < къалай ‘олово, полуда’; *Топчу* < топ ‘пушка’, ‘мяч’; *Чапчакъчи* < чапчакъ ‘бочонок’ и др. Такие патронимы обладают мощной пресуппозицией – фоновой информацией, позволяющей реконструировать предшествующие периоды жизни крымскотатарского общества.

Преобладание арабских элементов в антропонимиконе романа (и в совокупном крымскотатарском именнике) объясняется известными историческими событиями – исламизацией Крымского полуострова в средние века. Как известно, ислам оказал решающее влияние на формирование и развитие лингвокультурной ситуации в Крыму.

Топонимия романа представлена 62 СИ, разными по происхождению, грамматической структуре и типологии обозначаемых географических объектов.

По происхождению это корни тюркские (*Къызылташ*, *Багъчасарай*, *Къарасубазар*, *Дегирменкой*, *Сувукъсув*, *Байдар*) и греческие (*Алушта*, *Гурзуф* и др.). По величине и значимости обозначаемого объекта выделяются макро- и микропонимы. Макропонимы – это СИ крупных объектов земной поверхности: *Къырым*, *Къарадениз*, *Къарасубазар* и др. Микропонимы – СИ малых природных физико-географических объектов (рек, родников, холмов, оврагов, сёл), а также объектов, созданных человеком (хозяйственных угодий, мостов, колодцев, источников-чешме и др.), – представляют сегодня особый интерес и для науки, и для возвращающихся на родину крымских татар. Вот микропонимия села Къызылташ (Краснокаменка), извлечённая из текста романа Дженгиза Дагджи, которую сегодня вряд ли знает молодое поколение: названия окрестных скал (*Топкъая* < топ ‘мяч’ + къая ‘скала’; *Къушкъая* < къуш ‘птица’ + къая; *Чаталкъая* < чатал ‘сук, рогулька’ + къая); названия водных объектов (*Сувукъсув* < сувукъ ‘холодная’ + сув ‘вода’; *Топузлы чешме*

< *топузлы* ‘с кисточкой’ + *чешме* ‘источник’); имена холмов (*Мемшининь байыры* < *Мемши* – мужское имя + *байыр* ‘холм, горка’); оврагов (*Мемшининь дереси* < *Мемши* + *дере* ‘овраг’) и др.

Попытки осмыслить названия некоторых географических объектов Крыма породили легенды. Одна из них связана со скалой *Келинкъая* (*Гелинхая*) (*келин* ‘невеста’ + *къая*), которая возвышается над Кызылташем. На вертикальной плоской стороне скалы, обращённой к морю, можно разглядеть контур фигурки девушки в крымстатарской национальной одежде. В романе приводится легенда: давным-давно в деревне Дегирменкой жила прекрасная девушка, которая полюбила бедного пастуха из села Кызылташ. Но отец девушки решил выдать её за богача. Когда невесту везли к жениху, дорогу перегородили парни, требуя выкуп за невесту. Среди них девушка увидела своего возлюбленного и в отчаянии бросилась в пропасть, но не разбилась, а повисла, зацепившись свадебным покрывалом за камень. В легенде отразились старые нравы и обычаи крымских татар. Обычай преграждать путь свадебной процессии и требовать выкуп за невесту сохранился до сего дня.

С видами географических объектов соотносится типология топонимов: оронимы – названия любого элемента рельефа земной поверхности (*Романкьош*, *Топкъая*), ойконимы – СИ любого типа поселений (*Акьмесджит*, *Кефе*, *Дерекой*), гидронимы – наименования любого водного объекта (*Къарадениз*, *Сувукъсув*, *Топузлы чешме*) и др.

В структурно-грамматическом отношении выделяются однословные (чаще – макротопонимы) и бинарные (преимущественно – микротопонимы) номинации. В качестве топооснов часто используются апеллятивы, отражающие характерные природные особенности объектов: *къая* ‘скала’, *таш* ‘камень’, *байыр* ‘гора, холм’, *дагъ* ‘гора’, *къыр* ‘возвышенность, равнина’, *дере* ‘овраг’, *сув* ‘вода, речка’ и др.

Как видно из приведённых примеров, в крымскотатарской топонимии, в частности, на материале романа Дженгиза Дагджи, преобладают СИ, восходящие к тюркским апеллятивам, что обусловлено содержанием произведения: события, описанные в романе, происходили в довоенном Крыму. Автор использовал местные макро- и микротопонимы, многие из которых исчезли с карты Крыма в связи с депортацией крымских татар. Сегодня назрела необходимость вос-

становить старую топонимию Крыма, и текст романа может служить для этого важным источником.

Мифонимы – СИ вымышленных объектов, в том числе мифических и сказочных персонажей, божеств, пророков и т. п. В романе встретились два мифоантропонима – Насреддин оджа и Чорабатыр. Насреддин оджа – мудрец и остро слов, персонаж общетюркского фольклора. Чорабатыр (богатырь Чора) – персонаж общетюркского героического эпоса, основная тема которого – борьба за свободу и независимость народа. Анекдоты про Насреддина оджа и эпос «Чорабатыр» – широко известные крымскотатарские культурные феномены.

Теонимы (разновидность мифонимов) *Танъры*, *Алла(х)*, *Рабби*, *Азрети Муса* употребляются в составе формул речевого этикета – пожеланий, заверений, проклятий, которые произносят персонажи романа. *Танъры* (*Тенгри*) – «неперсонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбами человека, народа и государства [3, с. 523]. Оно возникло, по мнению учёных, в дотюркскую и домусульманскую эпоху. В современном крымскотатарском языке теоним употребляется в составе обрядовых текстов и некоторых формул речевого этикета. *Алла(х)* – в мусульманской мифологии единый бог, который считается идентичным богу иудеев и христиан. По Корану, Аллах всемогущ, всесущ, всеобъемлющ, вечен и единсущ [3, с. 36]. Имя Аллаха входит в состав стяжённого междометия *Валлайи* (*Валлахы*)! ‘Клянусь Аллахом!’ . *Рабби* (< араб. ‘господь, бог’) используется часто в форме *раббим* ‘мой бог’ в составе междометных клятв, заверений, просьб. Азрети Муса – пророк Муса – соответствует библейскому Моисею. Он творит чудеса в доказательство существования Аллаха и во славу его. *Танъры*, *Аллах*, *Рабби* – культурные концепты, играющие важную роль в «картине мира» и в жизни мусульман.

В ономастическом пространстве романа Дженгиза Дагджи встретились четыре **зоонима** – СИ домашних животных: *Маджик* – кличка коровы, *Акътабан* и *Чалдюльбер* – клички лошадей, *Урумчыкъ* – кличка собаки. Они несут в себе лингвистическую и экстралингвистическую информацию и созданы по словообразовательным моделям крымскотатарского языка (суффиксация, основосложение) на

базе тюркских языковых элементов. Внутренняя форма их прозрачна, за исключением онима *Маджик* (возможно, звукоподражание): *Акътан* < *акь* 'белый' + *тан* 'пятка'; *Чалдольбер* < *чал* 'седой' + *дольбер* 'красавец, красивый'; *Урумчыкь* < *урум* 'грек' + суффикс *-чыкь* с уменьшительно-ласкательным значением. Объектами зоонимов в романе выступают типичные для крымскотатарской сельской семьи животные: корова, лошадь, собака. Овцы и козы обычно содержались в больших стадах на яйлах (высокогорных пастбищах) и потому не имели собственных имён.

Ономастическое пространство романа Дженгиза Дагджи «Олар да инсан эди» является тем объективным зеркалом, в котором отразились крымскотатарские лингвокультурные концепты и феномены: категории языка, природно-географические условия, в которых протекала повседневная жизнь крымских татар, их обычаи, суеверия, фольклор, религиозные догматы, система моральных ценностей. Онимия является также важным компонентом поэтики художественного текста: помимо номинативной функции (воссоздания местного, национального колорита), онимы выполняют изобразительно-выразительные, эстетические и эзотерические функции. Но это уже предмет отдельного научного исследования.

Литература

1. Дагджи, Дженгиз. Олар да инсан эди. Роман // Йылдыз. – Симферополь, 1992. – № 5, 6; 1993. – № 1–6; 1994. – № 2–6.
2. Имя нарицательное и собственное. – Москва, 1978.
3. Мифологический словарь. – Москва, 1990.
4. Никонов В. А. Имя и общество. – Москва, 1974.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва, 1978.
6. Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). – Москва, 1969.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – Москва, 1973.
8. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма. – Ч. 1. Введение в топонимию Крыма. – Москва, 1995.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(Журнал «Східний світ». – Киев, 2002. – № 1. – С. 74–79)

Депортация и почти полувековая ссылка нанесли огромный ущерб культуре крымскотатарского народа, в частности языку и художественной литературе. В условиях ссылки крымскотатарский язык перестал выполнять все свои социальные функции, кроме одной – «семейного» языка, вследствие чего распалась стилистическая система языка. Из словарного состава исчезли – за невостребованностью в новых условиях проживания – огромные пласты слов, связанных с традиционными для крымских татар формами жизнедеятельности: табаководством, отгонным животноводством, промышленным садоводством, виноградарством и др.

В течение ряда лет художественная литература на крымскотатарском языке не печаталась. Начало регулярных изданий можно отнести к 1970 году, однако количество книг, изданных за годы ссылки, и их совокупный тираж равняются примерно годовой книжной продукции и годовому тиражу довоенного времени [8, с. 4].

При отсутствии школьного и вузовского образования на крымскотатарском языке не развивалась и наука о слове – филология.

В каком же состоянии находятся сегодня крымскотатарское языкознание и литературоведение?

Крымскотатарское языкознание

Крымскотатарский язык давно привлёк к себе внимание тюркологов (В. А. Радлов, А. Н. Самойлович, А. Е. Крымский, Э. В. Севортян, Н. А. Баскаков и др.). В 80-х годах XX в. стали появляться научные работы, посвящённые отдельным проблемам крымскотатарского языка (С. Р. Изидинова, А. М. Меметов, Э. С. Акмоллаев, А. Н. Гаркавец и др.). Однако сегодня рано говорить о том, что крымскотатарское языкознание сформировалось как целостная непротиворечивая наука. Имеются лишь отдельные работы, посвящённые исследованию частных языковых проблем. В области лексикологии, например, рассмотрены проблемы происхождения лексики и основные тематические поля [18; 19], однако до сих пор не изучены та-

кие лексические категории, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, гиперо-гипонимия, семантические поля и др. Не описана крымскотатарская фразеология и свойственные ей категории [31; 36]. Отсутствуют работы в области фонологии: не определены разновидности (варианты и вариации) фонем и соответственно количество гласных и согласных фонем, не описаны их дифференциальные признаки и др.

Фактически не исследована и звуковая сторона крымскотатарского языка: не определён характер словесного ударения (динамическое, долготное, тоновое или комбинированное?); не исследованы типы слогов и не разработана их комплексная типология; не выявлены характерные для крымскотатарского языка типы интонационных конструкций; не описаны на репрезентативном речевом материале такие фонетические явления, как редукция, аккомодация, ассимиляция, диссимиляция и др.

Фонемный состав и звуковой строй языка сегодня невозможно изучать и адекватно описывать без использования специальной записывающей и анализирующей аппаратуры. Эти задачи могут быть выполнены лишь в лабораторных условиях. Такой лаборатории в Крыму нет.

Самым значимым в коммуникативном аспекте участком языковой системы является грамматика. Морфология, словообразование и синтаксис крымскотатарского языка описаны лишь в прикладных целях – применительно к нуждам школьного и частично вузовского образования [4; 17]. Отсутствуют монографии теоретического характера.

Выше речь шла об изучении языковых явлений в синхронии, т. е. современного состояния языка новейшего периода. Предшествующие же этапы развития языка (старокрымскотатарский язык XIII–XIX вв.) фактически не изучены. Можно назвать лишь краткий фонетический и лексический комментарий изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым «Материалов для истории Крымского ханства», выполненный А.Н. Самойловичем [21, с. 188–195].

Крымскотатарский язык нового времени – 1-ой половины XX в. – описан весьма фрагментарно [20; 12; 24 и др.]. Принимая во внимание уровень развития лингвистической мысли того периода, ра-

боты названных ученых нуждаются сегодня в переиздании с научными комментариями в системе координат лингвистики последнего времени.

Как было отмечено выше, основные участки крымскотатарского языка – звуковой строй, грамматика, словарный и фразеологический составы, семантика – не описаны в полном объеме даже в рамках системно-структурной лингвистики, которая в последние два десятилетия стала постепенно уступать свои позиции новой научной парадигме – коммуникативной лингвистике в её различных ипостасях (лингвистическая прагматика, психолингвистика, когнитивная лингвистика и др.). Об исследовании крымскотатарского языка в рамках новой научной парадигмы говорить ещё рано.

Развитие любого языка обусловлено потребностями общества. Процессы взаимодействия языка и общества протекают во многом стихийно. Ядерные участки языка – система фонем, грамматика, основной словарный фонд – развиваются по имманентным, присущим самому языку, законам. Однако в языковой системе имеются и такие периферийные участки, в которых допускается сознательное воздействие общества.

Сегодня, после длительной вынужденной паузы в развитии крымскотатарского языка и науки о нём, вызванной известными социальными катаклизмами XX в., история предоставляет учёным возможность оптимизировать развитие языка, воздействуя на его периферийные участки. К ним относятся: 1) терминология, 2) графика и 3) нормативно-стилевая система (в аспекте кодификации норм литературного языка).

1) Лингвистическая терминология – обязательный концептуально-языковой инструментарий, способствующий адекватному описанию всех уровней языковой системы и оптимизации процессов изучения и преподавания языка. Наличие или отсутствие терминологии – объективный показатель уровня развития соответствующей науки.

В довоенном Крыму была издана серия небольших русско-крымскотатарских переводных терминологических словарей (без дефиниций и иллюстративного материала) по таким учебным дисциплинам, как языкознание, литературоведение, математика, физика,

химия и др. Используемая сегодня лингвистическая терминология не вполне удовлетворяет практическим нуждам высшей и средней школы: отсутствует общезыковедческая терминология; имеются терминологические лакуны в таких областях науки, как фонология, лексикология, фразеология, семантика; наблюдается многозначность, синонимия и омонимия терминов, что является недостатком терминосистемы. Так, термин *дередже* используется в разных значениях: как залог (*филь дереджеси* – залог как глагольная категория), как степень сравнения (*сыфат, зарф дереджеси* – степень сравнения прилагательного, наречия). Однокорневое слово *дереджелик* означает «частица». Гласные переднего ряда именуются эквивалентными терминами *йымшакъ* или *ог сыра*, заднего ряда – *къалын* или *арт сыра*.

Потребности развивающейся науки о языке, а также школьного и вузовского преподавания поставили на повестку дня проблемы создания разного типа филологических словарей, в том числе и словаря-справочника лингвистических терминов [30]. Такое учебное пособие создано коллективом авторов под руководством и при непосредственном участии проф. А. М. Эмировой [33]. Это первый справочник такого рода на крымскотатарском языке. Он включает в себя около 150 словарных статей, в которых толкуются основные понятия общего и крымскотатарского языкознания.

Сегодня ощущается острая нужда в толковых терминологических словарях и других сферах знания и производства: математики, физики, химии, медицины, машиностроения и др. В теории лексикографии давно разработаны пути и способы образования терминов: заимствования из других языков, в том числе калькирование разного рода (словообразовательное, семантическое, фразеологическое, синтаксическое); специализация (сужение или расширение) лексических значений единиц общенародного языка и др. При составлении крымскотатарских терминологических словарей других областей знания специалисты должны в обязательном порядке консультироваться с языковедами. Такие экспертные функции могли бы взять на себя авторитетный научный центр – НИИ крымскотатарского языка и литературы, который функционировал в Крыму до войны и восстановления которого в последние десять лет тщетно добывается крымскотатарская научная общественность.

2) Графика – совокупность графем, знаков препинания, ударения и пр. – призвана адекватно отражать на письме звуковую сторону языка (речи). Известно, однако, что ни в одном из существующих типов письма нет идеальной графики. Поэтому, а чаще по причине изменения социальных и геополитических условий, в разных языках время от времени предпринимаются попытки оптимизации (реформы) графики.

Крымскотатарское письмо за последние семьдесят пять лет реформировалось несколько раз: до 1929 г. – арабское письмо, с 1929 по 1938 гг. – латиница, затем – кириллица, которой крымские татары пользуются по сей день. Эти реформы, как известно, были продиктованы политическими соображениями – ускорить процессы советизации и ассимиляции нерусских народов России. Сегодня впервые за всю историю развития крымскотатарского языка представилась возможность провести реформу графики, исходя не только из изменившихся геополитических условий (а они, действительно, кардинально изменились), но и из потребностей оптимизации процессов развития крымскотатарского языка и системы образования на этом языке.

В апреле 1992 г. в г. Симферополе была проведена международная научная конференция, посвящённая проблемам перехода на латинскую графику. Новый алфавит был разработан и принят в сентябре того же года, а в 1997 г. легитимирован Верховным Советом Крыма. Сегодня всё ещё функционирует кириллица, однако крымскотатарские средства массовой информации стали активно пользоваться новой графикой. При этом бросаются в глаза орфографические и пунктуационные расхождения в оформлении текстов. Латинизация крымскотатарской графики – проблема чрезвычайно сложная, со своими «за и против». Приходится констатировать, однако, что процесс этот уже необратим: все три республиканские крымскотатарские газеты, а также телевидение пользуются латиницей (впереमेжку с кириллицей). Проблема сегодня состоит в том, чтобы справиться с ситуацией с наименьшими потерями для языка и его носителей.

3) Нормативно-стилистическая система – это следующий участок языка, в котором допустимо сознательное воздействие обще-

ства. Любой национальный язык существует как совокупность территориальных и социальных вариантов. В крымскотатарском языке выделяют три основных территориальных диалекта: степной (кыпчакско-ногайская подгруппа кыпчакских языков), средний (кыпчакско-половецкая подгруппа кыпчакских языков) и южный (огузская группа), каждый из которых распадается на говоры и наречия. В основу литературного языка в конце 20-х гг. XX в. был положен средний диалект.

Литературный язык, как известно, характеризуется полифункциональностью, стилистической дифференциацией, большей или меньшей обработанностью и нормированностью. Нормы литературного языка – это совокупность обязательных для всех носителей языка правил употребления языковых единиц в речи, их изменения, сочетания друг с другом, написания и произношения. Эти нормы должны быть кодифицированы, т. е. систематизированы и описаны в монографиях, учебных пособиях и ортологических словарях. Нормы литературного языка призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации – обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого литературного языка не могут развиваться образование, наука, искусство, общественно-политические институты.

Каково сегодня состояние крымскотатарского литературного языка и его норм? Более или менее непротиворечивый свод правил орфографии слов и словоформ разработан усилиями таких учёных, как У. Куркчи, А. М. Меметов, А. Н. Гаркавец и др. И тем не менее учителя средних школ, преподаватели вузов, писатели и журналисты испытывают большие трудности в этом плане, о чём свидетельствует разноречивое написание одних и тех же слов на страницах газет, журналов и учебных пособий.

Хуже обстоят дела с нормами словоупотребления, грамматическими и орфоэпическими. Необходимы специальные ортологические словари (правильностей и трудностей) с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь крымскотатарского языка, который призван регламентировать правильное употребление слов в речи (в соответствии с их лексическим значением), их написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

Крымскотатарское литературоведение

Имеющиеся работы затрагивают в той или иной степени проблематику всех трёх разделов литературоведения – теории литературы, истории литературы и литературной критики, однако крымскотатарское литературоведение как целостная наука ещё не сформировалось.

1) Теория литературы изучает общие законы развития литературы, её роды и виды (жанры), структуру и язык художественных произведений, приёмы и методы анализа текстов. Предметом теории литературы является также стихосложение.

Совокупная крымскотатарская художественная литература в теоретическом аспекте не описана. Следует дать подробное описание всех родов и видов литературы: эпоса, лирики, драмы – и собственных им жанров. Неисследованной теоретической проблемой является взаимодействие крымскотатарской литературы со смежными литературами – османско-турецкой, арабской, персидской. В более поздние исторические периоды крымскотатарская литература, как известно, начала испытывать на себе влияние русской литературы, которое усилилось в начале XX в. и особенно – во второй половине XX в. Это влияние прослеживается в заимствовании как жанров, так и приёмов выразительности языка.

О сильном влиянии русской художественной литературы на своё творчество свидетельствует, в частности, известный писатель крымскотатарского зарубежья Дженгиз Дагджи: «Aslında Rus kültürü içinden çıktım. Rus kültürü ve edebiyatıyla beslendim. Eserlerimde (bazan bilerek, bazan da farkında olmadan) Rus edebiyatının önemli etkisi oldu» (Я вообще вышел из русской культуры. Я воспитан русской культурой и литературой. На моё творчество (осознанно или неосознанно с моей стороны) оказала значительное влияние русская литература) [35, с. 33].

Особенно сильное влияние русской и – через её посредство – европейских литератур заметно в области крымскотатарской поэзии. Сегодня никто из поэтов не пишет в традиционных восточных жанрах рубайи, месневи, касыда, газели; редко кто пользуется стихотворными размерами аруз и эджа. Более того, крымскотатарские поэты продолжают осваивать европейские поэтические жанры. (Пример

тому – переводы сонетов А. Мицкевича на крымскотатарский язык, выполненные Ш. Селимом.) Крымскотатарское стихосложение, классическое и современное, как объект теории литературы нуждается в пристальном внимании и анализе учёных-литературоведов.

Отдельная теоретическая проблема – это творчество крымских татар, пишущих на русском языке: Л. Буджуровой, Я. Бекирова, Э. Кудусова, Э. Байрамова, А. Эмировой, А. Шема, Э. Оразлы, Р. Аппазова, Р. Сейфуллы и др. К этой же группе можно отнести писателей, творящих одновременно на крымскотатарском и других языках: на родном и русском – Э. Умеров, Э. Амит, Н. Умеров, Р. Халид, Т. Халилов, С. Эмин и др.; на крымскотатарском и узбекском языках – У. Эдемова, Ш. Алиев, И. Абдураман, С. Нагаев, А. Велиев и др. Какова диалектика взаимодействия в их творчестве национального содержания (крымскотатарской «картины мира», национальных ценностных ориентиров) и инонациональной формы? Каким образом в «поверхностной» (языковой) структуре их текстов кодируются крымскотатарские этнокультурные феномены? Эти вопросы ждут своего теоретического осмысления.

2) Истории литературы, пожалуй, «повезло» более всего. Зачатки историко-литературных исследований творчества отдельных крымскотатарских писателей можно обнаружить в средневековых поэтических антологиях – тезкере. В них даны биобиблиографические справки о придворных поэтах тюркского мира и краткая характеристика их творчества. Так, в антологию Лятифи (XVI в.) включена информация об одном крымском поэте, в антологиях Кыналы-заде (XVI в.) и Салима (XVIII в.) – соответственно о трех и четырех поэтах; в антологии Фатина (XIX в.) имеются сведения о десяти крымских поэтах [1].

Попытки описания отдельных периодов в истории крымскотатарской литературы, а также особенностей творчества некоторых писателей предпринимались и в начале XX в. Можно назвать работы А. Айвазова [2], О. Акчокраклы [5], А. Лятиф-заде [16], Б. Чобан-заде [25], А. Крымского [13], А. Гирайбая [7], А. Алтанлы [3] и др. Работы названных авторов сегодня недоступны массовому читателю. Их обзор сделан в монографии И. Керимова [10], в которой на широком социально-политическом фоне показано развитие крымскотатарской литературы к XIX – н. XX вв.

Из антологий последнего времени следует указать на [37; 14; 23]. Изданный в Анкаре (на турецком языке) 13-й том антологии тюркских зарубежных литератур [37] посвящён крымскотатарской художественной литературе и устному народному творчеству. В нём дана краткая биобиблиографическая справка о 83 писателях (н. XIII – к. XX вв.) и образцы их текстов. Выделено два периода в развитии крымскотатарской литературы – ханский и послеханский (включая и литературу последних лет).

Предварительная периодизация литературы намечена и в [23], однако характеристика каждого периода крайне скупа и поверхностна. Так, литературе периода Золотой Орды уделено лишь 2,5 страницы текста, периода завоевания Крыма Россией – 1,5 страницы, периода «пробуждения» – 2,5 страницы и т. п.

Предстоит дать полновесное описание литературного процесса разных периодов развития крымскотатарской литературы – охарактеризовать различные литературные школы и направления в контексте социально-политических и культурных реалий каждого периода.

Особое внимание следует уделить крымскотатарской зарубежной литературе. Вынужденный исход татар из Крыма имеет давние исторические корни. Наиболее выпукло эта тенденция обнаружила себя после завоевания Крыма Россией, когда насильственный захват земель, принадлежавших крымским татарам, вынуждал их покидать родину.

В XX в. эмиграция татар из Крыма имела место в годы гражданской войны, затем – раскулачивания и коллективизации. Последняя волна эмиграции, связанная с военными событиями 40-х годов XX в., разбилась на два потока: один унёс людей – через плен и концентрационные лагеря – в Европу, оттуда – в Америку, Турцию, Австралию, другой в одночасье – актом тотальной депортации – выплеснул оставшуюся часть народа (около 200000 человек) в восточные регионы бывшего Советского Союза.

На новых местах духовная культура крымских татар продолжала развиваться, хотя и более медленными темпами, питаясь национальными традициями, но одновременно испытывая на себе влияние окружающего культурного контекста. Крымскотатарская зарубежная литература до сих пор не осмыслена во всем её объёме, не периодизирована и не описана как особый компонент духовной

культуры крымских татар. Сегодня есть основания говорить о крымскотатарской литературе дальнего и ближнего зарубежья. К первой относится творчество писателей, живших и живущих за пределами бывшего Советского Союза. Ко второй можно причислить творчество писателей, живших и живущих не в среднеазиатском регионе (в местах компактного расселения крымских татар после депортации), а в других регионах СССР.

В литературе дальнего зарубежья известны имена таких писателей, как Мемет Ниязий, Джафер Сейдамет, Мемет Муедин Севдияр, Фикрет Юртер Кырымлы, Дженгиз Дагджи и др. Творчество этих писателей – бесценное достояние крымскотатарской, общекрымской и общеукраинской культур, и в этом качестве оно должно быть объективно описано и по достоинству оценено [29; 32].

3) Наиболее слабым участком крымскотатарского литературоведения является литературная критика, призванная интерпретировать и оценивать художественные произведения с позиций социальных и общекультурных задач того или иного времени [15, с. 169, 198]. К исследованиям литературно-критического характера можно отнести работы [10; 13; 26], в которых охарактеризован литературный процесс начала XX в.

И наконец, самая важная общелингвистическая проблема – литературный язык как первоэлемент художественной литературы. Возрождение и развитие национальной культуры, в данном случае – крымскотатарской художественной литературы, предполагает наличие развитого литературного языка.

Как сообщалось выше, крымскотатарская литература и соответственно письменно-литературные формы языка имеют многовековую историю и традиции. Сохранились образцы официальных документов (ханские приказы, международная переписка), деловых бумаг (дарственные, купчие, уставы ремесленных цехов и др.). Дошли до наших дней также прекрасные образцы средневековой дворцовой лирики XVII в. Старокрымский письменный язык той эпохи находился под сильным влиянием общетюркского литературного языка. Литературные традиции Джучиева улуса, по мнению А. Н. Самойловича, соседствовали в нём с чертами османско-турецкого литературного языка [21, с. 189], что проявлялось, в частности, в обилии араб-

ско-персидских лексико-фразеологических и грамматических категорий и форм. В целом эти тексты были далеки от живых народных говоров. Даже в начале XX в., по наблюдениям А. Н. Самойловича, письменно-литературный язык становился «понятен крымским татарам только после специального его изучения» [20, с. 11].

Письменные формы литературного языка конца XIX – начала XX вв. не отличались однородностью: некоторые тексты были ориентированы на турецкий литературный язык (по мнению А. Е. Крымского, таким был язык газеты «Терджиман» И. Гаспринского [13]), другие были исполнены на разных крымских диалектах. Как известно, в середине 20-х годов XX в. было принято решение о переориентации литературного языка на средний диалект крымскотатарского языка. Предполагалось, что дальнейшее развитие литературного языка будет происходить путём отказа от арабско-иранских элементов при разумном сочетании наиболее коммуникативно значимых единиц из кыпчакских и огузских говоров Крыма.

Процессы становления крымскотатарского литературного языка были прерваны войной (1941–1945 гг.) и тотальной депортацией народа.

Сегодня к литературному языку предъявляются иные требования: он в первую очередь должен оптимально выполнять коммуникативно-познавательную функцию, а также функцию социально-консолидирующую, т. е. способствовать объединению крымских татар, говорящих сегодня на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. В этих условиях литературный язык понимается как обработанная и нормированная форма общенародного языка, имеющая наддиалектный характер. (О нормах литературного языка см. в разделе «Крымскотатарское языкознание».) Без развитого литературного языка не может быть высококачественной художественной литературы и науки о ней – литературоведения во всех его ипостасях.

Как видно из сказанного, многие участки крымскотатарской филологии ждут своего исследования. Медленные темпы развития филологической науки объясняются отсутствием высококвалифицированных учёных (сегодня работают три доктора и несколько кандидатов филологических наук) и необходимых условий для их

подготовки. Следует наконец создать благоприятные условия для развития крымскотатарской филологической науки: увеличить количество мест в целевой аспирантуре, установить достойную оплату труда аспирантов и их научных руководителей и др.

Литература

1. Абдульваапов Н. Р. Османские тезкере // Крымский музей. 1995–1996. – Симферополь: Таврия, 1996.
2. Айвазов А. С. Миллий Кърым эдебияты // Ватан хадими. – Карасубазар, 1908. – № 21.
3. Алтанлы А. Шамиль Тохтаргъазы ве Асан Чергеев // Большевик ёлу. – Акъмесджит, 1935. – №№ 4, 6–10.
4. Акъмоллаев Э. Кърымтатар тилининъ амелияты. – Ташкент: Укитувчи, 1989. – 160 с.
5. Акъчокъракълы О. Кърым тюрк-татар эдебиятынынъ къыскаджа тарихчеси // Миллет. – Акъмесджит, 1920. – № 6.
6. Гаркавец А. Н. Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии // Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь. – Киев: Радянська школа, 1988. – С. 198–232.
7. Гирайбай А. Кърым эдебиятына бир бакъыш. Кърым шаирлери. – Костендже, 1935.
8. Граннес А. Опыт библиографии советской художественной литературы на крымскотатарском языке с первых изданий в ссылке до конца советского периода (1957–1991). – Норвегия, Берген, 1994. – 27 с.
9. Керим И. А. Медений эснас (1920–1938). – Симферополь: Таврия, 1997. – 495 с.
10. Керим И. А. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башына къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. – Симферополь, 1998. – 135 с.
11. Керим И. А. Исмаил Гаспринскийнинъ «Молла Аббас» романы акъкъында // И. Гаспринский. Молла Аббас. – Т. 1. – Симферополь, 2001. – С. 5–18.
12. Кримський А. Е. Неоднакові групи татарських наріччів у Криму – на надбережному й гірському півдні та на степовій півночі. Стан дослідів над ними // Кримський А. Е. Тюрки, їх мови та літератури. Тюркські мови. Вип. II. – Київ, 1930. – С. 147–151.
13. Кримський А. та ін. Студії з Криму, I–IX. Історія ханства, взаємовідносини з Україною, нарис кримсько-татарського письменства. – Київ, 1930.
14. Къуртнезир З. Къырымтатар эдиплери. Омюр ве яратыджылыклары акъкъында къыска малюматлар. – Симферополь: Таврия, 2000. – 223 с.

15. Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
16. Ляtif-заде А. Кърымтатар эдебиятынынъ сонъки деври акъкъында // Окъув ишлери. – Акъмесджит, 1927. – №№ 4–5.
17. Меметов А. Татар тили грамматикасынынъ практикумы. – Ташкент, 1984.
18. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент, 1988.
19. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь, 2000.
20. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Петроградъ, 1916.
21. Самойлович А. Н. К истории крымскотатарского литературного языка // Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме. – Симферополь, 2000.
22. Усеинов Т. Б. Къырымтатар эдебиятынынъ орта асырлар деври. – Симферополь, 1999.
23. Фазыл Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи. – Симферополь, 2001.
24. Чобан-заде Б. В. Кърымтатар ильмий сарфы. – Акъмесджит, 1925 (арабским письмом).
25. Чобан-заде Б. В. Сонъ девир кърымтатар эдебияты. Тенкъит теджрибелери. – Акъмесджит, 1928 (арабским письмом).
26. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Под ред. А. М. Эмировой. – Симферополь, 2003 (кириллицей).
27. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Кримські татари: історія і сучасність. (До 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995.
28. Эмирова А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 1.
29. Эмирова А. М. Крымскотатарская зарубежная литература как феномен крымской культуры // Диалог культур: этнические реалии и будущее Крыма. Международная научно-практическая конференция. Сб. статей. – Симферополь, 1997.
30. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3.

31. Эмирова А. М. Сопоставительная характеристика фразеологии русского и крымскотатарского языков: универсальное и специфическое // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1999. – № 6.
32. Эмирова А. М. Феномен Дженгиза Дагджи // Эмирова А. М. Крым – любовь и боль моя. – Симферополь, 2000.
33. Эмирова А. М., Ганиева Э. С., Сейдаметова Н. С. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты. – Симферополь, 2001.
34. Юнусов Ш. Э. Кримськотатарська поезія 1920 років. Автореф... канд. філол. наук. – Київ, 1998.
35. Cengiz Dağcı. Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden). – Ankara: 1998.
36. Emirova A. Kontrastive Analyze somatischen Phraseologie im Russischen und Krimtatarischen // EUROPHRAS – 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und Kulturelle Vielfalt. – Bochum, 1998.
37. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. 13. Kırım Türk-Tatar Edebiyatı. – Ankara, 1999.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

(Журнал «Східний світ». – Київ, 2002. – № 2. – С. 113–120. См. также: Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде // Бекир Чобан-заде. Кырымтатар ильмий сарфы. – Симферополь: Доля, 2003. – С. 18–29. На турецком языке: Bekir Çobanzade'nin Dil Bilimi Anlayışı // Karadeniz Araştırmaları. Balkan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu incelemeleri dergisi. – Türkiye, 2006. – № 11. – S. 1–12.)

Тотальная депортация и ссылка крымских татар нанесла огромный ущерб их языку и культуре в целом [22–24]. Однако уничтожение крымскотатарской культуры советским режимом началось еще в начале 20-х годов XX в., особенно же – в годы сталинских репрессий, когда тысячи деятелей крымскотатарской культуры были арестованы и загублены в тюрьмах и лагерях. На их имена и творчество было наложено табу. Одной из самых ярких фигур репрессированного поколения крымских татар был известный учёный-тюрколог, поэт и общественный деятель Бекир Чобан-заде (1893–1937 гг.).

Жизни и творчеству ученого посвящено большое количество работ разного жанра. В монографии турецкого исследователя Исмаила Отара, со ссылкой на работу С. Нагаева [7], указаны 72 работы, опубликованные в 1927–1989 гг. [30, с. 49–52]. Десятки статей увидели свет в последующие годы. Большая часть работ о Б. Чобан-заде носит информационный характер: в них сообщаются факты жизни и деятельности ученого [2; 10]. Что касается научного наследия, то оно фактически не исследовано. И. Отар, не будучи языковедом, вообще не ставил перед собой задачи описать и оценить научные труды учёного: «Kâfi bilgiye sahip olmadığımızdan, gramer bakımından izahata girmedik» («Из-за недостатка знаний мы не смогли дать грамматического комментария») [30, с. 28]. По мнению проф. Д. П. Урсу, «современные лингвисты-тюркологи редко обращаются к научному наследию крымского ученого. Это происходит частично по незнанию его трудов и их отсутствию в библиотеках, частично же из-за того, что филологическая наука за последние 60–70 лет пережила огромные изменения. Иными словами, изменилась сама парадигма науки. Открытия Б. Чобан-заде, Е. Поливанова и многих других передовых

учёных сегодня воспринимаются как нечто хрестоматийное, общеизвестное...» [10, с. 88–89].

В ряду работ о Б. Чобан-заде следует выделить небольшие по объёму статьи Ф. Д. Ашнина [1] и А. Меметова [6], в которых сделана попытка общей характеристики научного наследия учёного. В целом информационный подход к подаче материала в этих работах превалирует над аналитико-оценочным. Так, Ф. Д. Ашнин дал общую характеристику взглядов учёного на проблемы происхождения тюркских языков, их классификации, связей с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками; отметил исторический подход учёного к анализу языковых фактов; указал на его заслуги в области тюркологической терминологии и формирования тюркских литературных языков. А. Меметов информировал читателя о структуре и содержании «Крымскотатарской научной грамматики» и других работ учёного в области общей тюркологии, крымскотатарского и азербайджанского языкознаний, лексикологии и терминологии тюркских языков.

Научное наследие Б. Чобан-заде практически недоступно современному крымскотатарскому читателю, так как основные его труды, прежде всего монографии и учебные пособия [12; 14–16; 19–21], изданы арабской графикой, а с 1929 г. – латинской графикой на азербайджанском языке. Исключение составляют «Крымскотатарская научная грамматика» [13] и «Крымскотатарская литература новейшего периода» [18], которые, по свидетельству самого учёного, написаны на османском (турецком) языке.

Исчерпывающее описание лингвистической концепции Б. Чобан-заде может быть выполнена лишь на основе анализа его основных работ, посвящённых проблемам общего и частных языкознаний (крымскотатарского, азербайджанского, кумыкского, узбекского и др.). Однако на сегодняшнем этапе развития крымскотатарского языкознания представляется необходимым начать с основного труда ученого – «Крымскотатарской научной грамматики». Монография подготовлена к переизданию под научным руководством проф. А. Эмировой¹. Публикация именно этой монографии в качестве первой акции в деле «издания полного академического собрания сочи-

¹ А. М. Эмировой написаны предисловие, примечания, составлена библиография и др.; Н. С. Сеитягъевым выполнены транслитерация текста грамматики с арабского письма на кириллицу, его адаптация к нормам современного крымскотатарского языка, составлены предметный и именной указатели и глоссарий.

нений великого ученого-тюрколога, объединившего цивилизации Востока и Запада» [10, с. 89], объясняется не только тем, что она является единственной научной грамматикой крымскотатарского языка, написанной на одном из тюркских языков (см. [29]), но и тем, что в ней затронут широкий круг общезыковедческих проблем. Последнее обстоятельство позволяет в первом приближении наметить узловые участки лингвистической концепции Б. Чобан-заде.

«Крымскотатарская научная грамматика» состоит из трёх частей: 1. описательной, 2. сравнительной и 3. исторической.

В предисловии к первой части автор заявляет, что в своей работе он исходил из двух принципов: 1. максимально использовать методы современной ему лингвистики, 2. постоянно держать в поле зрения факты живого народного языка. Здесь же он объясняет причины, побудившие его написать свой труд на османском (турецком) языке, который в начале XX в. использовался в Крыму в качестве одной из форм письменно-литературного языка: «Эсеримизнинъ османлы тюркчесинде ызылмасына кельгенде, бу бугунъ даа сонъу корюнмеген шиве къавгъасына чатмамакъ, анълашылмагъан уйдурма табирлерден къачмакъ, ниает, эсернинъ даа кениш даире ичинде файда кетирмесини темин этмек арзусындан олгъандыр». («Что касается того, что наш труд написан на османском тюркском языке, то это было вызвано желанием не включаться в нескончаемые до сего дня споры о (крымскотатарских) диалектах, избежать употребления непонятных, выдуманных терминов, наконец, обеспечить эффективное использование его в более широких кругах») [13, с. 2].

Обосновывая структуру монографии, автор декларирует исторический подход к анализу языковых явлений: чтобы понять современное состояние крымскотатарского языка, следует знать его историческое прошлое и выяснить его связи с другими тюркскими языками. В соответствии с заявленным историческим принципом анализа в названных трёх частях монографии рассмотрены следующие вопросы: 1) звуковой строй, словообразование и словоизменение современного крымскотатарского языка, 2) сравнительная характеристика тюркских языков, 3) их историческая периодизация.

Автор монографии сознавал, что она не лишена недостатков, но считал, что её следует оценивать как первый опыт написания крым-

скотатарской научной грамматики, каждая часть которой в дальнейшем может быть расширена и издана в виде отдельной книги. Учёный планировал в ближайшие годы издать серию книг [12; 14; 15; 21], в комплексе с которыми данная монография, по его мнению, приобретёт необходимую содержательную полноту.

Во введении к первой части кратко определены основные лингвистические понятия, которые составили необходимый теоретический каркас монографии: язык; наука о языке и её разделы; происхождение языка и слова; строение речевого аппарата; связь языкознания с другими науками; литературный язык и живые народные говоры; социальные функции языка и др.

В целом эти понятия соответствуют уровню развития лингвистической мысли начала XX в. и во многом сохранили своё содержание до сего дня. Например, одна из современных теорий происхождения языка утверждает, что язык первобытного человека состоял из 20–40 знаков разного типа – неартикулированных звуковых комплексов и кинетических знаков (жестов, мимики, телодвижений, поз). Верно описан речевой аппарат человека и функции его составляющих; отмечена связь языкознания с физикой, анатомией, физиологией, психологией, категориями которых пользуется лингвистика.

Некоторые лингвистические понятия и положения, изложенные в этом разделе, за истёкшие после издания монографии Б. Чобан-заде 80 лет изменили своё содержание – расширили и углубили его. Сегодня иначе толкуются понятия лексического значения слова, литературного языка, насчитывается иное количество тюркских языков¹ и др.

¹ Б. Чобан-заде говорил о примерно 20 тюркских языках. Количество тюркских языков в последующие годы определялось по-разному. Так, в коллективной монографии [27], изданной АН СССР в 1966 г., указано 23 живых языка; в учебном пособии А. А. Реформатского [8] – 25 живых и 7 мёртвых языков; в монографии Н. А. Баскакова [3] – 27 живых и 12 мёртвых языков. В новейшей коллективной монографии «Тюркские языки», изданной ИЯ РАН в серии «Языки мира» в 1997 г. [28], отмечено 39 живых и 15 мёртвых тюркских языков.

Количественные расхождения объясняются политическими и социально-психологическими факторами. В период существования СССР, как известно, активно протекали процессы ассимиляции малых народов, их консолидации и образования на этой основе единых литературных языков для группы близкородственных языков. Эти процессы интерпретировались как

В разделе «Фонетика» дана классификация гласных и согласных звуков крымскотатарского языка, а также охарактеризованы процессы взаимодействия звуков в речи (фонетические процессы). Звуки описаны по месту и способу образования, а также по соотношению в них голоса и шума. В целом эта классификация может быть принята с некоторыми оговорками. В таблице классификации гласных, например, указано 9 основных звуков (фонем?), в таблице классификации согласных – 23 звука. Термин «фонема» автором грамматики вообще не используется, и потому неясно, являются ли представленные в таблицах звуки самостоятельными фонемами или среди них имеются разновидности (варианты, вариации) фонем. Так, среди гласных отмечено два сходных звука – средненебный (танънай ортасы) [э] и передненебный (танънай огю) [д] – открытое [а]. Неясно также, как соотносятся между собой звуки [h] и [x]. В таблице согласных отсутствует задненебный носовой [ŋ], который имеется в крымскотатарском языке (*сонъ, манълай, онъайт, онъмакъ* и др.).

Сам автор грамматики осознавал неполноту своих таблиц, однако считал, что пока не настало время детальной характеристики звуковой стороны крымскотатарского языка: «Лякин бугунъ бойле бир тешеббюс заманы дегильдир» [13, с. 14].

В подразделе «Взаимодействие звуков» в общих чертах описаны такие фонетические процессы, как явление конца слова (оглушение звонких в ауслауте)¹, ассимиляция согласных и гласных (сингармо-

достижения так называемой «ленинской» национальной политики. С распадом СССР наметились и набирают силы противонаправленные процессы – дифференциации близкородственных языков, продиктованные стремлением народов к политической и экономической независимости и возрождению своей национальной культуры, в том числе и языка, как базового элемента культуры. См. в [28] статьи о барабинском, долганском, крымчакском и др. языках.

В советских изданиях иногда отсутствовала информация о языках тюрков, проживавших за рубежом. См. в [28] статьи о саларском, сарыг-югурском, сонкорско-тюркском, халаджском и других языках.

¹ Чередование звонких и глухих согласных в ауслауте, т. е. в абсолютном конце слова (*буюк – буюги, тую – туюю*), и отсутствие такого чередования в некоторых словоформах (*къат – къаты, коп – кою*) автор монографии объясняет диалектными различиями. Можно предложить, однако, иное толкование данного феномена, а именно: чередование наблюдается в тех

низм), разного рода выкидки звуков – элизия, афerezис, синкопа и др. (Некоторые из перечисленных выше терминов в лингвистике 20-х годов XX в. ещё не употреблялись.)

Очень кратко охарактеризовано крымскотатарское ударение: выделение слога происходит путём усиления гласного звука (resp. ударение силовое, динамическое); ударение падает преимущественно на последний слог слова или словоформы; в многосложных словах можно обнаружить дополнительное ударение, которое падает на один из начальных слов. Кроме слогового, выделено логическое ударение.

В разделе «Морфология» автор грамматики поставил перед собой задачу – определить способы словообразования и формообразования в крымскотатарском языке. Разграничены корневые и аффиксальные морфемы и описаны звуковые, семантические и функциональные различия между ними. В частности, автор грамматики считает, что одним из дифференциальных признаков аффиксов, отличающих их от корней, является сходство их формы (звучания), благодаря чему слова с такими аффиксами откладываются и хранятся в сознании человека в виде связки, комплекта (*байгъын, салкъын, салгъын, балкъын*)¹.

случаях, когда в ауслауте оказывается изначально звонкий согласный, который в такой слабой для него позиции регулярно оглушается (*эшек – эшеги, къулакъ – къулагъы*). В тех же случаях, когда в ауслауте находится исконно глухой согласный звук, чередования не происходит (*акъ – акъы, ат – аты*). Дополнительным аргументом в пользу нашего допущения являются и случаи оглушения звонких согласных в составе арабизмов (*китап – китабы, мектеп – мектеби*), которые в арабском письме передаются графемой со звуковым значением [б]. Не случайно в 30-е годы XX в., после перевода крымскотатарского письма на латиницу, эти и подобные им слова писались *kitab, mekteb*. Данный вопрос актуален и сегодня, в связи с переходом крымскотатарского письма на латинскую графику.

¹ Хранение в сознании человека определенным образом организованных, систематизированных языковых единиц современная психолингвистика (раздел общего языкознания, изучающий ментальные процессы порождения, восприятия и интерпретации речи) объясняет возникновением между ними ассоциаций – когнитивных (мыслительно-познавательных) связей, которые могут «опираться» как на сходство формы, так и на близость или

Описаны следующие способы словообразования: 1. аффиксация; 2. усечение и повтор корня с изменением звука в ауслауте (*бем-безд, дос-догъру*); 3. сочетание соотносительных по звучанию и значению слов (*ялан-яньлыш, яхшы-яман, бала-чагъа*); 4. повтор корня с протетическим [м] (*аш-маш, эв-мев*).

В зависимости от способа словообразования слова в крымскотатарском языке распределены по следующим группам: непроизводные (*баш, кучук*), производные, образованные путём аффиксации (*далгъын, яныкъ*), сложные (*алтыпат, ашхана*) и служебные слова, которые в отличие от самостоятельных слов никогда не сочетаются с аффиксами (*киби, ичюн*).

Замечено, что слова, квалифицируемые в синхронии как непроизводные, т. е. состоящие из одного корня, в диахронии распадались на корень и аффикс (*бюк < бу+юк, сыджакъ < ыс+джакъ, арслан < арсл+ан*). Эти примеры свидетельствуют о том, что автор грамматики различал синхроническое и диахроническое состояние языка, знал, что звуковая и морфемная структуры слова исторически изменяются.

Описать грамматику языка, по мнению Б. Чобан-заде, значит выявить все аффиксы, разделить их на классы, разряды в зависимости от их функций в процессах словообразования и охарактеризовать со стороны формы и содержания (грамматического значения). Выделены аффиксы словообразовательные и словоизменятельные.

Очень подробно, с привлечением большого фактического материала, описаны словообразовательные аффиксы и их грамматические значения. Например, вариантные аффиксы *-лыкъ/ -лик/ -лукъ/ -люк/* могут выражать следующие грамматические значения: количества (*аршынылыкъ, ичимлик*), места (*ташылыкъ, бахчалыкъ*), предметности (*козьлюк, бурунлыкъ*), абстрактного признака (*байлыкъ, гузеллик*), времени (*омюрлик, айлыкъ*).

контрастность содержания. Более того, ассоциации могут возникать и на основе смежности предметов и их свойств, а также причинно-следственных отношений между ними, отражённых в значениях языковых единиц. Сформированные в результате ментальных процессов аналогии, категоризации разного типа группировки языковых единиц в сознании человека называются языковыми полями. Языковые поля могут быть разного типа: семантические, тематические, собственно ассоциативные, морфосемантические и др. [5, с. 380–381; 25, с. 19; 26, с. 18].

Отдельно рассмотрены мёртвые (*джансыз*) аффиксы – непродуктивные словообразовательные аффиксы, которые срослись с корнем в результате процесса опрощения морфемной структуры слова и в современном состоянии языка (в синхронии) не выделяются в качестве самостоятельной морфемы: *-джа/ -ча/* (*къоджа, индже*), *-ман/ -мен/* (*къурман, шишман*), *-къа/ -гъа/ -ке/ -ге/* (*къырмыскъа, сирке*), *-ым/ -им/ -ет/ -ют/* (*кечит, когет, огют*), *-тай/* (*къурултай, Алтай*) и др. Перечисленные аффиксы восходят к некогда самостоятельным словам.

Выделены и описаны (по значению и произношению) формообразовательные аффиксы имени и глагола, образующие формы падежа и числа разного типа имён (существительных, местоимений и др.) и формы глагольных категорий. Весьма ценны в этом разделе попутные сведения об особенностях диалектного произношения некоторых корней и форм: *манъа – мана – маа, санъа – сана – саа, алып кель – апкель, не ишле – нешле, не яп – няп* и др.

Большая часть данного раздела грамматики посвящена анализу глагольных форм и образующих их аффиксов. Выделены и описаны аффиксы, образующие глагольные формы от имен (*-ла/ -ле, -ар/ -эр, -лан/ -лен, -а/ -э*), от глаголов (*-т, -ур/ -юр/ -ир, -дыр/ -дир/ -тур/ -тюр*), отрицательные формы глагола (*-маз/ -мез/ -мас/ -мес, -ма/ -ме, -ув/ -юв, -ыш/ -иш*) и др. Описаны также формы настоящего, прошедшего и будущего времён, формы лица, числа, залога и др.

В разделе «Служебные слова» представляют интерес рассуждения учёного относительно грамматического статуса слов *шимди, къышын, язын, ярын* и т. п., которые, по мнению проф. А.Н. Самойловича, являются наречиями. Б. Чобан-заде показал, к каким ошибкам может привести экстраполяция категорий русского языка на крымскотатарский: способность этих слов образовывать регулярные именные формы (*ярын - ярындан, ярынлыкъ, ярынджи*) свидетельствует о том, что они являются «живыми» формами самостоятельных слов – имён существительных.

Служебные слова, по мнению Б. Чобан-заде, отличаются от самостоятельных тем, что они не способны сочетаться с аффиксами, не имеют самостоятельного лексического значения, но способствуют изменению значений предыдущих (*сайын, киби, бери* и др.) или последующих слов (*пек, анджакъ, тек, даа, эгер* и др.).

К служебным словам в грамматике отнесены междометия (*ай, ой, ах, вах, уф, вай*), в том числе и звукоподражания (*дран-дран, шарт-шарт, гуррь* и др.).

Вторая часть труда Б. Чобан-заде посвящена сравнительному анализу тюркских языков. Здесь он изложил современные ему теории и гипотезы происхождения тюркских народов, локализации их прародины (северные регионы Средней Азии – Кавказские горы – Месопотамия – Прибалтика), исторической дифференциации единой этнической и языковой общности тюрков на отдельные народы и языки, которая произошла еще до VII в. н.э.

В процессе исторического развития и дифференциации тюркских языков в них происходили следующие изменения: 1. распределение форм с одинаковыми грамматическими значениями и функциями по разным языкам; 2. изменение звукового (фонемного) состава морфем, слов и словоформ; 3. образование новых форм; 4. исчезновение старых форм; 5. изменение лексических значений слов.

Исторические изменения в грамматическом строе языков Б. Чобан-заде объясняет двумя противонаправленными факторами: индивидуальными особенностями употребления языковых единиц (произношения, написания, сочетания друг с другом и др.) и тенденцией к аналогии, т. е. к единообразному употреблению слов и форм. Так, появление в языке форм типа *агъамнен* из *агъамлен* произошло, по мнению учёного, в результате действия закона аналогии¹.

Не соглашаясь с классификацией тюркских языков, предложенной В. В. Радловым, автор грамматики предлагает делить тюркские языки на две группы – огузские и чагатайские, между которыми много общих признаков.

Далее рассмотрены проблемы сравнительной фонетики и словообразования современных тюркских языков.

Охарактеризованы такие особенности звукового строя: в абсолютном начале слова в исконно тюркских словах не может быть звуков [р], [л], а также сочетаний согласных [ст], [шк], [сн]. Эти звуки встречаются только в заимствованиях, а на почве крымскотатарского языка.

¹ Последние примеры следует интерпретировать не как проявление закона аналогии, а в качестве явлений ассимиляции согласных, которые с той или иной регулярностью встречаются в устной речи [5; с. 48; 25, с. 21; 26, с. 8–9].

тарского языка они регулярно предваряются протетическими гласными [э], [и], [у]: *руба – уруба, рус – урус, рум – урум, леген – элеген, Станбул – Истанбул, скендже – ишкендже, эскендже* и др. То же касается начальных [з], [ф], [х]. Такие звуки и звукосочетания, считал Б. Чобан-заде, могли произносить только образованные горожане.

Особый интерес сегодня, в связи с постепенным переходом крымскотатарского письма с кириллицы на латиницу, представляют свидетельства Б. Чобан-заде о произношении начального [х] в заимствованных словах: *хеляк, харун, хейет* и др. По его наблюдениям, в некоторых османских и крымскотатарских говорах под влиянием произносительных норм, культивировавшихся в медресе, появились новые варианты произношения – с начальным [х] – не только в заимствованиях, но и в исконно тюркских словах. Новые и старые формы использовались в речи параллельно: *хекбе – экбе, ханги – анги, хеп – эп, хоргюч – оргюч, хайды – айды* и др. По мнению турецкого лингвиста Наджиба Асыма, это произошло под влиянием арабского и персидского языков¹.

В следующем разделе второй части грамматики характеризуется артикуляционная база тюркских языков, т. е. совокупность типовых движений органов речи, необходимых для производства звуков какого-либо языка. В древних тюркских языках, отражённых в орхон-енисейских надписях, по мнению Б. Чобан-заде, превалировала заднеязычная артикуляция. В более поздние времена стала заметна тенденция к замене заднеязычных согласных в составе слов более передними, например [нъ] → [н]: *денъгиз – дениз, донъгъуз – дамуз* и т. п. Такие процессы способствовали благозвучию тюркских (прежде всего – огузских) языков.

¹ Арабские увулярные (язычковые), фарингальные и гортанные звуки, обозначаемые в арабском письме разными значками (хамза, айн, ха и др.), в крымскотатарском произношении начала XX в. обнаруживали большое сходство между собой в связи с отсутствием в крымскотатарском языке таких звуков (следовательно, и навыков их произношения у носителей языка). В крымскотатарской латинице, функционировавшей в 1929–1938 гг., этим звукам арабского языка соответствовали две буквы – *x* и *h*, которые при чтении текстов часто не различались: *ixtar, tarix, hem, hangi, harif* и др. (В разговорной речи произносился только заднеязычный, обозначаемый буквой *x*: *tarix*, но *ep, angi*).

С целью выявления характерных особенностей таких тюркских языков, как чувашский, якутский, османский, киргизский, татарский и др., они сравниваются друг с другом и с крымскотатарским языком в звуковом и морфемном отношениях. При этом базой сравнительного анализа служит крымскотатарский язык. На репрезентативном языковом материале (соотносительные лексические ряды) описаны звуковые соответствия крымскотатарского и чувашского, крымскотатарского и якутского и др. языков.

Перечислены и кратко охарактеризованы словообразовательные и словоизменительные аффиксы в названных языках и их корреляты в крымскотатарском языке. Сравнены системы местоимений, числительных, глаголов и их категориальных форм и т. п.

Выводы, сделанные в конце данного раздела, согласуются с современной теорией языкознания и обогащают её новым фактическим материалом: изменения, происходящие в родственных языках в процессе их исторического развития и дифференциации, не случайны, а подчиняются языковым законам – общим, универсальным (свойственным всем языкам мира) и частным (характерным для одного языка или группы близкородственных языков), диахроническим (имевшим место на предшествовавших этапах развития) и синхроническим (действующим в современном состоянии языка), внешним (обусловленным историей общества и различными сторонами человеческой деятельности) и внутренним (имманентным, проистекающим из самой природы языка).

В третьей части грамматики Б. Чобан-заде дана историческая периодизация тюркских языков: выделены и кратко охарактеризованы орхонский, уйгурский, чагатайский периоды. Наука в начале прошлого века располагала очень незначительными сведениями об истории развития тюркских народов. Такую информацию, считал ученый, можно извлечь из языка. Имеющиеся в современных языках лексические заимствования свидетельствуют о том, что тюркский язык-основа (праязык) существовал уже в глубокой древности, за несколько тысячелетий до Рождества Христова. Однако ни одного памятника письменности того времени до нас не дошло, поэтому наука располагает только гипотезами относительно состояния тюркских языков того периода.

Самые ранние памятники древнетюркской письменности – орхо-но-енисейские надписи – относятся к концу VII – началу VIII вв. В грамматике Б. Чобан-заде даны краткие сведения об истории открытия и расшифровки этих надписей, приведены образцы с лексико-грамматическими комментариями.

Аналогично (образцы текстов, исторический и языковой комментарий, глоссарий) описаны тюркские письменные памятники уйгурского периода (XI–XIII вв.): «Кудатку билиг», «Дивану лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского – и чагатайского времени (XIV–XVII вв.): «Кысса-су-ль-энбия» Рубгузи, произведения Ахмеда Есави, Али-шира Навои, Бабура и др.

Здесь же отмечены характерные особенности чагатайского языка: начальные [ɔ], [m], [n] вместо [e], [d], [b] (*бар* – *вар*, *даш* – *таш*, *мен* – *бен*); аффиксы *-гъан* / *-ген* вместо *-ян* / *-ен* (*окъугъан* – *окъуян*) и др. По мнению Б. Чобан-заде, эти признаки свидетельствуют о том, что крымскотатарский язык возник на основе скрещения южнотюркских (огузских) языков с чагатайским.

Наиболее близким (в звуковом, формальном и семантическом планах) к современному крымскотатарскому языку памятником письменности, считал автор грамматики, является «Кодекс куманикус». Приведены несколько загадок из этого памятника и даны их современные крымскотатарские соответствия.

В выводах к исторической части своего труда Б. Чобан-заде утверждает, что современные тюркские языки сохранили бóльшую близость с языками предшествующих периодов, чем это наблюдается в других языковых семьях. Объяснение этому феномену учёный видит в том, что еще два-три столетия тому назад тюрки, в связи с кочевым образом жизни, были очень тесно связаны, переплетены друг с другом. Именно этим обусловлена общность не только языковых, но и художественных, и концептуальных (мыслительно-познавательных) форм и категорий всех тюркских народов, включая якутов и чувашей.

Отмечены следующие тенденции в историческом развитии тюркских языков: изменение фонемного состава корней, которое происходило в соответствии с тенденцией к смещению артикуляционной базы с задних позиций на более передние; слияние аффик-

сов с корнями (процессы опущения); исчезновение аффиксов: *-вул* (*къаравул, ясавул*), *-ры/ -ри* (*илери, кери, ары*) и др.; исчезновение корней: *асыгъ – файда, аджун – дюнья* и др.; возникновение новых корней и аффиксов.

Подчёркнуто, что перечисленные изменения в системе языков не случайны: они подчиняются языковым законам – внутренним и внешним, общим и частным, синхроническим и диахроническим.

* * *

Читая сегодня научную грамматику крымскотатарского языка Б. Чобан-заде, нельзя не заметить обширных знаний учёного в области общего языкознания и тюркологии, его стремления применять достижения европейского и русского языкознания к анализу тюркских языков. Богатый фактический материал, использованный в работе, тонкий анализ языковых явлений, умение разграничивать факты синхронии и диахронии языка – несомненные достоинства труда учёного. Остается незыблемой оценка, данная в своё время Ф. Д. Ашниным: «Бекир Чобан-заде был одним из самых эрудированных тюркологов своего времени, неизменно учитывавшим достижения передового западного и русского языкознания» [1, с. 210].

Монография Б. Чобан-заде и сегодня, спустя 80 лет после её написания, не потеряла своей теоретической ценности. Новая крымскотатарская научная грамматика должна быть создана на базе достижений языкознания последних лет, с применением новейшего концептуально-терминологического аппарата. «Крымскотатарская научная грамматика» Бекира Чобан-заде, без сомнения, станет одним из краеугольных камней научного каркаса такой грамматики.

Литература

1. Ашнин Ф. Д. Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. – Москва, 1967. – № 1. – С. 208–216.
2. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Профессор Б. В. Чобан-заде и махкеме иши // Ыылдыз. – Симферополь, 1998. – № 6. – С. 45–63 (на крымскотатарском языке).
3. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – Москва: Высшая школа, 1969. – 384 с.
4. Каримов Б., Муталов Ш. Ўрта турк тили. – Ташкент: Мехнат, 1992. – 20 с. (на узбекском языке).

5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

6. Меметов А. Чобан-заде ве кырымтатар тильшынаслыгы // Йылдыз. – Симферополь, 1993. – №№ 5–6. – С. 262–268 (на крымскотатарском языке).

7. Нагаев С. Медений инкыляп аскери // Нагаев С. Йылнамелердеки излер. – Ташкент, 1991. – С. 75–216 (на крымскотатарском языке).

8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – Москва: Просвещение, 1967. – 544 с.

9. Урсу Д. П. Чобан-заде Б. В. // Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944). Биобиблиографический словарь. – Симферополь, 1999. – С. 201–206.

10. Урсу Д. П. Выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-заде: жизнь и деятельность // Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – С. 74–89.

11. Урсу Д. П. Годы ученичества Бекира Чобан-заде // Голос Крыма. – Симферополь, 2002. – № 18. – С. 5.

12. Чобан-заде Б. В. Введение в тюрко-татарское языкознание. – Баку, 1924. – 212 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

13. Чобан-заде Б. В. Крымскотатарская научная грамматика. – Акмесджит (Симферополь), 1925. – 187 с. (арабской графикой, на османском языке).

14. Чобан-заде Б. В. Методика преподавания тюркского (азербайджанского) языка и литературы. – Ч. 1. – Баку, 1926. – 264 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

15. Чобан-заде Б. В. Методика преподавания тюркского (азербайджанского) языка и литературы. – Ч. 2. – Баку, 1927. – 218 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

16. Чобан-заде Б. В. Тюрко-татарская диалектология. Введение. – Баку, 1927. – 135 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

17. Чобан-заде Б. В. Тюркский (азербайджанский) язык. Первый курс. Вып. 1–6. – Баку, 1928. – 219 с. (латинской графикой, на азербайджанском языке).

18. Чобан-заде Б. В. Крымскотатарская литература новейшего периода. Критические этюды. – Акмесджит, 1928. – 102 с. (арабской графикой, на османско-турецком языке).

19. Чобан-заде Б. В. Тюркская (азербайджанская) грамматика. – Баку, 1929 (1930). – 202 с. (совместно с Ф. Ага-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).

20. Чобан-заде Б. В. Основы научной грамматики. Введение. – Баку, 1932. – 64 с. (совместно с Г. Багир-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).
21. Чобан-заде Б. В. Методика тюркского (азербайджанского) языка. – Баку, 1932. – 48 с. (совместно с Дж. Мухаммед-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).
22. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык: последствия геноцида. // Кримські татари: Історія і сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995. – С. 50–53.
23. Эмирова А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 1. – С. 83–86.
24. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Международная научно-практическая конференция. (Ялта, 23–27 ноября 1998). – Киев, 1999. – С. 25–30.
25. Эмирова А. М. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. – 94 с.
26. Эмирова А. М., Ганиева Э. С., Сейдаметова Н. С. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты. – Симферополь: Сонат, 2001. – 64 с. (на крымскотатарском языке).
27. Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. – Москва: Наука, 1966. – 531 с.
28. Языки мира. Тюркские языки. – Бишкек: Изд. Дом «Кыргызстан», 1997. – 543 с.
29. Jankowski, Henryk. Gramatyka języka krymskotatarskiego. – Poznań, 1992. – 455 s.
30. Otar, Ismail. Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. – İstanbul, 1999. – 228 s.

РУССКИЙ ДИСКУРС В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР

(Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург 30 июня – 5 июля 2003 г. Россия в мировом культурном пространстве. – СПб: Политехника, 2003. – С. 142–146.)

Одним из ключевых компонентов лингвокультурной ситуации в сегодняшнем Крыму является крымскотатарский язык и связанная с ним культура. Особый статус крымскотатарского языка обусловлен катаклизмами социально-политического развития советского и постсоветского обществ. После тотальной депортации крымскотатарского народа в 1944 г. в местах ссылки в течение почти полувека проводилась политика деструкции национального самосознания крымских татар. За истекший период крымскотатарский язык подвергся глубокой деформации, особенно заметной на лексическом и грамматическом уровнях. (Сказанное выше является когнитивной метонимией: изменился не сам язык, а носители языка и их совокупный ментальный лексикон. Прежние состояния крымскотатарского языка можно реконструировать по сохранившимся текстам 1 половины XX века.)

Около 70% крымских татар до депортации жили в сёлах и потому слабо владели русским языком. Из ссылки вернулся народ, представители которого, за редким исключением, свободно владеют русским языком и имеют высокий образовательный ценз. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 76% крымских татар свободно владели русским языком. Уровень образования крымских татар, по материалам социологического измерения, проведённого в августе – сентябре 1997 г. Экспертным центром социологических и маркетинговых исследований (г. Ташкент) и дополненного мониторингом социокультурной ситуации в Крыму, высшее образование имеют 15,1% крымских татар, живущих в Крыму, и 18,6% татар, живущих в Узбекистане (в среднем – 16,85%); неполное высшее – соответственно 3,1% и 1,9% (в среднем – 2,5%); среднее специальное – 19,6% и 23,8% (в среднем – 21,7%); среднее общее 34% и 26,7% (в среднем 30,35%). Таким образом, около 70% опрошенных крымских

татар имеют высшее и среднее образование [1, с. 98] Высокий уровень образования крымских татар косвенно подтверждается также материалами Всеукраинской переписи населения 2001 г.: в период с 1989 г. по 2001 г. количество лиц, имеющих высшее и среднее образование, в Крыму возросло на 20,7%, а именно в эти годы происходила активная репатриация крымских татар.

Оборотной стороной этих положительных процессов явились деформация языка и его забвение некоторой частью носителей языка. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., 93% крымских татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6% – украинский, 5,9% – русский языки [2]. Однако реальная демографическая мощность крымскотатарского языка (количество говорящих на нём) гораздо ниже. Крайне низка и коммуникативная мощность языка (число социальных сфер, обслуживаемых языком). Крымскотатарский язык функционирует преимущественно в качестве «семейного» языка (в форме старых территориальных диалектов в их причудливом смешении), ограниченно – в СМИ (3 республиканские газеты, 2 из которых печатают материалы на русском и крымскотатарском языках; 3 журнала, один из которых имеет и русскоязычный вариант; недельное эфирное время на радио – 1 час 15 минут, на телевидении – 3 часа 40 минут) и в сфере образования (13 школ с крымскотатарским языком обучения – 4070 учащихся, а также 133 крымскотатарских класса в школах с русским языком обучения – 1802 учащихся, в которых обучается около 6000 детей из общего количества 46968 детей крымскотатарской национальности школьного возраста).

Русский дискурс, как следует из сказанного выше, занимает значительное место в речевой деятельности крымских татар. («Дискурс – ...связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; ...речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3]). Речевая деятельность (resp. языковая компетенция) крымских татар, т. е. владение ими языком (языками) в плане порождения (мышление, говорение, письмо), восприятия и интерпретации речи, может быть охарактеризована в разных аспек-

тах. Ниже предлагается два подхода к измерению языковой компетенции крымских татар: 1. по видам (параметрам) мыслеречевой деятельности и 2. по характеру языковой компетенции. Соотношение русского и крымскотатарского дискурсов в языковой компетенции крымских татар зависит от социального статуса коммуникантов – их пола, возраста, уровня образования, специальности, рода деятельности и др.

Речевая деятельность крымских татар (родной язык) имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже расположены в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание крымскотатарской речи, воспринимаемой на слух; порождение речи (говорение); понимание речи, воспринимаемой в письменной форме; чтение и письмо. Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), в целом они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и на пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях (более 20% от общего числа браков) не культивировалось. Что же касается восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти языковые способности представителей новых генераций крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались (отсутствие школ с родным языком обучения, учебной и художественной литературы и др.).

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар,

не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую группу входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят только на крымскотатарском языке).

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. В их речи часто используются разного рода «включения» и кальки – словообразовательные, семантические, фразеологические, синтаксические.

Сказанное выше иллюстрируется результатами предварительного анализа 50 анкет, извлечённых из общего массива в 700 единиц методом случайной выборки. Респондентами являются крымские татары разного возраста, пола, уровня образования и рода деятельности. Родным языком назвали крымскотатарский 47 респондентов, 3 человека считают родным два языка – крымскотатарский и русский. В общественных местах (в магазинах, на рынке и пр.) 22 респондента говорят только на русском языке, 25 – на русском и крымскотатарском (в зависимости от национальной принадлежности коммуникантов) и 1 – только на крымскотатарском. Среднее и высшее образование на русском языке получили 42 человека, 3 – на русском и крымскотатарском, 1 – на узбекском языке. В семье большая часть информантов (36 человек) пользуется двумя языками, на крымскотатарском говорят чаще всего с членами семьи старшего возраста; 3 респондента пользуются только русским языком, 11 – только родным языком. Полученные результаты можно с известной долей относительности

экстраполировать на весь этнос. В любом случае приведенные выше цифры можно рассматривать как информацию к размышлению относительно языковой компетенции крымских татар.

Почему крымские татары, в массе своей считая родным крымскотатарский язык, в речевой практике всё же чаще используют русский язык даже в общении друг с другом? Тому причиной разные факторы, как собственно языковые, так и внеязыковые. Собственно языковым фактором можно считать универсальный для всех языков мира закон экономии речевых усилий: в условиях спонтанного общения говорящие с меньшими ментальными усилиями и быстрее находят в своем внутреннем лексиконе необходимые русские лексические средства и синтаксические модели, являющиеся формами воплощения различных понятий и суждений. При скудости словарного запаса и плохом знании грамматических способов и средств крымскотатарского языка обращение коммуникантов к русскому языку и порождение ими русского дискурса становится вполне понятным и в какой-то мере оправданным.

К внеязыковым факторам можно отнести чувство психологического дискомфорта, возникающего у говорящего в связи с осознанием им несостоятельности своего крымскотатарского речевого поведения.

Что представляет собой совокупный русский дискурс как компонент и результат речевой деятельности крымских татар? Думается, его можно квалифицировать как социально-региональный вариант русского языка. На уровне грамматики различий не замечено. Вариативные (дифференциальные) особенности его проявляются преимущественно на лексическом и фонетическом уровнях. В сфере лексики это использование регионализмов, в том числе этнокультурных, обозначающих специфические крымскотатарские реалии. В последние годы заметно использование украинизмов. Можно прогнозировать увеличение доли украинизмов в русской речи крымских татар не только на уровне слов, но и на уровне фонем: уже сегодня встречается использование украинского щелевого Г [ɣ], вместо русского взрывного Г [g].

В звуковой стороне русской речи крымских татар можно наблюдать легкий акцент, природа которого до сих пор не исследована.

Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др. Сразу же следует сказать, что при некотором различии фонемного состава русского и крымскотатарского языков (в крымскотатарском языке имеется шесть гласных и согласных фонем, отсутствующих в русском языке) артикуляционная база русского языка не представляет для крымских татар какой бы то ни было трудности и, следовательно, не выступает в качестве акцентообразующего фактора, так как крымские татары, уже в третьем после депортации поколении, получили среднее и высшее образование в русской школе.

Легкий, как уже сказано, крымскотатарский акцент в русской речи определенной части крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) проявляется в форме некоторой напевности речи. Думается, этот феномен обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукции гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер. К сожалению, данные феномены крымскотатарской речи абсолютно не исследованы.

Соотношение русского и крымскотатарского дискурсов в речевой деятельности крымских татар, ныне асимметричное, со временем может стать более гармоничным. Крымскотатарская общественность, при поддержке властных структур Украины и Крыма, а также некоторых международных организаций, делает определённые шаги в этом направлении: открываются школы и классы с крымскотатарским языком обучения, активизируется издательство учебной и художественной литературы на крымскотатарском языке, совершенствуется методика обучения крымскотатарскому языку и др.

Процессы возрождения и развития крымскотатарского языка могут быть оптимизированы в русле корректной языковой политики украинского государства, в частности – её законодательного аспекта. В Украине до сих пор не разработан новый закон о языках: в со-

ответствии с законом Украины «О правопреемственности Украины № 1543-ХП» от 12 сентября 1992 г. всё ещё действует закон «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. № 8312-ХІ. До сих пор не ратифицирована «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (Страсбург, 1992 г.), в которой предложена система мер, способствующих развитию миноритарных языков. Как известно, разработанный Верховной Радой Украины проект закона о ратификации Европейской хартии решением Конституционного суда Украины от 12 июля 2000 г. был признан несоответствующим Конституции Украины.

Литература

1. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан. – Киев: МОМ в Украине, 1998. – 100 с.
2. О количестве и составе населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия. – № 4. – 10 января, 2003.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 136–137.

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Learner's Dictionaries as an Instrument of Revival and Development of Crimean Tatar Language // EURALEX 2004: Euralex international congress. Lorient, Juli 6–10, 2004, France. – Volume 1. – S. 351–356.)

Из всех репрессированных сталинским режимом народов крымские татары, тотальная депортация которых была проведена 18 мая 1944 года, позже всех получили возможность вернуться на родину и заняться проблемами возрождения своего языка и своей культуры. В условиях ссылки родились и выросли два поколения крымских татар, которые не изучали в школе родного языка. Крымскотатарский язык был полностью вычеркнут из реестра языков народов СССР, его научное осмысление было табуировано.

Цель данной статьи – обсудить актуальные проблемы возрождения и дальнейшего развития крымскотатарского языка, задачи – наметить аспекты решения этих проблем и охарактеризовать созданные автором учебные словари как один из инструментов обогащения ментального лексикона носителей крымскотатарского языка.

Дисперсное проживание крымских татар в ссылке и расширяющаяся практика заключения смешанных браков между носителями разных диалектов (огузских и кыпчакских) и разных языков (крымскотатарского, с одной стороны, и русского, узбекского, таджикского и др., с другой) имели следствием разрушение старых крымских территориальных говоров и наречий, в результате чего к началу 90-х годов XX века крымскотатарский язык оказался на грани деструкции и исчезновения. Как раз в это время начали активизироваться процессы репатриации крымских татар. (Сегодня в Крыму проживает два миллиона человек, из них около 250 тысяч – крымские татары.)

Проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка имеют два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. При всей условности разграничения названных аспектов можно тем не менее наметить круг вопросов, относящихся к каждому из них.

Первый – социально-политический – аспект предполагает решение комплекса взаимосвязанных вопросов: 1) определение социаль-

ного статуса крымскотатарского языка (государственный, официальный, миноритарный или язык коренного народа?); 2) расширение спектра его социальных функций; 3) формирование системы среднего и высшего образования и др. Решение этих вопросов связано с совершенствованием законов Автономной Республики Крым и Украины с учётом новых социальных реалий; с расширением издательской базы на крымскотатарском языке; с открытием школ и детских учреждений с крымскотатарским языком обучения и воспитания; с подготовкой научных и педагогических кадров; в конечном счете – с достаточным бюджетным финансированием всех перечисленных акций.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает реализацию комплекса научных мер: сбор, фиксацию и обработку на современных носителях сохранившихся крымскотатарских диалектов, как базы стандартного языка; кодификацию и совершенствование норм литературного языка; написание научных монографий, учебных пособий разного типа, в том числе словарей – общих и специальных, однопольных и многоязычных.

Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние любого частного языкознания. Применительно к крымскотатарскому языку это означает, что существующие сегодня словари иллюстрируют бедственное состояние крымскотатарского языкознания, гешр. неизученность многих сторон крымскотатарского языка [2]. Достаточно сказать, что до сих пор не создан даже толковый словарь крымскотатарского языка. Отсутствуют этимологический, морфемный, словообразовательный, семантический, синонимический, антонимический, омонимический, фразеологический, диалектные, ортологические (правильностей и трудностей) и другие словари.

С целью восполнения лакун в крымскотатарской лексикографии и развития теории языка нами в последние годы были созданы четыре словаря учебного типа – два терминологических и два фразеологических.

Терминологические словари

В словаре-справочнике лингвистических терминов [4] дано толкование 400 терминов, характеризующих языковые категории всех

уровней языковой системы разных языков: фонетики и фонологии (*звук, фонема, гиперфонема, артикуляция, ассимиляция, слог* и др.), лексикологии и семантики (*лексема, коннотация, метафора, синонимия, антонимия* и др.), грамматики (*морфема, аффикс, аббревиация, словосочетание*) и др.

Новация данного словаря состоит в том, что в иллюстративной части словарных статей впервые в словарях подобного типа приведены примеры из крымскотатарского языка. (Данный словарь можно рассматривать как первый шаг по созданию словаря лингвистических терминов на крымскотатарском языке.)

Следующие лексикографические проекты автора выполнены в рамках программы «Интеграция в украинское общество крымскотатарского народа, армян, болгар, греков, немцев, подвергшихся депортации» Международного фонда «Возрождение».

«Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка» [5] является первым словарем такого типа на крымскотатарском языке. Он создан на базе указанного выше словаря [4] путём перевода текста словарных статей с русского языка на крымскотатарский и его адаптации применительно к потребностям изучения, описания и преподавания крымскотатарского языка на современном этапе. В иллюстративной части словарных статей использованы примеры только из крымскотатарского языка.

Крымскотатарская терминология представлена в словаре тремя типами терминов: 1. интернациональными единицами, 2. употребительными крымскотатарскими терминами, в том числе и арабского происхождения, 3. кальками разного рода. Термины выбирались из существующих переводных словарей, учебной и научной литературы. Особую помощь составителям оказал сводный сопоставительный реестр лингвистических терминов семнадцати тюркских языков (турецкого, азербайджанского, узбекского, башкирского, казахского, кумыкского, киргизского и др.), представленный в тезаурусе лингвистических терминов тюркских языков [8].

На данном этапе развития крымскотатарского языкознания названные выше пути формирования терминосистемы являются наиболее оправданными, потому что позволяют соблюдать преемственность в терминологии и безболезненно совершенствовать её. С этой целью к некоторым интернациональным терминам по-

добраны крымскотатарские аналоги, которые предложено использовать параллельно или по выбору пользователя словарем: *метафора* – *меджаз*, *ассимиляция* – *бенъзеиме*, *архаизм* – *эскирген сёз*, *диэреза* – *сес тюшюви*, *синоним* – *манадаш сёз*, *омоним* – *аддаш сёз* и др. Думается, на сегодняшнем этапе развития теории крымскотатарского языка такая терминологическая толерантность вполне логична и оправдана.

Фразеологические словари

Овладение языком, в данном случае крымскотатарским, предполагает освоение не только основного словарного фонда (лексический минимум), но также устойчивых оборотов разного типа (фразеологический минимум). Активное владение языком (говорение) предполагает также умение говорящего пользоваться в речи различными грамматическими средствами: служебными и модальными словами и словосочетаниями, однословными и несколькословными междометиями, в том числе устойчивого типа, и др.

В русско-крымскотатарском словаре сочетаний [6], созданном на базе словаря [1] (с согласия его составителя), представлены устойчивые сочетания, эквивалентные одному слову в семантическом и функциональном отношениях: служебные слова (союзы, предлоги, частицы), модальные, наречные, местоименные, предикативные и междометные словосочетания. Такие сочетания слов, будучи целостными по значению и устойчивыми по форме, в то же время не обладают переносно-образным значением и эмоциональной коннотацией. Следовательно, они не являются идиомами, однако их можно квалифицировать в качестве оборотов фразеологического типа. (Идиомы – это устойчивые сочетания слов с образно-переносным значением, способные в компактной форме выражать мысли, чувства, оценки говорящего и эффективно воздействовать на психику слушающего – на сознательном и бессознательном уровнях.)

Словарь адресован прежде всего крымским татарам, слабо владеющим родным языком. Крымские татары, в массе своей получившие среднее и высшее образование на русском языке, испытывают большие трудности при попытке передать содержание таких устойчивых оборотов на крымскотатарском языке и потому часто

вставляют их в свою речь: *Несмотря на то, что мен хастайым, всё же ишке бардым. В конце концов мен чокъ ёрулдым.* Довольно часто говорящие просто калькируют такие обороты и тем самым нарушают законы семантической и грамматической сочетаемости слов в крымскотатарском языке: *в свою очередь – озъ невбетинде; не секрет, что – сыр дегиль ки; на первых порах – биринджи вакъытта* и др. [3]

Особая трудность, с которой столкнулись составители словаря, состояла в том, что русским устойчивым сочетаниям слов, эквивалентным одному слову, в крымскотатарском языке не всегда соответствуют слова и словосочетания, соотносительные с ними по лексико-грамматическому (частеречному) значению. Например, русскому сочетанию *так вот*, функционирующему в качестве частицы, в крымскотатарском языке соответствует модальное словосочетание *мында бакъ* (букв. 'сюда смотри'). Функционально-семантическое содержание русского оборота в крымскотатарском языке может передаваться также сочетанием служебного слова и специфической грамматической формы или только глагольной формой. Так, временному союзу *только что...*, *как...*, оформляющему сложноподчиненное предложение с придаточным времени, в крымскотатарском языке соответствует сочетание глагольной формы со словоформой *дегендже* (букв. 'не успел сказать, как'): *Только что сел работать, как в дверь постучали. – Ишлемеге отурдым дегендже, кимдир къапуны къакъты.*

«Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь» [7] задуман и выполнен как классический двуязычный учебный фразеологический (идиоматический) словарь толкового типа. Это первый опыт такого словаря в крымскотатарской лексикографии. В нём дана семантическая, грамматическая, стилистическая и эмоционально-экспрессивная характеристика русских и крымскотатарских идиом. Словарь включает в себя более 700 (вместе с синонимами) идиом русского языка и их крымскотатарские соответствия (эквиваленты и аналоги).

Работа над словарём (сбор языкового материала) началась в 1993 году. Автор-составитель словаря сразу же столкнулась с огромными трудностями, обусловленными неразработанностью теории фразеологии и фразеологии в крымскотатарском языкознании, с отсут-

ствием толковых, фразеологических, орфографических словарей на крымскотатарском языке. Самым трудным участком работы оказался подбор для русских идиом их крымскотатарских коррелятов – эквивалентов и аналогов.

В двуязычной фразеографии (науке о теории и практике составления фразеологических словарей) давно разработаны принципы перевода идиом:

1. Подбор фразеологических эквивалентов, т. е. единиц, полностью совпадающих по значению, в том числе и по внутренней форме (этимону), стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске: рус. *вешаться на шею кому*, разг., неодобр. – крымскотатарск. *бойну-на асылмакъ кимнинъ*, лакъ., такъ.

2. Подбор фразеологических аналогов, т. е. идиом, частично совпадающих по значению, отличающихся этимоном, а также стилистической и эмотивной окраской: рус. *на седьмом небе* быть, находиться, разг. – крымскотатарск. *башы кокке тиймек кимнинъ* (букв. головой коснуться неба).

3. Перевод с помощью свободных словосочетаний: рус. *как аршин проглотил* – крымскотатарск. *тим-тик, букульмейип*.

В словаре использованы лишь первые два способа перевода: включены такие русские идиомы, для которых в процессе перевода были найдены крымскотатарские фразеологические корреляты. Это было связано с необходимостью по возможности полнее представить в словаре крымскотатарскую идиоматику.

Фразеологические единицы крымскотатарского языка «вылавливались» автором из повседневной речи носителей языка (на рынке, в гостях, в городском транспорте, из радио- и телепередач). Целенаправленный подбор крымскотатарских фразеологизмов, соотносительных с русскими идиомами, осуществлялся путем опроса людей пожилого возраста, учившихся в довоенное время в крымскотатарских школах и хорошо владеющих родным языком. В качестве респондентов выбирались по преимуществу симметричные билингвы, т. е. люди, одинаково хорошо владеющие русским и крымскотатарским языками.

Работа с респондентами обнаружила такую тенденцию, как частое использование фразеологических калек. Носители языка за-

труднялись разграничивать исконно тюркские единицы и русские кальки, что свидетельствует о мощном влиянии русского языка на механизмы речепроизводства крымских татар и о деформации их языкового сознания на глубинном, ассоциативном, уровне.

Авторская картотека крымскотатарских фразеологизмов регулярно пополнялась в процессе чтения издающихся на крымскотатарском языке газет, журналов. Бесценным источником выборки идиом явились также художественные произведения известного крымскотатарского зарубежного писателя Дженгиза Дагджи (с 1946 года по сей день живёт в Лондоне), написанные на турецком языке, которые с 1993 года переводятся автором (Эмировой А. М.) на русский язык.

Особая значимость словаря [7] обусловлена также тем, что идиоматика является самой интимной частью любого национального языка, его самобытной «душой»: в ней отражаются характерные типологические особенности языка, в том числе его предшествующие состояния, а также «картина мира» народа – его повседневная жизнь, обычаи, суеверия, история, религиозные догматы, психический склад. Владение идиоматикой (знание минимум 500–800 идиом и умение корректно, уместно использовать их в коммуникативных актах) является одним из объективных тестов, иллюстрирующих высокий уровень владения языком в целом – родным или неродным.

Мы надеемся, что рецензированные выше словари в какой-то степени восполнят лакуны в крымскотатарской лексикографии и будут способствовать скорейшему возрождению и дальнейшему развитию крымскотатарского языка и науки о нём.

Значимость и актуальность затронутых в данной работе проблем неизмеримо возрастет, если проецировать их на весь социально-политический контекст полиэтнического Крыма. Кроме крымских татар, к аборигенным (коренным) народам Крыма относятся также малочисленные этносы – караимы (670 человек) и крымчаки (200 человек). Свои надежды на возрождение исчезающих караимского и крымчакского языков они связывают с развитием крымскотатарского языка.

Учебные словари разного рода, особенно фразеологические (идиоматические), являются незаменимым источником обогаще-

ния лексикона носителей любого миноритарного языка и, следовательно, эффективным инструментом возрождения и развития языков, находящихся в опасности.

Литература

1. Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Москва: Русский язык, 1983. – 144 с.
2. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.
3. Эмирова А. М. Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.
4. Эмирова А. М. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. – 93 с.
5. Эмирова А. М., Ганиева Э. С., Сейдаметова Н. С. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты (Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка) / Под ред. А. М. Эмировой. – Симферополь, 2001. – 64 с.
6. Эмирова А. М., Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с.
7. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2003. – 166 с.
8. Emine Gürsoy-Naskali. Türk Dünyası Gramer Terimleri Kılavuzu. – Ankara, 1997. – 324 s.

НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА: ФЕНОМЕН ДЖЕНГИЗА ДАГДЖИ

(Русская словесность в мировом культурном контексте / Материалы международного конгресса (Москва, 14–19 дек. 2005). – Москва, 2005. – С. 82–84)

Дженгиз Дагджи – знаковая фигура в культурной парадигме современного Крыма: сама История избрала его для выполнения особой миссии – миссии сближения культур Востока и Запада: Крыма – Украины – Турции – России – Польши – Англии. Сам Дженгиз Дагджи, возможно, догадывается об этом, однако сегодня его творчество в России, Польше и Англии неизвестно.

Дженгиз Дагджи, известный писатель крымскотатарского зарубежья, родился 9 марта 1920 г. в Крыму, в поселке Гурзуф, что приютился у правого бока легендарной горы Аю-Даг (Медведь-гора). Среднюю школу окончил в Симферополе, поступил на исторический факультет Крымского государственного педагогического института. В конце 1940 г. был призван в армию, затем – Вторая мировая война, плен, концентрационные лагеря, жизнь на чужбине (с 1946 г. и по сей день – в Лондоне).

Творческий путь писателя начался до войны. Первые стихи, очерки, репортажи на крымскотатарском языке печатались в газетах и журналах довоенного Крыма. Однако как писатель-прозаик, автор эпических полотен разного жанра (повести, романы, дневники-воспоминания и др.), он состоялся за рубежом. Основные темы его творчества – довоенный Крым, война, жизнь на чужбине.

Перу писателя принадлежит около тридцати прозаических произведений, большая часть которых исполнена в жанре романа: *Korkunç Yıllar* («Страшные годы»), *Yurdunu Kaybeden Adam* («Человек, потерявший родину»), *Onlar da insandı* («Они тоже были людьми»), *Badem Dalına Asılı Bebekler* («Куклы, висящие на ветке миндаля»), *Üşüyen Sokak* («Мерзнувшая улица»), *Anneme Mektuplar* («Письма к матери»), *Biz Beraber Geçtik Bu Yolu* («Мы вместе прошли этот путь») и др. Три романа тематические не связаны с Крымом: *Genç Temuçin* («Юный Темучин»), *Benim Kibi Biri* («Один из тех, как я»), *Ölüm ve Korku Günleri* («Дни смерти и страха»). Первый роман («Страшные

годы») Джэнгиз Дагджи начал писать во время войны на крымскотатарском языке, однако позже сам перевёл его на турецкий язык. В дальнейшем писал только на турецком языке: путь к крымскотатарскому читателю в те годы для него был закрыт.

Заметное место в творчестве писателя занимают пять книг дневников-воспоминаний *Yansılar* («Отражения»), которые писались им с марта 1985 по декабрь 1992 года, но охватывают события почти вековой протяжённости. Это бесценный художественный и одновременно исторический документ, в котором отразились факты биографии писателя, портреты исторических деятелей, феномены культуры, политические события того времени (например, перестройка в СССР, референдум 1992 года в Крыму и др.).

Связь с Крымом у Джэнгиза Дагджи наиболее тесная и многоплановая, что иллюстрируется тематикой, системой образов-персонажей и языком его произведений. Духовная и творческая установка писателя выражена в словах: «Вообще я родился вместе с Крымом, с Крымом и умру; и жить буду только с Крымом» [10, с. 203]. «Основной темой моего творчества вот уже пятьдесят лет является Крым» [10, с. 29]. Сами названия его романов прямо или косвенно подтверждают вышесказанное: «Человек, потерявший родину», «Эта земля была нашей», «Они тоже были людьми» и др.

Персонажи его произведений – это вымышленные образы или реальные люди с каноническими мусульманскими именами арабского или – реже – персидского происхождения, относящиеся к разным социальным группам крымскотатарского общества: крестьяне (женщины – Айше, Эсма, Урие, Эмине, Земине, мужчины – Бекир, Энвер, Сеид-Али, Ремзи, Асан, Алим, Сулейман и др.), интеллигенция (Джавтобели, Эшреф Шемьи-заде, Шамиль Алядин) и др.

Крымскотатарский язык в произведениях Джэнгиза Дагджи не дан в прямом наблюдении – он отражён в зеркале современного турецкого языка. Однако пристальный взгляд исследователя обнаруживает в них специфические для крымскотатарского языка лексико-фразеологические и стилистические категории. Прежде всего, это номинации реалий, характерных для быта крымских татар описываемого времени. Это обширный пласт онимов: антропонимов, зоонимов, макро- и микропонимов, уже исчезнувших с карты Крыма и уходящих из памяти людей. Это и фразеологические единицы разно-

го рода: идиомы, пословицы, поговорки, присказки и т. п., в которых отразилась «картина мира» крымских татар – их миропонимание, ценностные ориентиры, религиозные постулаты, суеверия, особенности психического склада. Это характерные для крымскотатарского языка приёмы речевой изобразительности: сравнения, метафоры, эпитеты, олицетворения, во внутренней форме которых отражены крымские и крымскотатарские реалии. По свидетельству самого писателя, он «сплетал жизнь героев романа («Письма к матери». – А. Э.), используя красоту и живость родного языка» [10, с. 206]. В этом плане творчество писателя является богатейшим источником изучения и возрождения крымскотатарского языка.

Крымскотатарскому читателю творчество Дженгиза Дагджи стало доступно в последнее десятилетие в переводах Ю. Кандыма. Русскоязычный читатель Крыма и Украины (в том числе и крымские татары, не владеющие родным языком) получил возможность знакомиться с фрагментами из разных произведений писателя начиная с 1994 г. в переводах, выполненных А. Эмировой [1–9]. В 2003 г. вышел в свет полный текст автобиографического романа «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)» [10], электронная версия которого помещена на сайте Центра информации и документации крымских татар [11].

Связь с Россией у писателя опосредована интересом к русскому народу и его культуре. Ещё учась в школе и вузе, он прочитал программные (для того времени) произведения русских и советских писателей: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. В. Маяковского и даже С. А. Есенина, запрещённого в те годы. Впоследствии, уже в Лондоне, ему стали доступны произведения тех русских писателей, которые были под запретом в годы советской власти, – Ф. М. Достоевского, А. А. Ахматовой и др.

Писатель открыто говорит о своём интересе к русскому народу и его культуре и о том влиянии, которое оказала на его творчество русская литература: «Никогда, ни в одном из своих произведений, я не выказывал вражды к русским. Наоборот, именно чувство близости к русскому народу открыло мне дорогу в литературу. Я вообще вышел из русской культуры. Я воспитан русской культурой, русской литературой. На моё творчество (осознавал я это или нет) оказала значительное влияние русская литература» [10, с. 4].

Это влияние русской литературы заметно не только в макропоэтике (композиция, речевая и авторская характеристика персонажей и обстановки, роль пейзажа и пр.), но и в микропоэтике его произведений (характерные для русского языка приёмы выразительности). Бросается в глаза использование в текстах писателя русизмов и – через русский язык – интернационализмов, в том числе калек различного типа (семантических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических). Их употребление в текстах, несомненно, обусловлено тем, что эти языковые единицы были уже знакомы писателю.

Связь писателя с Польшей – более конкретна и непосредственна. После многомесячного пребывания Дженгиза Дагджи в концлагерях для пленных военное лихолетье занесло его в Польшу (Легионово – Варшава – Ченстохова – Варшава), где он познакомился со своей будущей женой.

Регина-Барбара Клешко увлекалась русской литературой. Собственно, это и послужило поводом для их знакомства: увидев её в кафе за столиком, на котором лежали книги Лермонтова, Толстого, Блока, Маяковского, Есенина, Дженгиз подошёл к столику.

В семье говорили только по-польски. Писатель хорошо знал творчество польских писателей Жеромского, Сенкевича, Мицкевича, Реймонта и др. Однако заметен его интерес и к культуре других стран и народов. На страницах его произведений часто встречаются имена турецких писателей (Индже Мемет, Окай Акбал, Яшар Наби Найыр и др.), писателей из различных европейских стран (Рильке, Грэхэм Грин, Генри Миллер, Кафка, Оруэлл, Стриндберг, Милан Кундера и др.).

Особое место в творчестве писателя занимают три повести, которые он сам назвал «английскими»: Bay Markus Burton'un Köpeği («Собака господина Маркуса Буртона») [13]; Bay John Marple'in Son Yolculuğu («Последнее путешествие господина Джона Марпле») [14]; Oy, Markus, Oy («Ой, Маркус, ой») [15]. Уже сам факт создания писателем «английских» повестей говорит о его особом взгляде на жизнь современной Англии.

В Англии не знают о том, что в Лондоне живёт и творит известный писатель тюркского мира, который сделал попытку отразить в зеркале своего творчества окружающий его чуждый мир. Мне труд-

но судить, насколько это ему удалось: к сожалению, мной эти повести пока не переведены. Думаю, однако, что англичанам было бы небезынтересно увидеть себя глазами постороннего человека, который более полувека прожил рядом с ними, не теряя своей «восточной» идентичности.

Каково же место Дженгиза Дагджи в мировом литературном процессе? Каким писателем – турецким или крымскотатарским – он себя считает? В одном из писем я задала писателю этот вопрос. Дженгиз Дагджи ответил так: «Ben eserlerimi Türkçe yazan Kıımlı bir yazıcıım» («Я крымский писатель, пишущий свои произведения по-турецки») [Из письма от 15 апреля 1999.]

По мнению известного русского литературного критика Л. Аннинского, вопрос о принадлежности (отнесенности) творчества художника к той или иной культуре решается достаточно просто: принимает ли и в какой степени эта культура творчество художника [16]. Творчество Дженгиза Дагджи воспринимается всеми крымскими татарами, живущими как в Крыму, так и в местах ссылки, как значимый компонент своей национальной культуры. В Турции же оно оценивается как часть турецкой и – шире – общетюркской литературы. Подтверждением тому является диплом ILESAM, которым в 1993 г. писатель был награждён Турецким обществом учёных и писателей за выдающиеся заслуги в области литературы тюркских народов. А в апреле 2000 г. Фонд защиты тюркской культуры (Стамбул) наградил его Почётной грамотой турецкого языка. Эта неоднозначность в оценке творчества писателя объясняется несколькими факторами, один из которых был приведён выше. Если при этом принять во внимание, что в Турции, по мнению турецких социологов и историков, сегодня проживает около пяти миллионов потомков крымских татар, эмигрировавших в Турцию после завоевания Крыма Россией в 1783 г., то позиция писателя и глобальная оценка его творчества в тюркском мире станут понятны и оправданны.

Творчество Дженгиза Дагджи – это чистое зеркало, в котором отразилась жизнь Крыма и в какой-то мере Европы двадцатого века. И в этом качестве оно должно быть оценено как феномен не только крымской, общеукраинской, но – шире – европейской культуры.

Литература

1. Дженгиз Дагджи. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Голос Крыма. – №№ 10–12. – Симферополь, 1994.
2. Дженгиз Дагджи. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Голос Крыма. – №№ 10, 40. – Симферополь, 1998.
3. Дженгиз Дагджи. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Брега Тавриды. – Симферополь, 1999. – №№ 1–2. – С. 153–197.
4. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой («Ты не умрешь: тебя родила татарская мать») // Голос Крыма. – № 20. – Симферополь, 2000. – С. 5.
5. Дженгиз Дагджи. Отражения // Эмирова А. М. Крым – любовь и боль моя. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 63–89.
6. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого // Эмирова А. М. Крым – любовь и боль моя. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 90–145.
7. Дженгиз Дагджи. Отражения – 1. Перевод с турецкого А. Эмировой // Ж. Осаф. – Симферополь, 2001. – № 3. – С. 38–39.
8. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой // Ж. Осаф. – Симферополь, 2001. – 39.
9. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. // Черное море. – Симферополь, 2003. – № 1. – С. 129–142.
10. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 216 с.
11. Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 216 с. Электронный доступ: [//www.cidct.org.ua/uk/sLudii/12\(2003\)](http://www.cidct.org.ua/uk/sLudii/12(2003))
12. Cengiz Dağcı. Regina. – Istanbul: Otügen, 2000. – 123 s.
13. Cengiz Dağcı. Bay Markus Burton'un Köpeği. – Istanbul: Otügen, 1998. – 144 s.
14. Cengiz Dağcı. Bay John Marple'in Son Yolculuğu. – Istanbul: Otügen, 1988. – 128 s.
15. Cengiz Dağcı. Oy, Markus, Oy! – Istanbul: Otügen, 2000. – 144 s.
16. Литературная газета. – № 3. – Москва, 19–25 янв. 2000. – С. 10.

АСПЕКТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

(Проблеми зіставної семантики. – Вип. 7. – Київ, 2005. – С. 252–256. Первый вариант доклада на тему «Контрастивный анализ соматической фразеологии русского и крымскотатарского языков» был прочитан на международном конгрессе EUROPHRAS-95, который состоялся в 1995 г. в г. Грац, Австрия.)

Сегодня, в условиях интеграции крымскотатарского народа в украинское общество, когда формируется система школьного и вузовского образования на крымскотатарском языке, ощущается острая необходимость в учебной литературе разного типа, а также в работах теоретического и прикладного характера. Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как звуковой (resp. фонемный) состав, грамматический строй, лексика, фразеология и др. – в синхронии и диахронии. Фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом обстоятельного научного анализа. (См. [5])

Настоящее исследование представляет собой двусторонний анализ фразеологии двух языков – русского и крымскотатарского – в их соположении на контрастивной основе. Языковые явления рассматривались в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Остальные параметры фразеологических единиц – форма, дистрибуция – привлекались к анализу лишь в том случае, если они релевантны содержательно.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ одной группы соматической фразеологии (идиоматики) русского и крымскотатарского языков, ориентированный на выявление универсального и специфического (этнокультурного) в их содержании (характерные семантические поля; корреляция общего фразеологического значения со значением стержневого компонента; типы переноса, лежащие в основе фразеологического значения, и др.).

Объектом анализа являются две группы фразем – идиомы с компонентами *голова* – *баш* в русском и крымскотатарском языках (около ста единиц в каждом языке). Такие группы, как известно, назы-

ваются фразеологическими гнёздами. Фразеологическое гнездо представляет собой частный случай системных парадигматических отношений на уровне фразеологии. С ним коррелируют такие системные явления, как полисемия, синонимия, антонимия, гиперогипонимия, семантические поля и др. В работах автора, посвящённых проблемам фразеологической семантики, в том числе и анализу семантического пространства русской фразеологии в идеографическом аспекте [3, 4], рассмотрены такие системные явления, как фразеологическая синонимия, антонимия, омонимия, фразеосемантические поля эмоциональной и когнитивной деятельности человека и др. Анализ показал, что фразеологическая семантика носит избирательный – антропоцентрический – характер: фразеология покрывает те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его «картиной мира», с характеристикой психических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности (характер, темперамент, способности) и т. п.

Контрастивный анализ проведен по следующим аспектам:

1. Соотношение универсального и специфического. Одинаковое строение и функционирование человеческого организма; одинаковые или коррелирующие жесты, мимика, телодвижения и их универсальная (за небольшим исключением) символизация и интерпретация в разных культурах; одинаковые психо-физиологические механизмы когнитивной и эмоциональной деятельности человека и др. – всё это обусловило наличие фразеологических универсалий. В обоих языках имеются фразеологизмы, совпадающие по содержанию, в том числе и по внутренней форме, и соотносительные по внешней форме (разумеется, с учётом специфики грамматического строя обоих языков): *голова распухла у кого – башы шишти киминь*; *поднимать голову – башыны кялдырмакъ*; *с головы до ног – баштан аякъкъа къадар*; *спасать голову – башыны къуртармакъ* и др.

Специфическое же как этнокультурный компонент в содержании фразеологических единиц обусловлено «картиной мира» народа – носителя языка; особенностями его быта, сфер жизнедеятельности, географических и природных условий, в которых жили и живут но-

сители языка, и др. Знаками специфического в составе идиом могут выступать слова, называющие этнокультурные реалии и природные феномены: предметы быта (детали интерьера, одежды, посуды и пр.), представители животного и растительного мира, специфические явления природы и т. п. Ср.: рус. *как снег на голову, хрен в голову, очертя голову* и др.; крымскотатар. *башына къына якъмакъ кимнинъ* (букв. ‘наносить хну на голову’ – от обычая красить хной руки и волосы перед мусульманскими праздниками) ‘торжествовать’; *башы къабакъ киби олмакъ кимнинъ* (букв. голова превратилась в тыкву) ‘голова разрывается от шума у кого’ и др.

Этнокультурный компонент может быть выявлен и при сопоставлении идиом, одинаковых по содержанию и частично по форме. Ср. обороты со значением ‘выражать отчаяние’: рус. *хоть головой об стенку бейся* – крымскотатар. *башыны таиштан таишкъа урмакъ* (букв. биться головой о камни). Можно предположить, что внутренняя форма этих единиц отражает специфику жилища у славян и кочевых тюрок: у последних традиционное жилище строилось не из твердых материалов.

2. Идеографическая стратификация идиом. Распределение идиом с компонентами *голова – баш* по понятийным полям в сопоставляемых языках не совпадает в количественном (наполняемость полей) и качественном (частотность и структурация полей) отношениях. В исследуемом фразеологическом гнезде русского языка выявлены следующие фразеосемантические поля: познавательные процессы личности (52 единицы), в том числе мышление (44 единицы): *перебирать в голове, каша в голове у кого, голова соломой набита* и др.; память (8 единиц): *дырявая голова, держать в голове, вертеться в голове у кого, выбрасывать из головы* и др.; эмоциональное состояние человека (16 единиц): *вешать голову, кровь бросилась в голову у кого, посыпать голову пеплом* и др.; индивидуально-типологические особенности личности (12 единиц): *бедовая голова, ветреная голова, о двух головах, сам себе голова, ветер в голове [гуляет] у кого*; физическое состояние человека (11 единиц): *голова идет кругом у кого, на свежую голову, класть голову* и др.

Идиомы, входящие в состав анализируемого фразеологического гнезда в крымскотатарском языке, распределены по следующим

семантическим полям: эмоциональное состояние человека (45 единиц), в том числе 35 идиом выражают отрицательные эмоции: *башыны кутъмек кимнинъ* ‘докучать, надоедать кому’; *баш белясы* ‘неприятности, морока’; *башына беля ачмакъ кимнинъ* ‘попадать в затруднительное положение, ставить в затруднительное положение кого’; *башы шишмек кимнинъ* ‘испытывать раздражение от чего’; *башы кокке тиймек кимнинъ* ‘радоваться, быть в состоянии эйфории’ и др.; познавательные процессы личности, в том числе мышление (8 единиц): *башы ерине кельмек кимнинъ* ‘обретать ясность ума, опомниться’; *башына къоймакъ* ‘вбивать в голову кому’ и др.; память (2 единицы): *башында (акълында) тутмакъ нени* ‘держаться в голове, помнить’; *башындан атмакъ нени* ‘выбрасывать из головы, забывать’; физические характеристики человека или предмета (10 единиц): *эсли-башлы* ‘пожилой’; *баш бермек* ‘колоситься, зреть’; индивидуально-типологические свойства личности (3 единицы): *башы еринде кимнинъ*, *башы чакъа кимнинъ* ‘умный, сообразительный’; и др.

Как видно из приведённых выше примеров, в русском языке преобладают фраземы, характеризующие познавательные процессы личности, в то время как в крымскотатарском на первом месте (по количеству) стоят идиомы, связанные с характеристикой эмоционального состояния человека.

3. Семантические основы фразообразования. Большая часть идиом в обоих языках сформирована на основе метафорического переноса: рус. *голова соломой набита у кого, каша в голове у кого, перебирать в голове* и др.; крымскотатар. *башында кунъ догъды кимнинъ* (букв. над головой взошло солнце у кого) ‘повезло, посчастливилось кому’; *башындан чыкъмамакъ кимнинъ* (букв. не выходить из головы) ‘постоянно вспоминать’ др. Реже встречается метонимия как основа фразообразования: рус. *вешать голову, кровь бросилась в голову*; крымскотатар. *башыны салламакъ* (букв. качать головой) ‘соглашаться’; *баштан аякъкъа къадар* (букв. с головы до ног) ‘целиком, полностью’ и др. На последнем месте – синекдоха (разновидность метонимии): рус. *дурья голова, шальная голова, на свою голову*; крымскотатар. *башыны алып кетмек* (букв. взять свою голову и уйти) ‘уходить, убираться’; *башыны ортагъа къоймакъ* (букв. класть свою голову на середину) ‘рисковать’ и др.

4. Соотношение общего фразеологического значения и значения соматизма как компонента идиомы. Общее значение идиомы мотивируется, как правило, совокупным значением свободного словосочетания-прототипа. Однако учёные обратили внимание на то, что некоторые разряды лексем (например, соматизмы) играют ключевую роль в формировании фразеологического значения (т.н. семантически стержневые слова). Лексемы *голова* – *баш* являются, как правило, смыслообразующими компонентами идиом. Соотнесение семантической структуры соматизмов *голова* – *баш* как виртуальных единиц с их семантическими вариантами в составе анализируемых идиом русского и крымскотатарского языков обнаруживает, что не все их частные значения, зафиксированные в лексикографических источниках, актуализируются во фразеологических значениях.

Сравним словарные дефиниции лексем *голова* и *баш*. В словаре русского языка [2, с. 135–136] отмечено 9 значений лексемы *голова* 1. часть тела; 2. черепная коробка; 3. ум, рассудок; 4. человек как носитель каких-либо свойств; 5. в царской России название некоторых должностей; 6. руководитель, начальник (разг.); 7. передняя часть чего-нибудь движущегося и вытянутого; 8. пищевой продукт в форме шара, конуса; 9. единица счета скота, животных. В составе анализируемых фразеологизмов актуализируются следующие семантические варианты: 1-й (*поднимать голову*); 2-й (*голова соломой набита у кого*), 3-й (*голова варит у кого, не укладывается в голове у кого*), а также такое значение лексемы *голова*, которое не отмечено в толковых словарях, – ‘память’ (*вылетать из головы у кого, не выходить из головы*).

В крымскотатарско-русских словарях зафиксировано лишь три значения лексемы *баш*: 1. часть тела; 2. главный; 3. посслелог с пространственным значением [1, с. 34]. В анализируемых же фразеологизмах актуализированы следующие семантические варианты лексемы *баш*: 1. часть тела (*башыны таштан ташкъа урмакъ*), 2. человек, индивид (*башыны алып кетмек*), 3. ум, рассудок (*башы ерине кельмек*), 4. память (*башындан атмакъ нени*), 5. конец (*баша чыкъмакъ*).

Данное расхождение можно объяснить несовершенством крымскотатарской лексикографии, в частности – недостаточной

глубиной семантизации лексемы *баиш* в словарях. Составителям крымскотатарских словарей следует принимать во внимание свидетельства фразеологии, а также учитывать показания лексикографии родственных языков. Так, например, в турецко-русском словаре зафиксировано 11 значений лексемы *baş* [6, с. 97], в турецком толковом словаре – 14 значений [7, с. 91], 5 из которых актуализируются в содержании крымскотатарских идиом.

Результаты контрастивного анализа семантики фразеологии таких разных в генетическом и типологическом отношениях языков, как русский и крымскотатарский, представляют несомненный интерес для лингвистической типологии, а также для таких смежных наук, как этнолингвистика, психоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и др.

Литература

1. Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь. – Киев: Радянська школа, 1988.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1997.
3. Эмирова А. М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических предикатов // Вопросы языкознания. – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.
4. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988.
5. Adile Emirova. Kontrastive Analyse somatischer Phraseologie im Russischen und Krimtatarischen // EUROPHRAS 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. – Bochum, 1998. – S. 191–199.
6. Büyük Türkçe-Rusça Sözlük. – Istanbul, 1994. – 950 s.
7. Türkçe Sözlük. – Ankara: Yeni Matbaa, 1959. – 856 s.

РУССКО-КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМА

(ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – 2007, № 18 (134). – С. 183–192.)

«Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (Страсбург, 5 ноября 1992), в которой предложена система мер, способствующих сохранению и развитию исторических региональных языков Европы, была подписана Украиной 2 мая 1996 и после многолетних обсуждений (ратифицирована 24 декабря 1999 г., но 12 июля 2000 г. решением Конституционного Суда принятый закон был аннулирован) окончательно ратифицирована 15 мая 2003 г., однако вступила в силу только с 1-го января 2006 г.

В рамках Хартии Украина отвечает за сохранение и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузского и крымскотатарского языков, имеют независимые государственные образования за пределами Украины.

В Крыму, как известно, проживают представители нескольких десятков народов, в том числе три этноса, которые признаны аборигенными, – крымские татары, караимы и крымчаки: они исторически сформировались именно на этой территории, имеют сложный многокомпонентный этногенез и своеобразные трагические судьбы: крымские татары 18 мая 1944 г. подверглись тотальной депортации и находились в местах ссылки вплоть до конца 80-х годов XX в.; крымчаки, как иудеи, были уничтожены во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские караимы остались на родине, но, как и все малые народы СССР, активно и целенаправленно ассимилировались в русле «ленинской национальной политики». Согласно итогам всеукраинской переписи населения 2001 г. в Крыму проживали около 250000 крымских татар, 700 караимов и 200 крымчаков.

Караимский и крымчакский языки не вошли в реестр миноритарных языков Украины. Однако караимы и крымчаки сегодня наме-

рены в той или иной форме сохранить свои языки. В Крыму функционируют ассоциация крымских караимов «Къырым карайлар» и республиканское культурно-просветительское общество крымчаков «Кърымчахлар», усилиями которых издаются разного типа учебные пособия (словари, самоучители). Процессы ассимиляции этих народов сегодня уже необратимы. Носителей крымского варианта караимского языка осталось 10–20 человек, крымчакского – несколько человек. Тем не менее караимы пытаются возродить свой язык для практического использования в семье. В Евпатории функционирует воскресная школа, слушателей которой разговорному караимскому языку учат носители языка старшего поколения, не имеющие педагогического (филологического) образования. Последняя воскресная школа такого типа у крымчаков закрылась в 1997 г. Крымчакский язык фактически уже вошёл в список мёртвых языков. Основная цель крымчаков – сохранить свой язык как памятник этнической культуры.

Караимский и крымчакский языки входят в кыпчакскую группу тюркской семьи, к которой относится и близкородственный им крымскотатарский язык. Поэтому надежды на сохранение и возможное возрождение своих языков караимы и крымчаки во многом связывают с возрождением крымскотатарского языка и расширением его функционального пространства. Однако трагические перипетии XX века способствовали основательному разрушению системы крымскотатарского языка: резко сократилась его демографическая мощность (количество владеющих им); за невостребованностью в местах ссылки традиционных форм жизнедеятельности крымских татар (табаководства, садоводства, овцеводства и др.) и отсутствием школ с родным языком обучения резко сократился и словарный состав; деформировалась стилистическая система и соответственно сократилась коммуникативная мощность языка (количество обслуживаемых им социальных сфер) и др. Процессы русско-крымскотатарской интерференции затронули все уровни языковой системы крымскотатарского языка.

В строгом смысле интерференция – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся преимущественно при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от нормы

и системы **второго** языка под влиянием родного [1, с. 197]. В рамках поставленной проблемы могут быть рассмотрены следующие вопросы: 1. вектор интерференции и её динамика в разные периоды жизни этноса; 2. языковая компетенция и тип билингвизма; 3. содержание понятия «родной язык»; 4. пути и способы реанимации миноритарных языков, находящихся в опасности; 5. личность как субъект и объект языковой интерференции и др.

Изучение проблем взаимодействия русского и крымскотатарского языков показывает, что феномен русско-крымскотатарской интерференции отличается от классической модели, при которой, как выделено выше, только во **втором** (заимствованном) языке наблюдаются девиации (отклонения) на разных уровнях языковой системы. Русско-крымскотатарская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись.

Взаимодействие русского и крымскотатарского языков началось, как известно, после завоевания Крыма Россией (1783). На первых этапах оно было спорадическим и проявлялось в классической форме: второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары. Например: *чар* < *царь*; *Катарна* < *Екатерина*; *Русий* < *Россия*; *истакан* < *стакан* и др. Как видно из приведённых выше примеров, искажения звукового состава русизмов были обусловлены спецификой артикуляционной базы крымскотатарского языка и его фонетических законов.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции, однако до тотальной депортации народа вектор интерференции оставался прежним: в русской речи крымских татар родной язык влиял на русский, что проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях.

Начиная с 1944 г. (после депортации) вектор интерференции стал кардинально меняться: при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию последнего и даже его частичную аннигиляцию. (Замечу в скобках, что оборот «аннигиляция языка» используется здесь как когнитивная метони-

мия: исчезает не язык, а носители языка, точнее – появляются новые генерации, не владеющие языком родителей.)

В условиях ссылки и по сей день крымскотатарский язык функционировал и функционирует преимущественно как «семейный» язык (в форме территориального говора или наречия). По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят на каком-либо территориальном диалекте крымскотатарском языке). Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования.

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. В их речи очень часто используются русские «включения», в том числе разного рода кальки [2, с. 57–58].

Как следует из сказанного, сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Однако здесь следует обратить внимание

на такой парадокс, обнаруженный мной по итогам всеукраинской переписи населения 2001 г.: 93% крымских татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6% – украинский, 5% – русский языки [3]. В то же время социально-лингвистический мониторинг показывает, что реальная демографическая мощь крымскотатарского языка (количество владеющих им в той или иной степени) гораздо ниже. Крайне низка и коммуникативная мощь языка (число социальных сфер, обслуживаемых языком).

Крымские татары, в массе своей считая родным крымскотатарский язык, в речевой практике всё же чаще используют русский язык даже в общении друг с другом. Тому причиной разные факторы, как собственно языковые, так и внеязыковые. К первым относится интуитивное толкование понятия родного языка как языка родителей. (Такая дефиниция встречается и в трудах по социолингвистике.) Собственно языковым фактором можно считать универсальный для всех языков мира закон экономии речевых усилий: в условиях спонтанного общения говорящие с меньшими ментальными усилиями и быстрее находят в своем внутреннем лексиконе необходимые русские лексико-фразеологические средства и грамматические модели, являющиеся формами воплощения и презентации различных понятий и суждений. При скудости словарного запаса и плохом знании грамматических способов и средств крымскотатарского языка обращение коммуникантов к русскому языку и порождение ими русского дискурса становится вполне объяснимым и в какой-то мере коммуникативно оправданным.

К внеязыковым факторам можно отнести наличие смешанных браков (до 20% семей), в которых общение осуществляется преимущественно на русском языке, и отсутствие постоянного языкового окружения в местах дисперсного проживания крымских татар. Экстралингвистическим фактором можно считать также обостренное чувство патриотизма как реакции на социальную несправедливость, проявляющуюся в том, что решение актуальных для жизнедеятельности крымскотатарского социума проблем (получение украинского гражданства, политическая реабилитация народа, землепользование и др.) затягивается государством на долгие годы.

Сегодня остро стоит вопрос о возрождении и развитии крымскотатарского языка. Возрождать язык – значит развивать и совершен-

ствовать его в такой мере, чтобы он мог быть использован во всех социальных сферах. Эта проблема имеет два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. (Ниже только обозначены проблемы, решение которых может способствовать оптимизации коммуникативного статуса крымскотатарского языка.)

Социально-политический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает решение ряда взаимосвязанных вопросов.

1. Определение социального статуса крымскотатарского языка.

В соответствии со ст. 10 Конституции Украины крымскотатарский язык имеет статус миноритарного языка – языка национального меньшинства, которому «гарантируется свободное развитие, использование и защита» [4, с. 4]. Социальная практика последнего десятилетия показала, однако, что такой статус языка не обеспечивает ему необходимой финансовой поддержки со стороны государства, не способствует формированию его престижности в глазах носителей языка и представителей других этносов многонационального Крыма и, следовательно, не стимулирует его освоения и изучения.

Известно, что крымские татары выступают с требованием придать их языку статус государственного языка¹, что сегодня противоречит Конституции Украины, как унитарного государства. Думается, что придание крымскотатарскому языку, наряду с русским, статуса официального языка² обеспечило бы его преподавание во всех школах Крыма в качестве обязательного предмета и тем самым способствовало бы повышению уровня его престижности. Признание крымскотатарского языка языком коренного народа Украины, что предполагает увеличение объёма бюджетного финансирования, также могло бы способствовать его быстрой реанимации. Однако этот вопрос, несмотря на неоднократные обращения обществен-

¹ Государственный язык – язык, выполняющий на территории определённого государства все основные социальные функции, имеющий особый юридический статус и являющийся, наряду с флагом, гербом и гимном, символом государственности. [9, с. 34]

² Официальный язык по объёму понятия совпадает с государственным языком: выполняет на территории определённого государства все основные социальные функции и имеет соответствующий правовой статус. [9, с. 76]

ности, до сих пор не ставился на повестку дня Верховной Рады Украины.

2. Расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке.

Общее количество детей школьного возраста крымскотатарской национальности в Крыму в 2006–2007 учебном году составляет 37266 человек; из них 3443 учатся на родном языке в 14 школах с крымскотатарским языком обучения. Кроме того, в 65 школах функционируют 220 классов с крымскотатарским языком обучения, охватывающих 2622 учащихся. Качественно оценить приведенные выше цифры можно при количественном сравнении: в Крыму сегодня функционируют около 600 школ, в которых обучается 199173 детей разных национальностей. Приведённые выше цифры красноречиво свидетельствуют о том, что в таких условиях обучить подрастающие поколения родному языку не представляется возможным.

3. Расширение функционального пространства крымскотатарского языка.

Известно, что оптимальное усвоение языка происходит в условиях перманентной языковой среды, в создании которой участвуют различные факторы: средства массовой информации; макро- и микротопонимия; дорожные указатели, вывески, объявления, лозунги и т. п.

Сегодня крымскотатарское радио и телевидение располагают соответственно 1 часом 20 минутами и 5 часами эфирного времени в неделю; на крымскотатарском языке издаются (с разной периодичностью) четыре журнала («Йылдыз», «Оджакъ», «Ха-ха-ха!», «Йылдызчыкъ-Зірочка»), три республиканские газеты («Янъы дюнъя», «Къырым», «Маариф ишлери»); русскоязычная газета «Голос Крыма» периодически печатает материалы на крымскотатарском языке (кириллицей и латиницей). Старая крымская топонимия все ещё не восстановлена.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1. сбор и фиксация на современных носителях всех сохранившихся говоров и наречий; 2. кодификация и оптимизация норм литературного языка.

1. Сбор и сохранение территориальных диалектов – непереносимое условие дальнейшего развития языка. Известно, что диалекты «питают» литературный язык. Поэтому сегодня как никогда остро стоит вопрос о необходимости сбора и хранения всего диалектного богатства крымскотатарского языка. Такая работа (диалектологические экспедиции) проводилась в предвоенные годы усилиями сотрудников НИИ крымскотатарского языка и литературы, однако собранные материалы не сохранились. К сожалению, сегодня нет специалистов в области крымскотатарской диалектологии, которые смогли бы организовать работу по сбору, консервации и обработке диалектного материала. До сих пор не удалось восстановить и названный выше НИИ.

2. Дальнейшее развитие и совершенствование крымскотатарского языка предполагает наличие развитого литературного языка. Сегодня к крымскотатарскому литературному языку предъявляются новые требования: наряду с основными социальными функциями (коммуникативной, когнитивно-мыслительной, эмотивной и др.), он должен выполнять социально-консолидирующую функцию, т. е. способствовать более прочному объединению крымских татар, говорящих на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. В этих условиях литературный язык понимается как обработанная и нормированная форма общенародного языка, имеющая наддиалектный характер. Нормы литературного языка – это совокупность обязательных для всех носителей языка правил употребления языковых единиц, их изменения, сочетания друг с другом, произношения и написания. Они призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации, т. е. обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого, общего для всех литературного языка не могут оптимально функционировать формирующиеся крымскотатарские общественно-политические и культурные институты, не могут развиваться образование и наука.

Единой системы ортологии крымскотатарского языка до сих пор не создано. Нормы грамматики и орфографии отражены в существующих учебных пособиях, однако и здесь имеются проблемные участки, которые нуждаются в осмыслении и переоценке с позиций современных социальных реалий и теории языка. Не кодифицирова-

ны до сих пор нормы словоупотребления и орфоэпии. В крымскотатарской лексикографии отсутствуют специальные справочники по орфоэпии с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь, который призван регламентировать правильное употребление слов (в соответствии с их значением), их правильное написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

Как уже говорилось выше, в современных условиях вектор русско-крымскотатарской интерференции направлен от русского языка к крымскотатарскому: русский язык, который является первым языком для значительной части крымских татар детского, молодого и среднего возраста, активно влияет на все участки системы крымскотатарского языка. На уровне лексики это проявляется в наличии большого количества лексических заимствований и калек разного рода – словообразовательных, семантических, фразеологических, синтаксических; на уровне синтаксиса – в нарушении фиксированного порядка слов, характерного для тюркских языков; на фонетическом (речевом) уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов и др.

В то же время следует отметить, что в звуковой стороне русской речи некоторых групп крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) можно наблюдать легкий крымскотатарский акцент, проявляющийся в форме специфической интонации. Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др.

Природа этого феномена до сих пор не исследована. Думается, он обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукции гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер.

Как следует из сказанного, всем трём тюркским языкам абorigенных народов Крыма сегодня угрожает опасность. В нынеш-

них условиях русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению миноритарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью: русско-крымскотатарских, русско-караимских, русско-крымчакских. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Мой опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [5; 6], а также их оценка пользователями убедили меня в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на миноритарном языке, находящемся в опасности. Такую социальную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей.

Процессы возрождения и развития крымскотатарского и других миноритарных языков Крыма и Украины могут быть оптимизированы в русле корректной языковой политики украинского государства, в частности – её законодательного аспекта. В середине сентября 2006 г. Министерство юстиции Украины вынесло на общественное обсуждение проект новой концепции государственной языковой политики, разработанный Национальной комиссией по укреплению демократии и утверждению верховенства права [7], в преамбуле которого заявлено: «За прошлые годы... власть не смогла ни утвердить Концепцию государственной языковой политики, ни разработать и осуществить эффективную программу языкового планирования, ни создать действенный механизм возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать культурно-языковой экспансии России» [с. 9]. Этот документ, по мнению его авторов, призван определить направления формирования и реализации языковой политики, организационные и правовые механизмы решения существующих проблем в этой социальной сфере. Однако результаты обсужде-

ния этого документа широкой общественности до сих пор не сообщены. См. [8].

В Украине до сих пор не разработан новый закон о языках: в соответствии с законом Украины «О правопреемственности Украины № 1543-ХІІ» от 12 сентября 1992 г. все еще действует закон «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. № 8312-ХІ. Имплементация положений «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» в социальной практике Украины до сих пор задерживается. Первый отчётный доклад Украины Европе о выполнении положений Хартии должен был состояться в январе сего года (2007), однако только 20 апреля на сайте Министерства юстиции Украины в рубрике «Обговариваем законопроекты» появился текст данного доклада, обсуждению которого общественностью был отведён месячный срок, т. е. до 20 мая.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Эмирова А. М. Русский дискурс как компонент речевой деятельности крымских татар // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Вып. 6. – С. 55–61.
3. О количестве и составе населения АРК по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия. – № 4. – 10 января, 2003.
4. Конституция Украины. – Киев: Официальное издание Верховной Рады Украины, 1996. – 53 с.
5. Эмирова А. М., Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 232 с.
6. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
7. Крымские известия, № 169. – Симферополь, 15 сент. 2006.
8. Эмирова А. М. Языковая политика на Украине // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, 19–22 марта 2007. – Москва, 2007. – С. 753–754.
9. Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Казак университеті, 2002. – 170 с.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ В ЯЗЫКЕ: РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Мир русского слова и русское слово в мире. – XI конгресс МАПРЯЛ. Варна, Болгария, 17–21 сент. 2007. – Том 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 348–352.)

Преамбула

Данный доклад первоначально был задуман как информация о моём опыте создания двух учебных переводных фразеологических словарей с левой русской частью, позволившем сделать выводы об онтологических категориях языка – универсальное и этнокультурное на уровне фразеологии. Однако в процессе подготовки доклада рассматриваемые фразеологические проблемы закономерно сошлись с проблемами социальной лингвистики, что несколько сместило ракурс и пафос исследования, вследствие чего представленный вниманию слушателей доклад уместно было бы переименовать: Регенеративная функция русского языка в условиях глобализации.

Русский язык, как известно, выполняет широкий спектр социальных функций. Однако следует выделить ещё одну социальную сферу, в которой русский язык может выполнять особую функцию – помочь в возрождении миноритарных языков, находящихся сегодня под угрозой исчезновения. Речь идёт о языках малых народов бывшего СССР, которые целенаправленно ассимилировались в рамках «ленинской национальной политики» и фактически потеряли свои языки.

К таким языкам относятся языки коренных народов Крыма – крымских татар, караимов и крымчаков; эти народы исторически сформировались на территории Крыма, имеют сложный, многокомпонентный этногенез, и их языки являются близкородственными – входят в кыпчакскую группу тюркской языковой семьи. Исторические судьбы этих народов по-своему трагичны: крымчаки, как иудеи, были уничтожены во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские татары 18 мая 1944 года были тотально депортированы сталинским режимом в Среднюю Азию и на Урал. Крымские караи-

мы остались на родине, но, как и все другие малые народы в СССР, активно и целенаправленно ассимилировались.

С конца 80-х годов XX в. начались активные процессы репатриации крымских татар. Согласно Всеукраинской переписи населения в 2001 г. в Крыму проживали около 250 тысяч крымских татар, караимов – 704 человека, крымчаков – около 200. Процессы ассимиляции караимов и крымчаков сегодня уже необратимы: крымский диалект караимского языка (выделяют ещё галицкий и тракайский диалекты) и крымчакский язык сегодня можно отнести к мёртвым языкам. (В перечне 13 миноритарных языков, которые Украина, в рамках «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», обязалась сохранять и развивать, караимский и крымчакский языки вообще не числятся.) Носителей караимского языка сегодня осталось около 10 человек, крымчакского – 2 человека.

Вся система крымскотатарского языка за истекший период подверглась глубокой деформации, особенно заметной на лексическом и грамматическом уровнях. По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы:

1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах;
2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком;
3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориальных диалектов) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком;
4. монолингвы двух типов: владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую группу входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался

в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят только на каком-либо территориальном диалекте крымскотатарского языка).

Как следует из сказанного, сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Гармонизация языковой компетенции крымских татар – владение в равной степени родным, русским и украинским языками – может быть осуществлена в условиях корректной языковой политики Украины, которая (политика) сегодня таковой не является.

Проблема возрождения и развития крымскотатарского языка имеет два аспекта: социально-политический и собственно лингвистический. В рамках первого аспекта предполагается решение ряда взаимосвязанных вопросов: 1. определение социального статуса крымскотатарского языка (миноритарный – официальный – государственный – язык коренного народа?); 2. расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке (из функционирующих сегодня в Крыму 600 школ только 14 считаются школами с крымскотатарским языком обучения); 3. расширение его функционального пространства в СМИ (из более чем 1300 изданий, зарегистрированных в Крыму в 2007 г., только 3 газеты и 4 журнала издаются на крымскотатарском языке; эфирное время на радио и телевидении составляет соответственно 1 час 20 минут и 5 часов в неделю). Собственно лингвистический аспект проблемы реанимации крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1. сбор и сохранение на современных носителях исчезающих территориальных диалектов; 2. развитие стандартного (литературного) языка и единой, непротиворечивой системы его ортологии.

Как известно, одним из путей расширения внутреннего (ментального) лексикона человека является языковое общение в процессе обучения, в том числе и самостоятельная работа со словарями. Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние языка и науки о нём. Современная крымскотатарская лексикография бедна в количественном и качественном отношениях. Достаточно сказать, что до сих пор не создан

толковый словарь, который призван регламентировать употребление слов (в соответствии с их значением), их написание, изменение, сочетаемость и в определенной степени – произношение. Отсутствует и толковый фразеологический словарь.

Считаю, что на современном этапе функционирования крымскотатарского языка особую роль должны и могут сыграть двуязычные словари с левой русской частью. Мною создано два русско-крымскотатарских фразеологических словаря: «Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову» (в соавторстве) [2] и «Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь» [3].

Особо значимым в рамках заявленной темы является второй словарь, потому что и в русской, и в крымскотатарской его частях представлен однородный фразеологический материал – только идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства). Известно, что в двуязычной фразеографии используются три способа перевода фразеологических единиц: 1. с помощью эквивалентов, т. е. фразеологизмов, полностью совпадающих по содержанию, в том числе и по внутренней форме, стилистической и эмотивной окраске; 2. с помощью аналогов, т. е. фразеологизмов, частично совпадающих по значению, отличающихся внутренней формой и, возможно, стилистической и эмоциональной коннотацией; 3. с помощью буквального перевода, представленного свободным словосочетанием. В данном словаре использованы первые два способа: в него включены лишь те русские идиомы, для которых были найдены крымскотатарские идиоматические же соответствия – эквиваленты и аналоги. Такой подход к сбору и фиксации языкового материала объясняется поставленной целью – **не** знакомство с идиоматикой русского языка, а расширение ментального лексикона крымских татар.

Формирование крымскотатарской части словаря осуществлялось следующими путями: 1. работа со словарями разных типов и языков; 2. работа с респондентами; 3. выборка из художественных и газетно-публицистических текстов.

Материал обоих словарей позволяет сделать выводы по кардинальной для теории фразеологии и фразеографии проблеме – универсальное и этнокультурное во фразеологии. **Универсальное** обнаруживается прежде всего во фразеологических единицах, соот-

носящихся со сферами психики (мыслительные и эмоциональные процессы и состояния) и физиологии человека. Именно эти сферы дают наибольшее количество фразеологических эквивалентов: *открывать рот – агъзыны ачмакъ* ‘начинать говорить, высказывать своё мнение’; *молоко на губах не обсохло у кого – агъзы даа сют къокъуй кимнинъ* ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен’; *вбивать в голову кому, что – акълына къоймакъ кимнинъ, нени* ‘внушать что-либо, убеждать в чём-либо’; *держат в уме кого, что – акълын-да тутмакъ нени* ‘постоянно думать или помнить о ком-либо или о чём-либо’; *вылетать из головы у кого – акълындан чыкъмакъ кимнинъ* ‘забывать’; *ходить из уст в уста – агъыз агъыздан кезмек* ‘распространяться (о слухах, новостях)’; *поджилки трясутся у кого – къоркъу дамарлары тутмакъ кимнинъ* ‘кто-либо испытывает сильный страх, дрожит от страха’; *поворачивать оглобли – арабасыны тувармакъ* ‘отступать от своих обещаний, убеждений’. Ср. также: *белая кость – акъ сюек (сюеклерден)* ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию’; *чёрная кость – къара сюек (сюеклерден)* ‘человек незнатного происхождения или принадлежащий к непривилегированному сословию’.

Этнокультурное проявляется в содержании тех единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – носитель данного языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, собственные имена, реалии повседневной жизни (одежда, обувь, пища, мебель, орудия труда) и др. Это преимущественно фразеологические аналоги: *болтать языком – агъзында бакъла сыланмаз кимнинъ* (букв.: у него во рту фасоль не намокнет) ‘слишком много говорить, пустословить’; *как осёл глуп – Корбекуль эшеги киби ахмакъ* (букв.: глуп, как осёл из села Корбекуль, жители которого считались глупыми); *делать большие глаза – пармагъыны тишлемек* (букв.: укусить палец, взять его рот) ‘выражать крайнее удивление, недоумение’; *когда рак на горе свистнет – деве минареге чыкъкъанда* (букв.: когда верблюд поднимется на минарет) ‘никогда’; *важная птица – агъасы гъазы (гъазылардан) кимнинъ* (букв.: его брат газы – борец за ислам в средние века) ‘человек, занимающий высокое общественное положение, обладающий большим влиянием’.

Выявление универсального и этнокультурного усложнено феноменом калькирования: респонденты затруднялись разграничивать исконно тюркские фразеологические единицы и русские заимствования-кальки, что свидетельствует о мощном влиянии русского языка на механизмы речепроизводства крымских татар и о деформации их языкового сознания на ассоциативном уровне. Ср.: *пить кровь кого* – *къаныны ичмек кимнинъ* ‘мучить, притеснять кого-либо, издеваться над кем-либо’; *отсохни у меня язык* – *тилим къурусын* (при наличии в языке – *тилим тутулсын*, букв.: пусть мой язык отнимется) ‘клятвенное заверение’; *входить с чёрного хода* – *арт къаныдан кирмек (сокъулмакъ)* ‘добиваться чего-либо незаконным путём’; *вариться в общем котле* – *бир къазанда къайнамакъ* ‘долго находиться в какой-либо среде, воспринимая её взгляды, интересы’; *быть одной ногой в могиле* – *бир аягъы мезарда олмакъ кимнинъ* ‘быть при смерти’; *утопить в ложке воды кого* – *бир къашыкъ сувда богъмакъ* (при наличии вариантов: *къарыш* ‘пядь, небольшое количество’, *ютум* ‘глоток’); *уйти в иной мир* – *обир дюньягъа кетмек* ‘умереть, скончаться’; *слюнки текут у кого-либо* – *селекийлери акъмакъ кимнинъ* ‘кто-либо испытывает сильное желание съесть, попробовать или выпить что-либо вкусное’; *не считать за человека кого-либо* – *адам саймамакъ кимни* ‘пренебрежительно относиться к кому-либо, не считаться с кем-либо’; *легко сказать* – *айтмасы къолай* ‘выражение несогласия’ и др.

Как показывает опыт создания и использования вышеназванных двуязычных словарей с левой русской частью, русский язык в данном случае выполняет функции особого «входа» в другой язык, функции компаса-ориентира, позволяющего вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации общения на крымскотатарском языке.

Активизирующиеся в последнее десятилетие процессы глобализации, по мнению учёных, представляют угрозу языкам и культурам прежде всего малых народов. Процессы социально-культурного строительства, которые происходили в прошлом веке в рамках СССР, могут быть интерпретированы сегодня как глобализация в миниатюре. Известно, что русский язык, как язык межнационального общения, в условиях советского тоталитарного режима выполнял неод-

нозначные социальные функции: с одной стороны, он способствовал развитию и обогащению словарного запаса и стилистических систем языков малых народов, с другой, – во многом содействовал их деструкции, вытесняя их из совокупного коммуникативного пространства. Сегодня сама история предоставила великому русскому языку возможность выполнять новую социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Такую эксклюзивную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение, возобновление) – восстановительной, возмещающей нанесённый ущерб.

Регенеративная функция русского языка может быть актуализирована и на более высоком когнитивно-мыслительном уровне – на уровне развития филологической мысли миноритарных языков. Научное осмысление языковых и литературно-художественных феноменов миноритарных языков, опирающееся на достижения русистики во всех её ипостасях (языкознание, литературоведение, культурология), несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию и оптимизации коммуникативных качеств тех языков, которым сегодня угрожает опасность исчезновения.

Литература

1. Эмирова А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 37.
2. Эмирова А. М., Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь, 2003.
3. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь, 2004.

РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

(Журнал «Октябрь». – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180. См. также: Русская словесность в мировом культурном контексте. II Международный симпозиум. Избранные доклады и тезисы. – Москва, 2008. – С. 24–28.)

Как показывает социальная практика последних пятнадцати лет, на Украине отсутствует целостная концепция корректной языковой политики. До сего дня Украина живёт в рамках «Закона о языках в Украинской ССР», принятого 28 октября 1989 г. После обретения Украиной независимости (24 августа 1991 г.) были предприняты попытки языкового строительства в новых социально-политических условиях, с учётом новых реалий, в частности – образования Автономной Республики Крым и массовой репатриации крымских татар. Так, 2 мая 1996 г. Украина подписала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», принятую мировой общественностью 5 ноября 1992 г. в Страсбурге (Франция), а 24 декабря 1999 г. ратифицировала её. Однако уже 12 июля 2000 г. Конституционный Суд Украины принял решение о неконституционности данного Закона в связи с его несоответствием новым правилам подписания и официального опубликования законов Украины. Повторная ратификация Хартии произошла 15 мая 2003 г., но только с 1-го января 2006 г. она вступила в силу.

За прошедшие годы Верховная Рада Украины периодически регистрировала и рассматривала проекты законов о языках, вносимые народными депутатами: С. Н. Кияшко (13 нояб. 1998), А. Ю. Кучеренко (5 янв. 1999), А. А. Костусевым (7 апр. 1999), А. А. Коноваловым (8 сент. 1999) и др. Кабинет Министров Украины 3 июня 2000 г. представил проект «О развитии и применении языков в Украине». Проблемы языкового строительства на Украине с каждым годом усложнялись, но не решались.

Сегодня статус языков на Украине и отношения между ними регулируются Конституцией Украины, принятой 28 июня 1996 г. (ст. 10, 11, 24, 53, 92 и др.), в Крыму – в том числе Конституцией АРК от 12 октября 1998 г. (гл. 3, ст. 10–13). При этом в последнее время на страницах СМИ активно обсуждается вопрос о придании русскому

языку статуса второго государственного языка (согласно Конституции Украины, он имеет статус языка национального меньшинства). Известно, что данное В. Януковичем в конце сентября 2004 г. обещание сделать русский язык вторым государственным позволило ему выйти во второй тур выборов президента Украины. Однако, став председателем Кабинета Министров Украины, В. Янукович не спешит претворять своё обещание в жизнь. Тем временем начались процессы имплементации (фактической реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне) региональных языков: русский язык решениями местных органов власти признан региональным в Донецкой, Запорожской, Николаевской, Харьковской, Херсонской областях, а также в Донецке, Днепропетровске, Кривом Роге, Луганске, Николаеве, Севастополе. В этой связи «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» опять привлекает внимание политиков: якобы перевод ратифицированной Хартии является неточным. Тем не менее президент В. Ющенко, выступая с речью по случаю пятнадцатилетия независимости Украины, твёрдо заверил слушателей: «В Украине нет и не будет альтернативы украинскому языку как языку государственному и языку официального общения» [«Крымские известия» (далее – КИ), № 155, 26 авг. 2006 г.].

В условиях шатания и брожения депутатских умов, которые до сего дня продолжают после последних выборов в Верховную Раду Украины, а также инициатив местных властей указанных выше регионов в середине сентября 2006 г. Министерство юстиции Украины наконец вынесло на общественное обсуждение проект новой Концепции государственной языковой политики, разработанный Национальной комиссией по укреплению демократии и утверждению верховенства права [КИ, № 169, 15 сентября 2006]. «За прошлые годы... власть не смогла ни утвердить Концепцию государственной языковой политики, ни разработать и осуществить эффективную программу языкового планирования, ни создать действенный механизм возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать культурно-языковой экспансии России». Этот документ, по мнению его авторов, призван определить направления формирования и реализации языковой политики, организационные и правовые механизмы решения существующих проблем в этой социальной сфере.

Текст Концепции состоит из следующих разделов: 1. Общие принципы. 2. Языковая ситуация в Украине. 3. Украинский – язык украинского народа и государственный язык в Украине. 4. Языки национальных меньшинств в Украине. 5. Цели и приоритетные направления государственной языковой политики. 6. Механизмы осуществления государственной языковой политики. 7. Заключительные положения.

Пафос обсуждаемого проекта ориентирован на возрождение и совершенствование украинского языка: «Высокое языковое сознание и достоинство способны противостоять... массовому распространению такого угрожающего для украинского языка явления, как *суржик*, необоснованному применению иноязычных слов, когда им есть полноценные соответствия в украинском языке. Качество украинской речи уже давно вызывает беспокойство учёных и широкой общественности... Над этой проблемой плодотворно работает Национальная комиссия по правописанию и языковым нормам Национальной академии наук Украины. Подготовлен проект, предусматривающий: внесение дополнений и изменений в украинское правописание; создание и утверждение правил иноязычного воспроизведения украинских собственных имён и названий национальных реалий (денежных единиц административно-территориального устройства, должностей и т. п.); решение спорных вопросов украинской научной и производственной терминологии; утверждение нормативных требований, экспертиза качественного уровня языка средств массовой информации, рекламы, инструкций и информационных надписей на товарах широкого потребления и т. п.»

Как видно из приведённых выше цитат, авторы текста проекта сознают, что корпус украинского языка, в том числе и его нормативная база, по многим коммуникативным параметрам уступает русскому языку.

Текст Концепции представляется излишне политизированным, категоричным и недостаточно объективно (а чаще искажённо) отражающим прошлую и нынешнюю языковые ситуации на Украине. Обращает на себя внимание и недостаточная теоретическая подготовленность в области социолингвистики анонимных авторов документа, что проявляется в некорректном употреблении ими некото-

рых терминов. Складывается впечатление, что к составлению данного документа учёные-языковеды вообще не привлекались.

Вот некоторые положения, которые представляются излишне категоричными, неточными или некорректными:

«В системе государственных приоритетов языковая политика занимает главное место...».

«Угроза украинскому языку является тотальной угрозой национальной безопасности Украины...».

«Источником статуса украинского языка как государственного (официального) является государственное самоопределение украинской нации».

«Знание украинского языка является неременным условием обретения гражданства Украины».

«Состояние фактической дискриминации украинцев в их собственной стране создаёт напряженность в межкузыковых отношениях...».

«Значительная часть его (украинского языка. – А. Э.) словаря значительно старше почти *полторатысячелетней* (!? – А. Э.) истории его применения в разных сферах общественной и культурной жизни».

Остановимся подробнее на следующем фрагмента раздела 3: «...Государственный статус украинского языка означает его обязательное использование, употребление на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления... в работе государственных и коммунальных учебных заведений, сфере обслуживания, культуре, средствах массовой информации». Как известно, языковая компетенция человека предполагает четыре уровня владения им каким-либо языком: говорения, понимания, письма и чтения. Следовательно, если человек не говорит и не пишет по-украински, но понимает сказанное и прочитанное, то он не нарушает ст. 10 Конституции Украины.

Некорректными или понятийно неопределёнными представляются и такие обороты: «язык (своего) гражданства»; «языковое достоинство»; «украинский народ»; «украинская нация»; «внедрение мер положительной дискриминации» и др. Следует уточнить также содержание понятий «государственный язык» и «официальный язык», которые в Концепции используются как эквивалентные.

Украина как независимое государство – «страна-подросток». В самостоятельную жизнь не вступило даже первое поколение её «незалежных» граждан. Все институты её государственности находятся в стадии становления и развития. В таких условиях переходного состояния украинской государственности от тоталитаризма к настоящей демократии следует наметить систему принципов, на базе которых предстоит разработать *гибкую долгосрочную* языковую политику, включающую в себя и политику *переходного* периода. Вот несколько принципов *бесконфликтной* языковой политики *переходного* периода:

1. Обязательное знание украинского языка как государственного следует требовать с тех граждан, кто обучался в украинской школе, а также с тех, кто пошёл в школу после принятия Украиной независимости. Это требование не может распространяться на тех, кто недавно приехал на Украину и получил украинское гражданство. (Например, крымские татары, которые вернулись на родину со знанием русского и узбекского языков.)

2. Граждане, получившие среднее и высшее образование до принятия Украиной независимости, выбирают любой другой язык общения по необходимости.

3. Организовать в государственном масштабе бесплатные курсы украинского языка для всех желающих с обеспечением необходимой учебной литературы, как это практикуется для иммигрантов, в том числе и репатриантов, в таких странах, как Германия и Израиль.

Действующая Конституция Украины предоставляет региональным и миноритарным языкам довольно широкие коммуникативные возможности. Следует настоятельно апеллировать к соответствующим её статьям и добиваться их адекватной имплементации. Такого мнения придерживаются и участники V Международного Форума русистов Украины (Крым, Ялта – Ливадия, 2005), в резолюции которого отмечено:

«1. Учитывая, что факты *нарушения существующего законодательства* в сфере языковой политики продолжают иметь место, обратиться к Президенту, руководителям всех рангов и уровней с настойчивым призывом обеспечить неукоснительное соблюдение гарантированных Конституцией Украины (статьи 10, 11, 24, 53, 92)

языковых прав граждан Украины, в частности, в области использования русского языка в государственной практике и общественной жизни, повседневного общения на русском языке, получения среднего и высшего образования на русском языке...

2. Обратиться в Кабинет Министров Украины с предложениями:

а) разработать национальную Программу развития языков в Украине, для создания которой привлечь ведущих учёных, юристов, педагогов...;

б) подготовить и принять необходимые нормативные документы, защищающие статус русского языка в Украине *в строгом соответствии с существующей законодательной базой государства...*».

Рассмотренный проект Концепции государственной языковой политики на Украине нуждается в корректировании и доработке с привлечением прежде всего учёных-языковедов, занимающихся проблемами социальной лингвистики. Представленный вариант проекта не может быть положен в основу давно ожидаемого закона о языках, в котором остро нуждается многонациональная Украина. Мировая практика решения таких проблем показывает, что оптимальная языковая политика строится не на идеологических, а на экономических принципах.

Постулатами новой языковой политики на Украине должны стать идеи толерантности, демократии, равноправия народов и языков и верховенства прав личности. Во главу угла строительства новой украинской государственности сегодня поставлена личность со всеми её социальными правами и обязанностями. Только сама личность правомочна определить свою национальную идентичность и свой родной язык.

ОНИМЫ КАК КУМУЛЯТИВНЫЕ ЗНАКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Эмирова А. М. Избранные научные работы. – Симферополь: Крым-учпедгиз, 2008. – С. 326–331)

Всё, что человек создаёт для удовлетворения своих физических и духовных потребностей, он именует словами. Совокупная – материальная и духовная – культура отражена в языке и образует этническую (национальную) «языковую картину мира». В содержании языковых единиц разных уровней отражены все этапы развития этноса, все формы и способы его жизнедеятельности. Среди них особое положение занимают онимы – слова или словосочетания, которые служат для именования, называния объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации. Собственные имена изучаются особым разделом языкознания – ономастикой. Ономастику интересуют любые собственные имена: антропонимы – имена людей; топонимы – собственные имена любых географических объектов (в том числе ойконимы, гидронимы, оронимы, спелеонимы, урбанонимы); зоонимы – собственные имена животных; теонимы – имена богов; агιονимы – имена святых; фитонимы – имена растений и др.

Онимы являются кумулятивными (лат. *sumulatio* – увеличение, скопление) знаками – в них скапливается разнородная информация о предмете, именем которого они являются: о месте его нахождения, о времени его создания, о языке именования, о народе, давшем ему это имя и оценившем его место в своей материальной и духовной жизни.

Собственные имена маркируют природную и социальную сферы жизни этноса и формируют то культурное пространство, в котором этот народ чувствует себя «дома». Поэтому одним из первых социальных требований крымскотатарского народа, вернувшегося на родину и стремящегося возродить свою материальную и духовную культуру, было требование восстановить прежнюю топонимию – названия сёл, городов, рек, водоёмов, гор, холмов и прочих природных урочищ, которые директивным порядком были переименованы

через несколько лет после выселения крымских татар. Сделано это было из политических соображений – стереть всякие следы многовекового пребывания крымских татар на этой земле. Много лет спустя известный поэт Борис Чичибабин, который часто приезжал в Крым, так оценил эту варварскую акцию: «Без татар Крым – не Крым, ненастоящий Крым, не тот Крым, который видел, и который описал, и в какой на всю жизнь влюбился Пушкин, который видели и любили Толстой и Чехов, Ахматова и Цветаева, Паустовский, Пришвин, Сергеев-Ценский; это какой-то искусственный, экзотический, специально для курортников и туристов придуманный и сделанный заповедник... Они (татары) были исконным местным населением этой земли, они были народом, пустившим корни в эту землю, обжившим её, одухотворившим её названиями гор, посёлков, мифологией, памятью, верой, мечтой, они стали и были душой Крыма. И когда эту душу искусственно, насильственно изъяли из тела и тело осталось без живой души, но с какой-то тенью её, с каким-то кровоточащим следом её, с памятью о ней, – татар нет, а татарские названия остались, – это не только трагично, грустно, страшно, но в этом есть что-то неподлинное, притворяющееся, неестественное, стыдное, непристойное». (Из архива Б. Чичибабина; предоставлено мне Л. С. Карась-Чичибабиной.)

К сожалению, многие прежние названия пока не удаётся восстановить, поэтому в крымскотатарских средствах массовой информации сегодня приняты двойные наименования – прежнее и в скобках современное: *Акъмесджит* (Симферополь), *Къарасубазар* (Белогорск), *Акъяр* (Севастополь), *Коккоз* (Соколиное), *Ай-Василь* (Васильевка) и др.

Предметом исследования в данной работе является только один класс онимов – антропонимы, т. е. собственные имена крымских татар, а именно: личные имена, отчества, фамилии, прозвища (дополнительные имена, которые даются человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-то аналогии) и др. Их изучает раздел ономастики – антропонимика. В рамках поставленной темы выделены следующие проблемы: 1. антропонимические словари; 2. ка-

нонические формы крымскотатарских личных имён, их написание и произношение; 3. форма совокупного имени крымских татар; 4. крымскотатарские вокативы (звательные формы).

Крымскотатарские личные имена почти все восходят к арабскому языку, и это связано с принятием ислама: арабский язык – язык Священной Книги – Корана. В диахронии, исторически, после принятия ислама (XIII–XIV вв.) при заимствовании арабских корней в разных тюркских языках Крыма происходили процессы их фонетической адаптации, т. е. приспособления арабских звуков и звуковых цепей к фонетической системе этих языков. Если при этом принять во внимание сложный, многокомпонентный этногенез крымских татар и смешение, взаимодействие разных групп тюркских диалектов (кыпчакских, ногайских и огузских) в составе современного крымскотатарского языка, то разнообразие форм однокоренных крымскотатарских личных имён станет в какой-то мере понятным и оправданным. Следует учесть также, что в устной речи крымских татар действуют специфические фонетические законы (редукции, выкидки, ассимиляции и др.), которые также способствуют искажению звукового облика личного имени: ср.: *Адиле* → *Адле*, *Эмине* → *Эмне*, *Алиме* → *Альме*, *Велиша* → *Вельша* и т. п. (выкидка безударного гласного); *Яхья* → *Яя*, *Сеид-Яхья* → *Сетья* (*Ситья*), *Сеид-Умер* → *Сетмер* (*Ситмер*), *Абдурахим* → *Абдреим*, *Абдурахман* → *Абдраман* (выкидки звуков, сопровождаемые качественной редукцией гласных и согласных); *Абдулазиз* → *Аблязиз* (*Абляз*, *Абляс*), *Сеид* → *Сеит* (стяжение звуков и редукция согласных) и др. К сожалению, все эти искажённые формы имён фиксируются в документах и даже отражаются в словарях, в том числе и предназначенных для работников государственных учреждений (паспортных столов, загсов, поселковых и сельских советов и др.). Составители словаря [2], например, в который включены все формы написания имён, в том числе и искажённые, заявляют, что их справочник содержит *правописание* (т. е. правильное написание) наиболее употребительных крымскотатарских имён, отчеств и фамилий, и потому адресуют свой справочник работникам указанных учреждений.

Таковую же задачу поставили перед собой и составители словаря [6]: «...дати працівникам офіційних органів та державних закладів

довідник, який, на нашу думку, допоможе упорядкувати і уніфікувати написання українською мовою кримськотатарських чоловічих імен та імен по батькові» [6, с. 3]. Там же написано, что составители пользовались «найавторитетнішими» словарями крымскотатарских имён, составленными С. Усеиновым, Э. Озенбашлы, Ш. Кайбуллаевым [3–5], которым (словарям) свойственны те же недостатки, что и рецензированным выше [2; 6]. Думается, что авторитетнейшим словарём восточных, в том числе и тюркских, имён, сегодня всё ещё остаётся словарь Алима Гафурова «Имя и история», увидевший свет в 1987 г. в московском издательстве «Наука» [1]: в нём даны современные формы восточных имён и их арабские (и персидские) производящие основы в арабской графике и кириллице. Работу по созданию более совершенных в научном отношении словарей личных имён могут выполнять лишь высококвалифицированные филологи, специалисты в области общего языкознания.

Известно, что арабский язык, входящий в семитскую ветвь семито-хамитской семьи языков, отличается от тюркских языков и фонемным (звуковым) составом, и лексико-грамматическими категориями, и фонетическими законами. Однако при написании крымскотатарских личных имён, особенно в документах гражданского состояния, следует стремиться по возможности к более точному воспроизведению их канонической формы с учётом различия сущностных особенностей, в том числе и фонетических законов, языка-оригинала (в данном случае – арабского) и языка-рецептора (крымскотатарского). Такой подход к решению проблемы имеет и иной – не филологический, а конфессиональный (религиозный) – аспект: он будет свидетельствовать о пиетете крымскотатарского общества к языку Священного Корана.

Сказанное выше не означает, что в повседневной речевой практике следует отказаться от разговорно-диалектных форм произношения крымскотатарских личных имён. В неофициальной обстановке – в семье, среди родных и близких – можно называть друг друга так, как это принято в том или ином говоре.

Под влиянием русского языка уже до войны (1941–1945) стали активно искажаться крымскотатарские личные имена. Это проявлялось в разных формах. Прежде всего была утеряна традицион-

ная формула совокупного именованья – личное имя + имя отца и / или прозвище: *Мемет Ниязий, Керим Решид Джаманаклы, Сеид Абдулла Озенбашлы, Номан Челебиджихан, Трош Айше Али* и т. п. Совокупное имя стало оформляться по русской формуле – личное имя + отчество на *-ович / -евич, -овна / -евна* + фамилия на *-ов / -ев, -ова / -ева*: *Асан Сабри Айвазов, Эмиров Мемет Алиевич, Земине Мустафаевна Дагджи, Арифов Ягья Джелиль* и др. Русифицированное отчество часто в документах не записывалось: *Эмирова Адиле, Мазинова Гульназ, Ганиев Сулейман*. В устной речи, особенно детей школьного возраста и молодёжи, личное имя часто заменялось (и до сих пор заменяется) на русское, начинающееся с того же звука или сочетания звуков, что и крымскотатарское, или созвучное с ним в какой-то части: *Нелюфер* → *Нэля*, *Наджие* → *Надя*, *Нияр* → *Нина*, *Зоре* → *Зоя*, *Алиме* → *Алла*, *Сыдыкъя* → *Соня*, *Сервер* → *Сергей*, *Бекир* → *Борис*, *Селим* → *Сеня*, *Недим* → *Дима* т. п.

Попытки крымских татар в условиях ссылки оформлять документы в соответствии с традиционной формулой совокупного имени встречали резкое противодействие со стороны государственных чиновников. После возвращения на родину многие крымские татары делают попытки возродить традиционную форму имени: сегодня можно встретить написание такого рода, как *Мерьем Асан Темеш* или *Мерьем Асан кызы* (букв. – ‘дочь’) *Темеш*; *Исмаил Асан оглы* (букв. – ‘сын’) *Керим*. Вряд ли взрослые станут менять свои многочисленные документы через судебные инстанции. Однако если молодые родители захотят вернуться к старым именным формам, то можно надеяться, что следующие поколения крымских татар будут именовать так, как их деды и прадеды.

В «Книге путешествий» знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби, который дважды побывал в Крыму – в 1641–1642 и в 1666–1667 годах, имеются сведения о языках жителей Крыма, в частности – их именах. Вот имена благородных людей: *Омер аталык, Салтык аталык, Сюнди бай, Келген бай; Танбурлу Рамазан ага, Мухсинхан, Чолак Дедеш ага, Абу Ахмед ага Заде Челеби*. Мужские имена, часто встречающиеся в Бахчисарае: *Алыш ака, Дедеш ака, Улан Мехмед ага, Кайтас ака, Джанкули*; женские имена: *Гюльафзун, Бикеджан, Сибаджан*. Имена поэтов: *Мумин эфенди*,

Физули Челеби, Эмир Мехди Челеби и др. Как видно из приведённого выше перечня имён представителей разных слоёв общества, к мужским и женским именам слов-детерминантов *огьлу, кьызы* в те времена (17 век) не добавляли.

О том же свидетельствует известный крымскотатарский писатель Дженгиз Дагджи. Вот перечень собственных имён исторических деятелей и персонажей, встречающихся в его романе «*Onlarda insandı*» (Олар да инсан эди): *Алим Айдамакъ, Номан Челебиджихан, Исмаил Гаспралы, Джафер Сейдамет; Абдильвейс Мезин, Асан Балтаджы, Амет Къырыкъ, Асан Къарамырза, Вели Къуришун, Джемиль Софу, Осман Пармакъсыз, Усеин Къашкъа (Кашка)* и др. В структурно-грамматическом отношении, как правило, это двукомпонентные, т. н. бинарные, имена: личное имя в сочетании с патронимом – именем, фамилией или прозвищем отца. Бинарная форма традиционно была наиболее характерной моделью имени собственного в крымскотатарском языке. Иногда она расширялась за счёт добавления имени деда или прозвища рода. Яшлавская Нияр, родившаяся в 1927 г. в деревне Ханышкой Симферопольского района, свидетельствует, что в архивной справке о её рождении, полученной ею в архиве АРК 11 июня 1993, имена родителей записаны в следующей форме: отец – *Яшлавский Джафер Суин*, мать – *Яшлавская Мауре Аметовна*. В свидетельстве о рождении *Ибраимовой Мунире* (РЗ № 896859 от 2 июня 1925 г.), родившейся 15 февраля 1925 г. в селе Ташлы Шеих-эли Джанкойского района Крымской АССР в семье *Ибраимова Амзы* и *Ибраимовой Фериште*, также отсутствуют детерминанты *огьлу, кьызы*. Пять лет спустя, 12 декабря 1930 г., тот же *Амза Ибраимов* оформил копию своего свидетельства (№ 2709 от 16 июля 1930 г.), в котором его имя записано в форме *Амза Ибраим*. Приведённые данные свидетельствуют о том, что в 20–30 годы активно протекали процессы русификации крымскотатарских имён, думается, во многом под давление чиновников, оформлявших такие документы.

К рассмотренным выше вопросам ономастики примыкает проблема крымскотатарских вокативов. Вокатив – это слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т. е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий; иначе – это звательная форма нарицательно-

го имени, которая обычно сочетается с именем собственным. В позиции к крымскотатарским мужским именам находятся вокативы *ака, акъай, агъа, оджа, эфенди*; женские имена сопровождаются вокативами *ана, апте, абла, оджа (оджапче), шерфе*. В последние годы, по-видимому, не без влияния турецкого языка, возродились и стали очень употребительными обращения *бей* и *ханым*. Думается, и в этой сфере, в рамках культуры крымскотатарской речи, следует сформулировать определённые рекомендации, учитывающие возраст человека, его социальный статус, род деятельности и характер отношений с окружающими.

Совокупность крымскотатарских личных имён (т. н. антропонимикон, или именник), их формы, этимология и употребление – это один из важнейших компонентов традиционной духовной культуры народа. Личные имена и формулы совокупного имени – это свидетельства его этногенеза, истории, религии, нравственных предпочтений и оценок. Они – кумулятивные культурные знаки, объединяющие людей в единое общество, способствующие их национальной идентификации и самоидентификации.

Литература

1. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и турков. Словарь. – Москва: Наука, 1987. – 221 с.
2. Девлетов Р. Р., Каленчук Г. М., Прадид Ю. Ф. Краткий русско-украинский и украинско-русский словарь. Крымскотатарские фамилии, имена, отчества / Под ред. Ю. Ф. Прадеда. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 128 с.
3. Крымскотатарские имена. Происхождение и значение / Составитель Ш. Э. Кайбуллаев. – Симферополь, 1994. – 82 с.
4. Крымскотатарские имена. Справочник / Составитель С. Усеинов. – Симферополь: Анаюрт, 1992. – 63 с.
5. Озенбашлы Э. Къырымтатар адлары. Крымскотатарские имена. – Симферополь: Таврия, 1992. – 49 с.
6. Регушевський Е. С., Регушевська І. А., Усеїнов С. М. Кримськотатарські чоловічі імена та імена по батькові. Кримськотатарсько-український правописний словник. – Симферополь: Доля, 2005. – 132 с.
7. Суперанская А. В., Шейх-Аметов М. А. Крымскотатарские имена // Справочник личных имен народов СССР / Под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. – Москва: Русский язык, 1987. – 656 с.

РЕГЕНЕРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

(Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 22 (61), № 1. – Симферополь, 2009. – С. 185–189.)

*Время разбрасывать камни,
и время собирать камни.
Книга Екклесиаста, 3, 5.
...Время молчать, и время говорить.
Книга Екклесиаста, 3, 7.*

Мировое сообщество сегодня живёт в новых геополитических условиях, которые формируются двумя противонаправленными тенденциями: 1) глобализация как унификация всех сфер жизни (экономической, политической и культурной) и 2) реанимация, сохранение и, где это возможно, развитие, самобытных этнических культур. Глобализация как социальный феномен и как особая фаза международных отношений зародилась несколько десятилетий назад, но её формирование не завершилось и к началу третьего тысячелетия. И вряд ли завершится в ближайшем будущем, потому что она, по мнению специалистов, вытекает из саморазвития экономики. Феномен глобализации амбивалентен по своей природе, т. е. имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным сторонам глобализации можно отнести поступательные процессы унификации мирового культурного пространства, одним из следствий которых является исчезновение языков и культур национальных меньшинств.

Несомненно, более валидной является первая тенденция – глобализация. Вторая же возникла как реакция на опасность исчезновения национальных культур и их базовых компонентов – языков. Отсюда и популярный по сей день слоган: «Богатство мира – в богатстве и разнообразии этнических культур».

Активизирующиеся в последнее десятилетие процессы глобализации, по мнению учёных, представляют угрозу языкам и культурам прежде всего малых народов. Процессы социально-культурно-

го строительства, которые происходили в прошлом веке в рамках СССР, сегодня могут быть интерпретированы как глобализация в миниатюре (если можно так сказать о той громадной евразийской территории, которую занимал Советский Союз). Известно, что русский язык, как язык межнационального общения, в условиях советского тоталитарного режима выполнял неоднозначные социальные функции: с одной стороны, он способствовал развитию и обогащению словарного запаса и стилистических систем языков малых народов, с другой, – во многом содействовал их деструкции и даже аннигиляции, вытесняя их из совокупного коммуникативного пространства.

Разделение труда по республикам, постоянная миграция трудоспособного населения, как известно, привели к формированию новой политической нации, которую советские социологи гордо именovali «новой исторической общностью – советским народом». Основным средством общения в такой многонациональной среде закономерно и оправданно стал русский язык, посредством которого нерусские народы приобщались не только к русской, но и к мировой культуре. Отрицать позитивность данного фактора сегодня, даже после развала советского государства, никто не осмелится. Однако уже в те годы начали набирать силу процессы обесценения значимости национальных культур и особенно языков. В результате массированного разрушения лингвоэкологической среды существования малых народов, которое осуществлялось в целях развития всесоюзной экономики, более 60 языков коренных малочисленных народов оказались под реальной угрозой исчезновения. (Ср.: по Всесоюзной переписи 1989 г. в СССР проживало 180 народов.) Все эти языки внесены в «Красную книгу языков народов России», изданную в Москве в 1994 г. под редакцией директора Института языков народов России, академика Академии естественных наук РФ, доктора филологических наук, профессора Нерознака В. П. Примечательна фраза В. П. Нерознака из предисловия к книге: «...Теории о том, что процесс умирания языков якобы носит «естественный» характер и что ему не надо препятствовать, обнаруживает попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида» [1, с. 6].

Описанные выше процессы аннигиляции языков малых народов, происходившие в мирное время, наиболее трагически сказались на

языках «наказанных народов», к числу которых относятся крымско-татарский, немецкий, чеченский, балкарский, калмыцкий и др.

После развала Советского Союза и появления на политической карте новых государств стали набирать силу процессы отторжения этих государств от России и соответственно от русской культуры. Многие языки получили статус государственных языков. Однако вскоре обнаружилось, что, несмотря на попытки властных структур новых государств волюнтаристски расширять функциональное пространство этих языков, некоторые новые государственные языки оказались не в состоянии выполнять весь набор необходимых в новых условиях социальных функций. В Татарстане, например, остро стоит вопрос о расширении образовательного пространства татарского языка: в конце 2007 г. в России был принят федеральный закон № 309, согласно которому русский язык стал обязательным учебным предметом начиная с первого класса. Выступая на совещании Министерства образования, посвящённом обсуждению этой проблемы, президент Татарстана М. Шаймиев сказал: «Видимо, кому-то показалось, что языки народов РФ недостаточно быстро исчезают; решили ускорить этот процесс».

Каковы же языковая ситуация и языковая политика в сегодняшней Украине? О новой концепции государственной языковой политики я подробно докладывала в Москве, на II Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте» [4; 5]. Как показывают мониторинг специальных документов и социальная практика последних 17 лет, на Украине отсутствует целостная концепция долгосрочной корректной языковой политики. Достаточно сказать, что Украина до сих пор не имеет нового закона о языках – руководствуется «Законом о языках в Украинской ССР», принятым 28 октября 1989 г. С большим нежеланием ратифицируются (а чаще не ратифицируются) международные документы в области языковой политики. Например «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», принятая в Страсбурге в 1992 г., пройдя двойную процедуру ратификации (в 1999 и 2003), вступила в силу только в январе 2006. Однако имплементации положений Хартии до сих пор незаметно. И ещё один красноречивый факт: 7 сентября 2007 г. Генеральная ассамблея ООН ратифицировала «Декларацию Органи-

зации Объединённых Наций о правах коренных народов», которая призвана обеспечивать «выживание, уважение достоинства и благополучие коренных народов мира». Украина, к сожалению, оказалась в числе тех государств, которые воздержались от голосования, – это Россия, Грузия, Азербайджан.

Что касается языковой ситуации, то на Украине она, думается, более сложна, чем в бывших союзных республиках, потому что в некоторой оппозиции находятся два мажоритарных языка – украинский и русский, которые, каждый в своём юридическом поле, имеют правовой статус государственных языков, а на территории Украины русский язык, как известно, квалифицируется в качестве языка национального меньшинства. Однако это лишь поверхностный, формально-юридический уровень противостояния данных языков. В действительности же оппозиция русского и украинского языков восходит к более глубинной содержательной основе: русский язык имеет многовековую практику кодификации и функционирования в различных сферах общественной жизни и, следовательно, более высокий уровень коммуникативного совершенства, в то время как украинский, в силу известных исторических и социально-политических причин, был ограничен в своих функциональных потенциях. Это явствует и из текста преамбулы указанного выше проекта новой концепции государственной языковой политики на Украине, в которой (преамбуле) говорится о «массовом распространении такого угрожающего для украинского языка явления, как суржик»: «Качество украинской речи уже давно вызывает беспокойство учёных и широкой общественности...». Как явствует из приведённых выше цитат, авторы проекта сознают, что корпус украинского языка, в том числе его нормативная база, по многим коммуникативным параметрам уступает русскому языку.

Таким образом, Украина, как и Россия во многих случаях, сознательно уклоняется от решения многих социально-политических проблем, регулирующих отношения между языками в многонациональных государствах. В рамках указанной выше Хартии Украина отвечает за сохранения и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского,

румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузов и крымских татар, имеют независимые государственные образования за пределами Украины. К коренным народам Крыма относятся, кроме крымских татар, также караимы и крымчаки, языки которых не вошли в реестр миноритарных языков.

Что делать в такой ситуации национальным меньшинствам, стремящимся сохранить свою этнокультурную идентичность и развивать свои языки? Думается, что в нынешних условиях существуют два реальных пути решения языковых проблем:

1. Добиваться через суды, в том числе международные, имплементации положений действующих конституций Украины и АРК, которые предоставляют (точнее – декларируют) региональным и миноритарным языкам довольно широкие коммуникативные возможности. И в этой связи следует напомнить о резолюции V Международного Форума русистов Украины (2005), в которой сказано: «1) Учитывая, что факты нарушения существующего законодательства в сфере языковой политики продолжают иметь место, обратиться к Президенту, руководителям всех рангов и уровней с настойчивым призывом обеспечить неукоснительное соблюдение гарантированных Конституцией Украины (статьи 10, 11, 24, 53, 92) языковых прав граждан Украины, в частности, в области использования русского языка в государственной практике и общественной жизни, повседневного общения на русском языке, получения среднего и высшего образования на русском языке... 2) Обратиться в Кабинет Министров Украины с предложениями: а) разработать национальную Программу развития языков в Украине, для создания которой привлечь ведущих учёных, юристов, педагогов...; б) подготовить и принять необходимые нормативные документы, защищающие статус русского языка в Украине в строгом соответствии с существующей законодательной базой государства...».

2. Активизировать целенаправленную работу учёных-филологов в русле сопоставительной лингвистики. При этом базовым языком сопоставления должен стать русский язык.

В нынешних условиях русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать реанимации и развитию ми-

норитарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью: русско-крымскотатарских, русско-караимских, русско-крымчакских, русско-гагаузских и др. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Мой опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [2; 3], а также их оценка пользователями убедили меня в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на миноритарном языке, находящемся в опасности. Такую социальную функцию русского языка я предлагаю назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей нанесённый ущерб. И здесь можно вспомнить библейское: «Время собирать камни».

Регенеративная функция русского языка может быть актуализирована и на более высоком когнитивно-мыслительном уровне – на уровне развития филологической мысли миноритарных языков. Научное осмысление языковых и литературно-художественных феноменов миноритарных языков, опирающееся на достижения русистики во всех её ипостасях (языкознание, литературоведение, культурология), несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию и оптимизации коммуникативных качеств тех языков, которым сегодня угрожает опасность исчезновения.

Хотелось бы опять сослаться на свой опыт руководства научной работой студентов и аспирантов, обучающихся на факультете крымскотатарской филологии. Даже в тех случаях, когда научная работа выполняется на материале только крымскотатарского языка, теоретической базой являются работы преимущественно русских учёных, которые позволяют адекватно интерпретировать языковые феномены крымскотатарского языка. А развитие теории языка, как известно, позволяет оптимизировать учебный процесс и тем самым способствовать совершенствованию практического языкознания, в том числе обогащению и расширению языковой компетенции личности.

Литература

1. Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. Ред. В. П. Нерознак. – Москва: Academia, 1994. – 119 с.
2. Эмирова А. М., Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с.
3. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
4. Эмирова А. М. Русский язык на Украине // Октябрь. – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
5. Эмирова А. М. Русский язык в Украине: новая концепция государственной языковой политики // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. Ред. И. Л. Волгина. – Москва: Фонд Достоевского, 2008. – С. 24–28.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета – Вып. 21. Филологические науки. – Симферополь, 2010. – С. 26–33.)

Постановка проблемы. Владеть языком – значит прежде всего владеть его словарным составом и грамматикой, т. е. уметь использовать слова в присущих им значениях и сочетать их друг с другом, образуя предложения. Однако в методике преподавания языка существует особый критерий владения языком – это использование в речи фразеологических единиц, т. е. разного типа устойчивых сочетаний слов. Совершенное владение языком предполагает наличие во внутреннем лексиконе говорящего (запасе языковых единиц разного уровня) около 700–800 фразеологических единиц, которые он понимает и умеет использовать в своей речевой деятельности.

Известно, что фразеология является самой сокровенной, специфической частью любого языка: в ней отражаются характерные особенности языка, в том числе устаревшие языковые категории, а также «картина мира» народа – его повседневный быт, история, суеверия, религиозные догматы, психический склад и пр.

Анализ научной литературы показал, что фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом всестороннего научного осмысления с применением современного концептуально-терминологического аппарата.

Цель данной работы – описать базовые понятия и категории крымскотатарской фразеологии, которые могут лечь в основу её дальнейшего изучения.

1. Объём и границы фразеологии

Предметом изучения фразеологии как науки является исследование природы фразеологических единиц (по сравнению со словом и свободным словосочетанием), их дифференциальных признаков, способов образования и особенностей употребления в речи. Фразеологические единицы – это устойчивые по форме и содержанию сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде, обладаю-

щие целостным, часто образно-переносным значением, способные выражать чувства и оценки говорящего и активно воздействовать на мысли, эмоции и поведение слушающего.

Различают фразеологию в узком и широком смыслах слова. Фразеология в узком смысле слова – это идиоматика, т. е. совокупность идиом. Идиомы (от греч. *idioma* – особенность, своеобразие) – это устойчивые эмоционально-образные сочетания слов с переносным значением, выполняющие в предложении функции одного члена предложения. По семантической классификации фразеологических единиц, разработанной В. В. Виноградовым [1; 2] и дополненной Н. М. Шанским [4], это так называемые фразеологические сращения и фразеологические единства. Фразеология в широком смысле – это различные по значению и грамматической структуре устойчивые сочетания слов неидиоматического характера, обладающие аналитическим значением.

2. Семантическая классификация фразеологических единиц

Семантическая классификация фразеологических единиц учитывает соотношение общего значения фразеологической единицы со значениями её словных компонентов. С точки зрения степени семантической слитности фразеологизмы принято делить на следующие типы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Фразеологические сращения – это устойчивые по форме и содержанию обороты, общее значение которых не мотивировано значениями их словных компонентов: *шам ёлу тюм-тюз олмакъ* (букв. Дорога в Сирию очень ровная) ‘кто-либо ничего не боится, кому-либо всё нипочём’; *ала байракъ тиклемек* (букв. поднимать пёстрое знамя) ‘выходить за рамки дозволенного’ и др.

Фразеологические единства – это устойчивые сочетания слов, общее значение которых мотивировано совокупным значением свободного словосочетания-прототипа: *ахрет ёлуна тюшмек* ‘умирать’; *козь боямакъ* (букв. закрашивать глаза) ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’; *адым атмагъа ер олмамакъ* (букв. некуда ступить ногой) ‘находиться в тесноте’ и т. п.

Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в составе которых имеются слова со свободным и связанным значением: *юкъяу-*

гъа далмакъ (букв. нырять в сон) ‘засыпать’; *асрет чекмек* (букв. тянуть тоску) ‘тосковать’ и др.

Фразеологические выражения – это устойчивые сочетания, состоящие из слов со свободным значением и потому семантически членимые. Они делятся на две группы – номинативного и коммуникативного характера.

Фразеологические выражения номинативного характера – устойчивые обороты, состоящие из слов со свободным значением и называющие какие-либо предметы, явления: *мерамет эви* (букв. дом милосердия) ‘приют для одиноких стариков и инвалидов’; *бала багъчасы* ‘детский сад’, *Америка Къошма Штатлары* ‘Соединённые Штаты Америки’ и др. Фразеологическими выражениями номинативного характера можно считать также сверхсловные термины и номенклатуру разных сфер знаний и производства, которые называют и выражают специальные понятия и предметы: *ффрикатив сеслер* ‘фрикативные звуки’, *отъ къувугъы* ‘жёлчный пузырь’ и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера – это устойчивые предложения разного типа: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Из них только пословицы используются в переносном значении: *Къасап эвинде эт тапылмаз* (букв. В доме мясника мяса не найдётся.) Ср. рус. *Сапожник без сапог. Янь-лышмагъан – бир Алла* ‘Не ошибается – один Аллах’ и др.

3. Лексический состав крымскотатарских фразеологических единиц

Основная часть фразеологизмов состоит из разных категорий слов общенародного языка, которые используются в нём в свободном значении. В составе фразеологических единиц, особенно идиоматического характера, значения слов претерпевают изменения на семном уровне (процессы сужения, расширения, абстрагирования, обобщения значения) и в сочетании со значениями других компонентов фразеологических единиц формируют их новое, фразеологическое, значение.

Довольно значительную группу образуют фразеологические единицы, включающие в свой состав соматическую лексику. Соматизмы – это слова (реже – словосочетания), называющие части тела и

органы человека и животных: *агъыз* ‘рот’, *аякъ* ‘нога’, *баиш* ‘голова’, *бурун* ‘нос’, *козь* ‘глаз’, *къол (эль)* ‘рука’, *тиль* ‘язык’, *юрек* ‘сердце’ и др. Такие лексемы используются в составе фразеологических единиц в разных грамматических формах, свойственных именам существительным. Например, в словаре [8] встретилось следующее количество соматических фразеологизмов: с лексемами *агъыз* – 25, *аякъ* – 8, *баиш* – 36, *бурун* – 10, *козь* – 34, *къол (эль)* – 11, *тиль* – 16, *юрек* – 5 единиц.

Соматизмы в составе фразеологизмов определяют общий характер их семантики и способствуют формированию фразеологических полей. Так, наличие в составе фразеологических единиц лексемы *баиш* может свидетельствовать об их отнесённости к семантическому полю когнитивной (познавательной) деятельности человека: *баишын-дан чикъмамакъ кимнинъ* (букв. не выходить из головы кого) ‘постоянно помнить’, *баиш ишлемек кимнинъ* (букв. голова работает у кого) ‘соображать’.

Фразеологизмы с компонентом *баиш* могут характеризовать также эмоциональное и/или физическое состояние человека: *баишына беля ачмакъ кимнинъ* (букв. открывать беду на голову кого) ‘мучить’, *баишына юген кечирмек кимнинъ* (букв. надевать узду на голову кого) ‘держат в подчинении’ др. Фразеологизмы с компонентами *тиль*, *агъыз* обычно характеризуют и оценивают речевую деятельность человека: *тили къаишынмакъ кимнинъ* (букв. язык чешется у кого), *тильге (агъызгъа) тюшмек* (букв. попадать на язык кого) ‘становиться объектом сплетен’ и др.

Соматическая фразеология является языковой универсалией, т. е. встречается во всех языках мира. Этот феномен обусловлен особенностями физиологии и психологии человека, которые не зависят от его расовой и национальной принадлежности. Познание человеком окружающего мира происходит на базе ощущений, осуществляемых органами чувств, рецепторами – глаза, уши, нос, рот, язык. Кроме того, человеческое тело с младенческих лет является основным ориентиром человека в реальном физическом пространстве. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку «удобнее» соотносить прежде всего с частями своего тела, которые служили и служат мерой объёма, расстояния и положения

в пространстве [5, с. 41–42]. Психическая же деятельность человека (познание-мышление, эмоции и оценки), недоступная прямому наблюдению, моделируется человеком по образу и подобию реального мира.

В составе фразеологических единиц часто встречаются и имена числительные, набор которых обычно обусловлен особенностями этнической культуры. Так, в указанном выше словаре [8] встретились фразеологизмы с компонентами *бир* ‘один’ – 25, *дёрт* ‘четыре’ – 4, *къыркъ* ‘сорок’ – 3, *эки* ‘два’ – 9 единиц.

Можно выделить фразеологические единицы, в составе которых встречаются прилагательные цветообозначения в переносных, символических значениях: *акъ* ‘белый’: *акъ сюек* (букв. белая кость) ‘знать’; *къара* ‘чёрный’: *къара сюек* (букв. чёрная кость) ‘чёрнь’, *къара хабер* (букв. чёрная весть) ‘весть о несчастье’, *къаралар кий-мек* (букв. надевать чёрное) ‘быть в трауре’ и др.

В отдельную группу можно выделить так называемую этнокультурную фразеологию. Этнокультурный компонент значения можно обнаружить в содержании тех фразеологических единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, онимы (собственные имена) разного типа, предметы повседневного быта – одежда, обувь, пища, посуда, мебель, орудия труда и др. Примеры: *агъасы гъазы* (*гъазылардан*) *кимнинъ* (букв. его брат – *газы*) ‘человек, занимающий высокое общественное положение, обладающий властью, большим влиянием’ (*гъазы* – борец за ислам в средние века); *деве минареге чыкъкъанда* (букв. когда верблюд взберётся на минарет) ‘неизвестно когда, в неопределённом будущем, никогда’ (*деве* ‘верблюд’; верблюды в Крыму были типичным выючным животным вплоть до начала XX в.; *минаре* – минарет, с которого оглашается призыв к молитве – *эзан*); *дёрт тарафынъ къыбла* (букв. с четырёх сторон къыбла!) ‘уходи, убирайся на все четыре стороны!’ (*къыбла* – направление Мекки, Каабы, куда обращаются лицом во время молитвы); *къокъу чикъармакъ* (букв. выпускать хороший запах) ‘готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников ораза-байрам и

курбан-байрам’; *Алининъ къалпагъыны Велиге, Велининъ къалпагъыны Алиге кийдирмек* (букв. надеть колпак Али на Вели, а колпак Вели на Али) ‘совершить безрезультатный обмен, перестановку’; ср. рус. *променять шило на мыло*. (*Али* и *Вели* – типичные мужские имена крымских татар; *къалпакъ* – традиционный мужской головной убор, сшитый из мерлушки, и др.

В составе фразеологизмов могут встретиться лексемы, которые вне данного фразеологического оборота не используются. Например, лексема *запарт* сочетается только со словами *чекмек*, *бермек*, *алмакъ*: *запарт чекмек кимге* ‘критиковать, ругать, сильно избивать кого’. К этой же группе можно отнести звукоподражательные квазислова (ложные слова). В составе фразеологизма *арман* (*арман-серман*) *савурмакъ* в значении ‘разбить в бою, разбросать’ квазислову *серман* не имеет самостоятельного значения и в других контекстах не употребляется.

4. Семантико-грамматическая (частеречная) классификация фразеологических единиц

Распределение фразеологизмов по частеречным разрядам касается только тех единиц, которые выражают не законченную мысль, не суждение, а понятие и, следовательно, могут выполнять функции одного члена предложения. К таким единицам относятся прежде всего идиомы, фразеологические сочетания и фразеологические выражения номинативного характера. Традиционно выделяются субстантивные, глагольные, адективные, наречные и междометные фразеологические единицы.

Субстантивные фразеологические единицы (соотносительные с именами существительными) имеют грамматическое значение предметности. В предложении они выполняют синтаксические функции, свойственные именам существительным, однако их синтаксическая роль зависит от степени их семантической слитности. Идиомы выполняют преимущественно функции именного сказуемого: *капиксиз деллял, домуз огълу домуз, деведен къулакъ* и др. Фразеологические выражения номинативного характера могут выполнять в предложении синтаксические функции подлежащего, именного сказуемого, дополнения, обстоятельства: *Таврия девлет университети, Бутюндюнья къырымтатар конгресси, эдебий тиль* и др.

Адъективные фразеологические единицы (соотносительные с именами прилагательными) обозначают различные качества и признаки предметов. В предложении они выполняют функции именно-го сказуемого: *агъзы бар, тили ёкъ кимнинъ, аришын тили Шерифе, бир тахтасы етишимей (эксик) кимнинъ, анадан догъма, Алланынъ бахтлы къулу, акъылдан зайыф, бедавадан беш ашагъы, ашыны ашагъан, яшыны яшагъан* и др.

Самую большую в количественном отношении семантико-грамматическую группу образуют глагольные фразеологические единицы. Они обозначают действия и состояния предметов и выполняют функции глагольного сказуемого: *авасыны (дюдюгини) чалмакъ кимнинъ, агъзыны юммакъ, агъызгъа бермек кимни, ат ойнатмакъ, аякъ тюбюне алмакъ кимни, бир сёзге кельмек* и др.

Адвербиальные (наречные) фразеологизмы обозначают различные обстоятельства протекания действия и реализации состояния: *Адем атанынъ кунюнде, козь ачып юмгъандже, зерре къадар, деве минареге чыкъкъанда, аювлар къыркъылгъанда, агъзыны толдуруп (айтмакъ), бир бакъышта, экиде бир, адым сайын, он (къыркъ) йылда бир* и др.

Междометные фразеологические единицы выражают эмоции и оценки говорящего, его волеизъявления, а также обслуживают сферу речевого этикета: *Агъзына агъач кирсин! Алла бойнуны урсынъ! Амма да шей! Дёрт тарафынъ къыбла! Ана санъа! Айды шуны! Гедженъиз хайыр! Алла разы олсынъ! Ёлунъ ачыкъ олсынъ! Аллагъа шукюр!* и др.

Можно выделить также модальные (*догърусыны айткъанда, бир тарафтан, дигер тарафтан, шай этип*) и союзные фразеологизмы (*онынъ ичюн, шу себептен, онданъ долайы*).

5. Грамматическая структура фразеологических единиц

Как устойчивые сочетания слов, фразеологические единицы построены по определённым синтаксическим моделям, свойственным данному языку. Выделяют фразеологизмы, соответствующие по структуре словосочетаниям и предложениям.

1. Фразеологизмы, по структуре соответствующие словосочетаниям, в крымскотатарском языке представлены следующими моделями:

а) Падежная форма существительного + глагол: *авагъа савурмакъ нени, аякъ чалмакъ кимге, богъаз кермек* и др.

Эта же модель может быть осложнена падежными формами других существительных: *агъзыны ельге ачмакъ, акълы ерине кельмек кимнинъ, акълыны башына топламакъ, пириден деве япмакъ, устюне тоз къондурмамакъ кимнинъ* и др.

б) Имя прилагательное + имя существительного: *акъ сюек, къара къыш, къара сюек, сагъыр мелек* и др.

в) Имя существительное + имя существительное в различных грамматических формах (разного типа изафетные конструкции): *темель ташы ненинъ, акъыл хазинеси* и др.

Значительная группа фразеологических единиц построена по нерегулярным синтаксическим моделям: *ананъ яхшы, бабанъ яхшы демек кимге; азыргъа дуаджы; не сют, не ёгъурт* и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера имеют структуру разных типов предложений. Простые предложения – как односоставные, так и двусоставные: *Тавукъ сув ичер де, Аллагъа бакъар. Тиш этинден къарын тоймаз. Чокъ динле, аз сойле. Таздан таракъ сорама* и др. Сложные предложения разного типа – сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные с разными видами синтаксической связи между их составляющими: *Байнынъ парасы чокъ, фукъаренинъ – баласы. Иштен дост артар, ошектен – душман. Тыштан – безек, ичтен тезек. Узакъ ёл атны сынар, агъыр ёл – эрни. Кельсе – тёрюм бош, кельмесе – даа хош. Заман санъа уймаса, сен замангъа уй* и др. Как видно из приведённых примеров, подчинительные отношения между частями сложных предложения выражаются преимущественно интонационно, без союзов.

6. Крымскотатарская фразеология с точки зрения происхождения

Фразеологические единицы крымскотатарского языка с точки зрения происхождения можно разделить на следующие группы: исконно тюркские, собственно заимствования и фразеологические кальки. Среди исконно тюркских фразеологических единиц можно было бы выделить общетюркские и собственно крымскотатарские единицы. По мнению проф. Бекира Чобан-заде, современные тюркские язы-

ки сохранили бóльшую близость с языками предшествующих периодов, чем это наблюдается в других языковых семьях. Объяснение этому учёный видел в том, что тюркские народы, в связи с кочевым образом жизни, вплоть до XVII века были тесно связаны друг с другом [7, 118]. Учитывая сказанное, можно утверждать, что значительная часть крымскотатарской фразеологии относится к общетюркскому фонду: *эки аягъыны бир чызмагъа сокъмакъ кимнинъ, якъасына япышмакъ кимнинъ, сафсата сатмакъ, устюн чыкъмакъ, козю дёрт кимнинъ, козь боямакъ; Къызым, санъа айтам, келиним, сен динъле* и др. Ср. [3].

Среди ранних заимствований в крымскотатарском языке можно выделить устойчивые обороты из Корана: *Бисмиллях-ир-рахман-ир-рахим! Селям алейкум! Аллагъа шукюр! Аллагъа эманет! Эмир Алланынъ! Аллаху экбер! Иляхи я-Рабби! Ильхамдулillah мусульманым!* и др. Более поздние заимствования из русского языка представляют собой преимущественно кальки: *бир къазанда къайнамакъ* (ср. рус. *вариться в одном котле*); *ер тюбюнден тепип чыкъкъан киби* (ср. рус. *как из-под земли выскочить*); *коктен энген киби* (ср. рус. *как с неба свалился*) и др.

Особенно много кáлек среди фразеологических выражений номинативного характера, употребляемых в книжных (официально-деловом, публицистическом, научном) стилях: *Америка Къошма Штатлары, Къырым муэндислик-педагогика университети, Къырым Мухтар Джумхуриети, сёзнинъ лексик манасы* и др.

7. Основные способы фразеобразования

Основной способ образования крымскотатарских фразеологических единиц идиоматического типа – это метафорическое употребление свободных словосочетаний: *авагъа савурмакъ нени* (букв. *бросать в воздух что*) ‘безрассудно тратить’, *ёл ачмакъ кимге* (букв. *открывать дорогу кому*) ‘помогать, способствовать’, *пусласыны джоймакъ* (букв. *терять компас*) ‘растеряться, плохо ориентироваться’ и др.

Метонимия как особый тип переноса наименования тоже лежит в основе фразеологического значения идиом: *агъзына чёп биле алмамакъ* (букв. *ни соринки не брать в рот*) ‘голодать’, *агъзыны ачмамакъ* (букв. *не раскрывать рта*) ‘молчать’ и др.

Значение небольшого количества фразеологических единиц сформировалось на базе алогизма: *язда к̣яр ягъгъан сон* (букв. когда летом выпадет снег), *деве минареге чыкъкъанда* (букв. когда верблюды взберётся на минарет) ‘никогда’ и др.

8. Стилистическая характеристика фразеологических единиц

С точки зрения стилистической крымскотатарская фразеология может быть разделена на следующие разряды: разговорные-бытовые (диалектные), книжные и межстилевые фразеологические единицы.

Основная масса исконно тюркских фразеологических единиц крымскотатарского языка возникла в различных территориальных говорах и наречиях, поэтому их можно квалифицировать в качестве диалектно-разговорных образований: это преимущественно идиомы: *кемиги к̣ятмакъ кимнинъ, эбедий юкъугъа далмакъ* (букв. нырнуть в вечный сон) ‘умереть’, *бир текненинъ хамыры* (букв. тесто из одной миски) ‘одинаковые, подобные’ и др., а также пословицы и поговорки: *Озю айтмаса, козю айтыр* (букв. Сам не скажет – глаза выдадут). Ср. рус. *На воре шапка горит. Торгашины соймагъа да къасап керек* (букв. И воробья зарезать нужен мясник. Ср. рус. *Дело мастера боится* и др. Такие эмоционально-экспрессивные и образные устойчивые обороты употребляются в повседневной речи, а также в художественных произведениях как средство речевой характеристики персонажей.

К книжной фразеологии относятся сверхсловные термины и номенклатура различных сфер знания и общественного производства. Например, лингвистические термины: *хаберлик категориясы* ‘категория сказуемости’, *грамматик мана* ‘грамматическое значение’, *фонетик сёз* ‘фонетическое слово’ и др. Техническая номенклатура: *къол дрели, к̣ызув лампасы, электрик патрон, электрик сайыджы* и др. Химические термины и номенклатура: *азот экишилиги* ‘азотная кистота’, *атом чекиси* ‘атомный вес’, *броун арекети* ‘броуново движение’ и др. Как видно из приведённых выше примеров, все эти устойчивые номинативные единицы представляют собой кальки из русского языка.

В эту же группу (книжная фразеология) следует включить разного типа устойчивые обороты, используемые в официально-деловом

и газетно-публицистическом стилях: *ички ишлер органлары* органы внутренних дел, *миллий азлыкъ* ‘национальное меньшинство’, *тёгерек маса* ‘круглый стол’ и др.

Межстилевые фразеологизмы – это устойчивые обороты разного типа, которые употребляются во всех вариантах общенародного языка. Они нейтральны не только в стилевом, но и в эмоционально-оценочном отношении, т. е. не обладают образностью, не выражают различных эмоций и оценок: *сёз бермек кимге* ‘давать слово’, *сонъу не олса да* ‘как бы то ни было’, *ильк бакъышта* ‘на первый взгляд’ и др.

9. Системные (парадигматические и синтагматические) отношения в крымскотатарской фразеологии

Как и языковые единицы других уровней (фонемы, морфемы, лексемы и др.), фразеологизмы также образуют систему, структурируемую двумя видами отношений – парадигматическими и синтагматическими.

Парадигматические отношения (от греч. *parádeigma* – пример, образец) – это отношения между единицами одного или разных уровней, сгруппированными в мозге человека на основе различных ассоциаций. Например, сходство или смежность значений служит основой синонимии, гиперо-гипонимии, эквонимии, семантических полей. Соотносительная противоположность значений языковых единиц формирует антонимию, конверсию. Сходство формы проявляется в таких категориях, как полисемия, омонимия, паронимия.

Фразеологизмы, находящиеся между собой в указанных парадигматических отношениях, представлены в крымскотатарском языке группами разного объёма. Например, синонимические ряды состоят из двух – четырёх членов; понятие ‘умереть, скончаться’ передается устойчивыми оборотами *эбедий юкъугъа далмакъ*, *фани дюнъаны терк этмек*, *сонъки нефесини чыкъармакъ*, *козьлерини юммакъ*, *топракъка берильмек*; значение ‘быть похожими друг на друг в каком-либо отношении’ – *бир текненинъ хамыры*, *бир терекнинъ емиши*, *бир хыяр*, *бир мараз олмакъ*; ‘намеренно мешать кому-либо’ – *аякъ чалмакъ кимге*, *ёлуны кесмек кимнинъ*; ‘обманывать’ – *козь боямакъ*, *алдар агъачына миндирмек кимни*, *йымырта косьтерип*, *бор туттырмакъ кимге* и др. Как явствует из приведённых выше

примеров, это преимущественно стилистические и эмоционально-экспрессивные синонимы.

Фразеологические антонимы образуют небольшие в количественном отношении ряды: *башы (мийи, къафасы) ишлемек кимнинъ, акълы кесмек кимнинъ, фунты урмакъ кимнинъ – башы ишлемек кимнинъ, бир тахтасы эксик олмакъ кимнинъ, башы тобан толу кимнинъ* и др.

Многозначность в крымскотатарской фразеологии представлена преимущественно двумя значениями: *агъзына кельгенини айтмакъ – 1) говорить необдуманно, 2) говорить грубые слова, сквернословить; агъзында бакъла сыланмамакъ кимнинъ – 1) ‘быть многословным’, 2) ‘разглашать чужие секреты’; джаныны бермек – 1) ‘приносить себя в жертву’, 2) кимге ‘ничего не жалеть’; башына чыкъмакъ кимнинъ 1) ‘погубить кого-либо, принести большие неприятности кому-либо’, 2) ненинъ ‘успешно закончить начатое дело’* и др.

Фразеологические омонимы и паронимы в крымскотатарском языке встречаются реже. Омонимами можно считать устойчивые обороты *сёз бермек кимге* ‘давать возможность высказаться’ и *сёз бермек* ‘обещать, клясться’; козылерини юммакъ ‘скончаться’ и козылерини юммакъ ‘засыпать’. Различие их значений обусловлено различием их внутренней формы. В качестве паронимов могут быть квалифицированы устойчивые сочетания слов *къокъусы чыкъмакъ ненинъ* ‘о тайном деле – стать известным окружающим’ и *къокъу чыкъармакъ* ‘готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников ораза-байрам и курбан-байрам’.

Гиперо-гипонимические отношения обнаруживаются наиболее отчётливо среди фразеологических выражений номинативного характера. Например, гиперо-гипонимический ряд образуют лингвистические термины: *тургъун сёз бирикмеси (фразеологик бирлем) – фразеологик чатышмалар, фразеологик бирликлер, фразеологик бирлешмелер, фразеологик ибарелер; созукъ сеслер – ог сыра созукъ сес, арт сыра созукъ сес* и др.

Семантические поля также иллюстрируют системные парадигматические отношения в языке. Семантическое поле во фразеологии – это иерархически организованное множество фразеологических единиц, имеющих общую архисему. В крымскотатарской

фразеологии можно выделить семантические поля, характеризующие познавательную (когнитивную) деятельность человека, а также его эмоции.

Семантическое поле когнитивной деятельности человека, например, состоит из микрополей, называющих и характеризующих различные ощущения, восприятия, представления, память, воображение, мышление и речь [5]. Каждое из названных микрополей может члениться на семантические группы. Микрополе «память», например, представлено фразеологизмами, характеризующими процессы запоминания (*акълына синип къалмакъ кимнинъ, къулагъына купе этип асмакъ кимнинъ*), забывания (*акълынданъ чыкъмакъ кимнинъ, акъшам ашагъаныны унутмакъ*), вспоминания (*акълына кельмек кимнинъ*) и др. Микрополе «мышление» состоит из семантических групп фразеологических единиц, характеризующих целенаправленное мышление (*акълыны башына топламакъ, инджеден элемек*), в том числе и направленное на кого-либо, (*акъыл огретмек кимге, агъзына чайнап къаптырмакъ нени, башыны-мийини ашаммакъ кимнинъ*); оценивающих умственные способности человека с положительной и отрицательной сторон (*акълы еринде, агъзынен къуш тутмакъ, башы чакъмакъ кимнинъ; бир тахтасы эксик олмакъ кимнинъ, эки аякълы тувар*) и др.

Фразеосемантическое поле «эмоции человека» состоит из фразеологических единиц, характеризующих положительные и отрицательные эмоции и эмоциональные состояния: *дердини ачмакъ кимге, дёрт козьнен беклемек, джаныны агъыртмакъ кимнинъ, башыны кутмек кимнинъ, джаныны якъмакъ кимнинъ, башыны джоймакъ, башыны таштан ташкъа урмакъ, дели дамарына басмакъ кимнинъ* и др.

Системные синтагматические (от греч. *syntagma* – соединённое, вместе построенное) отношения – это отношения смежности, связи фразеологических единиц с другими единицами, которые реализуются в речи. Синтагматические отношения фразеологизмов отражаются в словарях с помощью грамматических помет *ким, кимнинъ, ненинъ, кимге, неге* и др. Эти пометы указывают на сочетаемость фразеологизмов с другими значимыми единицами языка

в тексте и, следовательно, на их роль в предложении. Например: *Меджит топнен кьомшунунь пенджерс джамыны озю сындырса да, Экремни агъызгъа берди.*

Подводя общие итоги, следует сказать, что крымскотатарский язык, более полувека функционировавший в условиях лингвоцида, сегодня делает первые шаги по пути реанимации всех участков своей системы и возрождения своей витальности. Фразеология – устойчивые обороты разного типа – один из важных участков системы языка, его душа, без которой язык не может полноценно функционировать, выполнять все необходимые социальные функции.

Литература

1. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Ленинград, 1946. – С. 45–69.
2. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Изд. 2. – Москва: Высшая школа, 1972. – С. 23–30.
3. Содыкова М. Русча-ўзбекча фразеологик лугат. – Тошкент: Фан, 1972. – 192 с.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Учебное пособие для вузов / Москва: Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. Учебное пособие для студентов университетов. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972. – 97 с.
6. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.
7. Эмирова А. М. Лингвистические взгляды Бекира Чобан-заде. – Східний світ. – Київ, 2002. – № 2. – С.113–120.
8. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

(Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 183. – Симферополь. – С. 205–208.)

Крымскотатарский язык, который после депортации народа перестал функционировать в полном объёме, сегодня делает первые шаги по пути возрождения своих коммуникативных возможностей: пишутся научные работы теоретического характера, создаются учебные пособия для средней и высшей школы, различного рода словари, предназначенные для практического освоения языка. Однако сегодня наиболее важным аспектом изучения крымскотатарского языка является социальный: чтобы открывать необходимое количество школ, издавать оптимальный тираж газет, журналов и художественной литературы, следует выяснить, каков социальный статус языка в данном государстве; каковы его демографическая и коммуникативная мощности; какова языковая компетенция представителей различных социальных групп, т. е. понимают ли они крымскотатарскую речь, умеют ли говорить, читать и писать на родном языке; каким типом письма (графики) пользуется данный народ; какова языковая ситуация и языковая политика в том государстве, где проживает данный народ; какова функционально-стилистическая структура языка, в частности, имеет ли он такой вариант, как литературный язык, и каков уровень его кодификации.

Раздел языкознания, который изучает данные вопросы, называется социальной лингвистикой (социолингвистикой). В данной работе рассматриваются следующие социолингвистические проблемы: 1. социальный статус крымскотатарского языка; 2. понятие родного языка; 3. языковая компетенция крымских татар; 4. коммуникативная мощность крымскотатарского языка; 5. литературный язык и уровень его кодификации; 6. крымскотатарская графика; 7. проблемы крымскотатарско-русской интерференции.

1. Социальный статус крымскотатарского языка

Известно, что крымскотатарский язык до 1941 г. имел статус государственного языка. После начала процессов репатриации в конституции АРК (1992–1998) он опять получил этот статус вместе с укра-

инским и русским языками. Однако сегодня согласно конституции Украины (1996) и АРК (1998) он (наряду с русским языком) имеет статус языка национального меньшинства. В нынешних условиях, когда у крымских татар нет своей государственности, существуют следующие пути изменения социального статуса крымскотатарского языка: 1) добиваться придания ему статуса официального языка в АРК, 2) добиваться статуса регионального языка или 3) языка коренного народа. Только с восстановлением государственности крымскотатарский язык может приобрести статус государственного языка. Сегодня лозунги о придании крымскотатарскому языку статуса государственного языка не могут быть реализованы без изменения конституций Украины и АРК.

2. Понятие родного языка

В статьях автора о языковой компетенции крымских татар обобщены результаты предварительных наблюдений, в том числе и на базе анкетирования. В этом вопросе сегодня отсутствует точная статистика. Однако некоторую информацию к размышлению дают результаты всеукраинской переписи населения 2001 г.: 93% крымских татар назвали родным крымскотатарский язык; 0,6 % – украинский, 5,9% – русский языки. И это при том, что переписчики не объясняли людям, что понимать под родным языком. В социолингвистике существует два толкования понятия «родной язык»: 1) язык, усваиваемый ребёнком в раннем детстве путем подражания речи взрослых; 2) язык самоидентификации с этносом. Встречается ещё одно определение: родной язык – это язык, на котором человек мыслит (думает). Это ненаучное определение часто используется в целях дезориентации и политической спекуляции.

Приведённые выше статистические данные не отражают реального положения дел: количество активно владеющих крымскотатарским языком несомненно, меньше, однако эти данные согласуются с сегодняшним менталитетом крымских татар, стремящихся возродить свою культуру и свой язык.

3. Языковая компетенция крымских татар

Термин «языковая компетенция» используется в современной науке (в разных значениях: как знания человека о языке (знание языко-

вых единиц разных уровней, правил их изменения, сочетания друг с другом и др.) и как владение языком (использование этих знаний в процессах общения). Последнее поэтому часто называют также коммуникативной компетенцией.

Языковая компетенция крымских татар имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже располагаются в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание речи, воспринимаемой на слух; говорение; понимание речи, воспринимаемой в письменной форме; чтение и письмо. Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и на пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях не культивировалось. Что же касается восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти способности представителей новых генераций крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались.

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1) симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся во всех общественных сферах родным и русским языками; 2) асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3) асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Наиболее многочисленна 2-ая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: 1) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего

возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); 2) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русских школах (говорят только на родном языке).

Количество детей, изучающих родной язык в школе, очень незначительно. Например, в 2008/2009 учебном году во всех школах Крыма обучались 34610 детей крымскотатарской национальности, из них 2935 – в 15 школах с крымскотатарским языком обучения; 2725 – в крымскотатарских классах, на базе школ с другим языком обучения; 22907 изучали родной язык как предмет или в факультативной форме (1–2 часа в неделю). Не изучали родного языка 6043 школьника. В последний год заметного увеличения количества детей крымскотатарской национальности, изучающих родной язык, не замечено. (Информация к размышлению: по мнению учёных, язык умирает, если половина детей школьного возраста не владеют активно родным языком.)

4. Коммуникативная мощьность крымскотатарского языка

В социалингвистике под коммуникативной мощьностью языка понимается количество социальных сфер, обслуживаемых данным языком. Иначе – это количество выполняемых языком социальных функций. Крымскотатарский язык используется преимущественно в качестве «семейного» языка в форме старых территориальных говоров и наречий. Литературный вариант языка, т. е. его нормированная форма, используется также в средствах массовой информации, в художественной литературе и с известными ограничениями – в науке. К сожалению, указанные социальные сферы сами по себе ограничены. Например, как было сказано выше, в Крыму функционируют только 15 крымскотатарских школ; ограниченным тиражом издаются 3 республиканские газеты и 4 журнала. В таком узком коммуникативном пространстве язык не имеет оптимальных условий для развития и обогащения.

5. Литературный язык и уровень его кодификации

Литературный язык, как известно, характеризуется полифункциональностью, стилистической дифференциацией, бóльшей или мень-

шей обработанностью и нормированностью. Нормы литературного языка – это совокупность обязательных для всех носителей языка правил употребления языковых единиц в речи, их изменения, сочетания друг с другом, написания и произношения. Эти нормы должны быть кодифицированы, т. е. систематизированы и описаны в монографиях, учебных пособиях и ортологических словарях. Нормы литературного языка призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации – обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого литературного языка не могут развиваться образование, наука, искусство, общественно-политические институты.

Каково сегодня состояние крымскотатарского литературного языка и его норм? Более или менее непротиворечивый свод правил орфографии слов и словоформ разработан усилиями довоенных и современных ученых. И тем не менее учителя средних школ, преподаватели вузов, писатели и журналисты испытывают большие трудности в этом плане, о чём свидетельствует разноречивость в написании одних и тех же слов на страницах газет, журналов и учебных пособий.

Хуже обстоят дела с нормами словоупотребления, грамматическими и орфоэпическими. Необходимы специальные ортологические словари (правильностей и трудностей) с разработанной системой транскрипции. До сих пор не создан даже толковый словарь крымскотатарского языка, который призван регламентировать правильное употребление слов в речи (в соответствии с их лексическим значением), их написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

6. Крымскотатарская графика

Крымскотатарское письмо за последние семьдесят лет реформировалось несколько раз: до 1929 г. – арабское письмо, с 1929 по 1938 гг. – латиница, затем – кириллица, которой крымские татары пользуются по сей день. Эти реформы, как известно, были продиктованы политическими соображениями – ускорить процессы советизации и ассимиляции нерусских народов России. Сегодня впервые за всю историю развития крымскотатарского языка представилась возможность провести реформу графики, исходя не только из изменившихся геополитических условий (а они, действительно, карди-

нально изменились), но и из потребностей оптимизации процессов развития крымскотатарского языка и системы образования на этом языке.

В апреле 1992 г. в г. Симферополе была проведена международная научная конференция, посвященная проблемам перехода на латинскую графику. Новый алфавит был разработан и принят в сентябре того же года, а в 1997 г. легитимирован Верховным Советом Крыма. Сегодня всё ещё функционирует кириллица, однако крымскотатарские средства массовой информации стали активно пользоваться новой графикой. При этом бросаются в глаза орфографические и пунктуационные расхождения в оформлении текстов. Латинизация крымскотатарской графики – проблема чрезвычайно сложная, со своими «за и против». Приходится констатировать, однако, что процесс этот уже необратим: все три республиканские крымскотатарские газеты, а также телевидение пользуются латиницей (вперемежку с кириллицей). Проблема сегодня состоит в том, чтобы справиться с ситуацией с наименьшими потерями для языка и его носителей.

В связи с активизацией деятельности Всемирного конгресса крымских татар и его Координационного совета, направленной на консолидацию усилий всемирного сообщества крымских татар в деле сохранения своей национальной идентичности, возрождения и дальнейшего развития своей культуры, на повестку дня сегодня остро встал вопрос о широком внедрении в практику коммуникации латиницы, что потребовало составления правил транслитерации с кириллицы на латиницу, а также оптимального свода правил орфографии и пунктуации. Для этих целей на базе РВУЗ КИПУ под руководством проф. А. Эмировой была создана рабочая группа из десяти филологов. Результатом работы явился проект «Правила крымскотатарской орфографии и пунктуации», презентация которого состоялась в конце мая 2010 г.

7. Проблемы крымскотатарско-русской интерференции

Интерференция – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся преимущественно при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Феномен крымскотатарско-русской интерференции отличается от классической модели, при которой, как выделено выше, только во втором (заимствованном) языке наблюдаются отклонения на разных уровнях языковой системы. Крымскотатарско-русская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись.

Взаимодействие крымскотатарского и русского языков началось, как известно, после завоевания Крыма Россией (1783). На первых этапах оно было спорадическим и проявлялось в классической форме: второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции, однако до тотальной депортации народа вектор интерференции оставался прежним: в русской речи крымских татар родной язык влиял на русский, что проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях.

Начиная с 1944 г. (после депортации) вектор интерференции стал кардинально меняться: при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ и активизации процессов формирования смешанных браков русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию, разрушение последнего и даже его частичное отрицание.

Сегодняшний крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Можно говорить о двух типах билингвизма, характерного для крымских татар: дополнительного (билингв использует русский язык без потери крымскотатарской языковой компетенции) и замещаемого (билингв теряет компетенцию в родном языке по мере овладения русским). К этому следует добавить и большое количество монолингвов, с рождения общающихся только на русском языке.

Вектор интерференции в современных условиях направлен от русского языка к крымскотатарскому: русский язык, который является первым языком для значительной части крымских татар детского, молодого и среднего возраста, активно влияет на все участки системы крымскотатарского языка. На уровне лексики это проявля-

ется в наличии большого количества лексических заимствований и калек разного рода – словообразовательных, семантических, фразеологических; на уровне синтаксиса – в нарушении фиксированного порядка слов, характерного для тюркских языков; на фонетическом (речевом) уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов и др.

Как следует из вышесказанного, сегодня остро стоит вопрос о возрождении и развитии крымскотатарского языка. Возрождать язык – значит развивать и совершенствовать его в такой мере, чтобы он мог быть использован во всех социальных сферах. Эта проблема имеет два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. Социально-политический аспект предполагает определение оптимального социального статуса языка (см. выше пункт 1), расширение системы воспитания и образования на родном языке (см. пункты 2 и 3), расширение функционального пространства крымскотатарского языка (см. пункт 4). Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1) сбор и фиксация на современных носителях всех сохранившихся говоров и наречий; 2) кодификация и оптимизация норм литературного языка (см. пункт 5).

Литература

1. Эмирова А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 1. – С. 83–86.

2. Эмирова А. М. Мовна ситуація та мовна політика в Криму // Ж. Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – Київ, 1998. – № 6. – С. 121–126.

3. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Материалы международной научно-практической конференции. – Киев, 1999. – С. 25–30.

4. Эмирова А. М. Современная языковая ситуация в Крыму // Актуальные вопросы инновационной деятельности в государствах с переходной экономикой. Матер. междунар. научно-практич. конф. к 80-летию НАН Украины. – Симферополь, 2001. – С. 199–201.

5. Эмирова А. М. Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.

КОММЕНТАРИЙ К ЗАКОНОПРОЕКТУ «О ЯЗЫКАХ В УКРАИНЕ»

(Крымский политический диалог 2010. – Москва, 2011. – С. 203–208.)

Законопроект «Про мови в Україні» внесён депутатами Е. Кушнарёвым и А. Ефремовым 7 сентября 2010 г.

В преамбуле законопроекта, в разделе 1, а также в «Пояснительной записке» к нему охарактеризованы новые социально-политические условия в Украине (и Европе), потребовавшие разработки и принятия нового закона о языках, а также подробно изложены основные принципы использования языков в Украине. Сказанным выше объясняется избранный в нашем отзыве принцип и порядок анализа содержания рецензируемого документа – по разделам, с цитированием фрагментов отдельных статей и необходимыми комментариями к ним.

Законопроект состоит из преамбулы, 11 разделов и 33 статей. В разделе 1 «Общие положения» (ст. 1–9) определены ключевые термины (ст. 1), цели и задачи законодательства Украины о языках (ст. 2); декларировано право граждан Украины на языковую самоидентификацию (ст. 3); намечены основы украинского языкового законодательства и определена роль Конституции Украины как базовой правовой основы в данной сфере (ст. 4); заявлены цели и принципы государственной языковой политики (ст. 5); определен социальный статус украинского и русского языков (ст. 6–7) и др.

В ст. 1 обращает на себя внимание смешение терминологии разных сфер знаний – социологии и социальной лингвистики: языковая группа, языковое меньшинство, региональная языковая группа, территория, на которой распространён региональный язык – термины социологии; региональный язык – термин социолингвистики. Кроме того, здесь отсутствуют такие ключевые термины, как государственный язык, официальный язык, миноритарный язык, язык межнационального общения, исчезающий язык, суржик и др. Особенно важна дифференциация первых двух терминов – *государственный язык* и *официальный язык*, т. к. они имеют одинаковый объём понятия (выполняют наиболее важные функции в государственной и обществен-

ной жизни) и потому часто используются как синонимы. Однако они различаются правовым статусом: государственный язык, наряду с гербом, флагом и гимном, является в Украине символом государственности.

Особое положение среди ключевых терминов социолингвистики занимает термин *родной язык* (ст. 3), понятийное содержание которого интерпретируется неверно: «язык, на котором человек думает». Приведённая дефиниция содержательно неясна, что позволяет использовать этот термин в целях политических спекуляций.

Следовало бы наконец объяснить разницу, если она есть, между понятиями *язык меньшинства* и *региональный язык*, потому что даже в Хартии они не разграничиваются достаточно чётко: «...термин региональные языки или языки меньшинств означает языки, которые: I) традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства, и II) отличаются от официального языка (языков) этого государства...» [Хартия, часть 1, ст. 1]. Эта же неясность остается и в рецензируемом законопроекте: ст. 8 называется «Регіональні мови України або мови меншин України». Если эти термины имеют разное понятийное содержание, то следует писать не *или (або)*, а *и (і, й, та)*: союз *или (або)* имеет грамматическое значение исключения. Имеется и другое значение союза *или* – как ‘то есть’ (значение идентификация). Эта неясность в семантизации союза *или*, думается, связана с неточным переводом данной конструкции с английского языка.

Ст. 7 специально посвящена русскому языку и украинско-русской двуязычности. При этом авторы законопроекта молчаливо исходят из того, что русский язык является одним из региональных языков Украины: «...сприяння використанню російської, інших регіональних мов або мов меншин » (ст. 5, п. 3); «...для осіб, які здобували повну загальну середню освіту російською, іншою регіональною мовою...» (ст. 21, п. 9) и т. п. (Ср. аналогичную формулировку в ст. 10 действующей Конституции Украины: «В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины».)

Русский язык действительно занимает особое положение среди других языков Украины (не считая украинского, как государственного языка): он является наиболее функционально активным языком для всех жителей Украины независимо от их национальной принадлежности; языком межнационального общения, что зафиксировано в действующем законе «О языках в Украинской ССР» (см. Преамбулу, ст. 4 и др.); рабочим и официальным языком ООН. Из сказанного следует, что русский язык должен иметь иной статус, нежели язык национального меньшинства. Об этом же говорится в отчёте комитета экспертов Совета Европы о выполнении Хартии Украиной, представленном 27 ноября 2008 г. (п. 58, 79 и др.). В то же время комитет экспертов заявляет, что определение статуса языка является вопросом внутренней политики Украины.

Думается, выход из этого положения состоит в том, чтобы придать русскому языку в Украине статус официального языка, для чего следует внести поправку в соответствующую статью Конституции Украины. (См. выше о необходимости разграничения понятий *государственный язык* и *официальный язык*.)

Содержание разделов II (Мова роботи органів державної влади, органів місцевого самоврядування, судочинства, економічної і соціальної діяльності), III (Мова освіти, науки, інформатики і культури) может быть принято с учётом высказанных выше соображений и замечаний.

В ст. 25, п. 3 раздела IV (Мова у сфері інформації і зв'язку) не аргументировано процентное соотношение вещания на телевидении разными языками: почему на украинском языке – 60%, на русском – 20%? И что значит «...іншими регіональними мовами мають відповідати чисельності регіональних мовних груп і визначаються самими мовниками»?

Особого внимания заслуживает раздел V (Мови назв), который регулирует написание собственных имён разного типа (прежде всего – топонимов и антропонимов) в официальных документах. Предложено два способа передачи собственных имён с украинского языка на региональные – транслитерация (передача буквенного облика названия, имени) и транскрипция (передача звукового состава имени). На первый взгляд, такой подход к решению проблемы представляется пра-

вомочным и гибким. Однако здесь необходимы некоторые уточнения. Например, в ст. 28, п. 1 написано: «У межах території, на якій поширена регіональна мова, що відповідає умовам частини третьої статті 8 цього Закону, поруч із топонімом державною мовою відтворюється його відповідник цією регіональною мовою. У разі потреби наводиться латиноалфавітний відповідник (транслітерація) топоніму, поданого державною мовою». Возникает вопрос: как быть с регионами, в которых будет функционировать несколько региональных языков?

Неясной по содержанию является формулировка: «Регіональними та іншими мовами імена громадян України подаються відповідно до встановлених нормативів» (ст. 28, п. 2). Что это за нормативы?

Содержание данной статьи 28 может спровоцировать и конфликтные ситуации, о чём см. ниже – во фрагменте данной экспертизы, посвящённом крымскотатарскому языку как одному из миноритарных языков Украины.

В разделе VIII (Виконання закону України «Про мови в Україні») перечислены органы власти разного уровня, отвечающие за выполнение настоящего закона о языках. Думается, что в данный перечень следует добавить Государственный комитет по делам национальностей и религий Украины, который сегодня отвечает за имплементацию Украиной положений Хартии.

Содержание разделов X (Прикінцеві положення) и XI (Перехідні положення) может быть принято в целом с учётом высказанных выше соображений и замечаний. Однако в перечне законов Украины, в которые следует внести изменения (раздел XI), отсутствуют конституции Украины и АРК. Возможно, именно в этих основных законах должно быть отражено изменение статуса русского (см. выше) и крымскотатарского (см. ниже) языков.

Как специалист в области русской и крымскотатарской филологии, занимающийся в течение последних двадцати лет проблемами возрождения крымскотатарского языка и видящий их «изнутри», считаю необходимым в настоящем экспертном отзыве отдельно остановиться на крымскотатарском языке как объекте нового закона о языках в Украине.

Из 13 национальных меньшинств, языки которых Украина обязалась защищать и способствовать их развитию в рамках «Европей-

ской хартии региональных языков или языков меньшинств», только крымские татары подверглись тотальной депортации (1944 г.) и почти полвека насильственно удерживались в местах ссылки. В течение этого времени несколько поколений крымских татар не имели возможности изучать родной язык в учебных заведениях; к этому прибавилось увеличение количества смешанных браков, в которых общение и воспитание детей велось преимущественно на русском языке. Указанные факторы нанесли огромный ущерб всей системе крымскотатарского языка.

В соответствии с параметрами оценки состояния языка, разработанными ЮНЕСКО (передача языка от поколения к поколению; абсолютное число говорящих; отношение числа говорящих на данном языке к общей численности этнической группы; изменение сфер использования языка; учебные материалы и уровень грамотности на данном языке и др.), крымскотатарский язык сегодня считается языком, находящимся в серьёзной опасности, входит в список исчезающих языков. Проведённые мною социолингвистические исследования свидетельствуют о том, что для крымских татар характерно асимметричное двуязычие с преобладанием русской составляющей, а для значительного количества детей и людей молодого и среднего возраста – одноязычие (русский язык).

Из сказанного выше следует, что крымскотатарский язык не следует ставить в один ряд с языками других национальных меньшинств. В этой связи рассмотрим некоторые положения рецензируемого законопроекта в их проекции на крымскотатарский язык.

Согласно ст. 8, п. 4, численность региональной языковой группы на определённой территории определяется на основе данных Всеукраинской переписи населения. В переписных листах Всеукраинской переписи населения 2001 г. в графе «Ваші мовні ознаки» требовалось ответить на вопрос «рідна мова» – без всяких комментариев к нему. Естественно, что «простому» человеку без помощи переписчиков правильно ответить на этот вопрос было трудно. К тому же, как известно, переписчиков не инструктировали по этому и другим вопросам анкеты.

В новом переписном листе, подготовленном для предстоящей в декабре 2011 г. Всеукраинской переписи населения, в указанной

графе имеется комментарий: Ваша рідна мова (перша мова, засвоєна Вами вдома у ранньому дитинстві). Однако в социолингвистике существует ещё одно значение данного термина: родной язык – это язык самоидентификации с этносом. Для крымских татар, желающих возродить свою национальную культуру, базой которой является язык, это очень важный момент. Только с учётом данного определения можно адекватно исчислить количественный состав региональной языковой группы. Следовательно, будущих переписчиков накануне предстоящей переписи необходимо инструктировать. От этого, как видим, будет зависеть определение социального статуса языка.

Следующим важным для крымских татар вопросом является возрождение традиционной топонимии – названий городов, сёл, гор, рек, водоёмов и прочих природных урочищ, которые после депортации народа были директивным порядком переименованы. Вопрос этот поднимается крымскотатарской общественностью с конца 80-х годов, однако власть безмолвствует. Особая трудность здесь заключается в том, что некоторые современные топонимы совершенно не совпадают с традиционными крымскотатарскими (*Евпатория – Кезлев, Феодосия – Кефе, Белогорск – Къарасубазар*), а другие переведены с крымскотатарского на русский язык (и соответственно на украинский) способом калькирования, т. е. буквального перевода частей наименования (*Аю-Даг – Медведь-гора, Демирджи – Кузнец-гора*). Как же в этих случаях будет выполняться требование ст. 28, п. 1: «...поруч із топонімом державною мовою відтворюється його відповідник цією регіональною мовою», – тем более когда на данной территории будут функционировать два региональных языка – крымскотатарский и русский?

И наконец, самый важный, судьбоносный для крымских татар вопрос, – это воспитание и образование на родном языке на всех ступенях образовательной системы: детские сады, средние и высшие учебные заведения. Думается, что для возрождения и дальнейшего развития крымскотатарского языка с учётом всех его названных выше особенностей (язык, находящийся под угрозой исчезновения; язык репрессированного народа, подвергшийся лингвоциду, т. е. поставленный в условия, при которых сузились все социальные сфе-

ры его функционирования и распалась его стилистическая система; язык коренного народа; язык, носители которого не имеют своей государственности вне территории её исторического формирования и их современного проживания; язык народа, занимающего по численности третье место в АРК), существует только один путь: придать ему статус официального языка Украины (наряду с украинским и русским языками) и преподавать его в обязательном порядке во всех звеньях образовательной системы АРК, как это было до депортации крымскотатарского народа. Решение этого вопроса – в компетенции ВР Украины и АРК. Параллельно, в рамках процессов имплементации положений Хартии в Украине, можно добиваться официально утверждения крымскотатарского языка в статусе регионального языка.

Думается, высказанные выше оценочные соображения и предложения, в случае их принятия, будут способствовать гармонизации межнациональных отношений в Украине, в том числе в Крыму, и, следовательно, укреплению нашего общего – украинского – дома.

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА СЛОВАРЯ У. КУРКЧИ «КЪЫРЫМТАТАРДЖА-РУСЧА ФРАЗЕОЛОГИК УЙГЪУНДАШЛАР ЛУГЪАТЫ»

(Куркчи У. Крымскотатарско-русский фразеологический словарь. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. – С. 3–8.)

Крымскотатарская фразеология в течение многих лет собиралась У. Куркчи. В 1987–1989 гг. в десяти номерах журнала «Йылдыз» (Ташкент) были опубликованы фрагменты из его толкового фразеологического словаря под названием «Сёз бирикмелери» (буквы А – К, около 1000 фразеологических единиц). Представленный в указанном журнале материал свидетельствовал о том, что рукописи словарей У. Куркчи нуждаются в тщательном научном редактировании, учитывающем последние достижения теории фразеологии и фразеографии (науки о составлении разного типа фразеологических словарей).

В начале 90-х годов я обратилась с письмами к У. Куркчи с предложением помощи – научного редактирования его рукописей с целью их издания в Крыму. Однако он отказался от моей помощи, мотивируя это тем, что рукописи у него имеются в единственном экземпляре. После кончины учёного (1996 г.) я неоднократно говорила на эту тему с директором Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского А. Эмировым и просила его содействия в деле передачи рукописей У. Куркчи из Узбекистана в Крым. Стараниями А. Эмирова и с его участием в Киеве была создана комиссия по возвращению культурных ценностей, и в 1999 г. в названной библиотеке состоялась презентация части архива У. Куркчи. В нём имеются рукописи двух его фразеологических словарей (в машинописной форме) – переводного (крымскотатарско-русского) и толкового. В каждом из них – более 5000 фразеологических единиц.

Сегодня представляется необходимым начать с издания первого словаря, названного автором «Къырымтатарджа-русча фразеологик уйгъундашлар лугъаты» (буквально: «Крымскотатарско-русский словарь фразеологических соответствий» – 216 с. машинописи), что позволит апробировать и оптимизировать методы работы и приёмы подготовки к изданию второго, более ценного, словаря – «Къы-

рымтатар тили фразеологизмлерининъ анылатмалы лугъаты» («Толковый словарь крымскотатарской фразеологии»)

Для подготовки указанных словарей к изданию по инициативе Рескомнаца АРК 26 февраля 2010 г. была создана рабочая группа под моим руководством. Непосредственная работа над подготовкой оригинала (машинописи) словаря к изданию началась 20 июня 2010 г. Знакомство с текстом оригинала обнаружило, что в нём имеются разного рода формальные недочёты, во многом обусловленные ограниченными возможностями пишущей машинки (отсутствие разного вида кеглей, шрифтов, скобок и т. п.). Однако основные – содержательные (связанные со значением фразеологических единиц и их представлением в словаре) – недостатки обусловлены слабой разработанностью теории фразеографии в те годы, когда У. Куркчи собирал фразеологические единицы обоих языков.

Замеченные недостатки рукописей сводятся преимущественно к следующему. Не всегда верно определены инвариантные (основные) формы фразеологических единиц: оборот *козь бояв* – ‘отвод глаз’ должен быть подан в словаре в форме *козюни боямакъ кимнинъ* – *замазывать глаза кому*. Словоформа *башкъасыны* не входит в состав фразеологизма *агъызгъа башкъасыны бермек*, а показывает лишь грамматические связи этого фразеологизма с другими компонентами предложения. Данный фразеологизм должен быть включён в словарь в основной форме *агъызгъа бермек ким, кимни*. Оборот *козьге ким чалынса [чарпса]* является парадигматической формой фразеологизма *козюне чалынмакъ [чарпмакъ] не, кимнинъ* и потому не должен включаться в словарь как самостоятельная единица.

Частным случаем такого же рода ошибки (неверное оформление инварианта) является включение в состав фразеологизма в словарной статье слов обязательного (типового) окружения, т. е. слов (словоформ) с прямым значением, без которых фразеологические единицы в речи не употребляются, или, наоборот, их отсутствие. В паре *козь-козьге тюртсень бир шей корюнемей* – *ни зги не видно* выделенные жирным шрифтом слова не входят в состав устойчивых оборотов, а являются их обязательным окружением. И наоборот, фразеологизм *козь бебеги киби* подан в словаре без слов обязательного

окружения *сакъламакъ, къорчаламакъ*; основная форма его – *козь бебеги киби* (*сакъламакъ, къорчаламакъ*) *ким, кимни, нени*.

Не во всех словарных статьях имеются необходимые грамматические пометы – относительные местоимения *ким, не, кимнинъ, ненинъ* – *кто, что, кого, чьё* и др., с помощью которых эксплицируются грамматические связи фразеологизмов с другими компонентами текста. Например, в рукописи словаря дано *джаны богъазына кельмек* – *язык на плече*, следует подать их с грамматическими пометами: *джаны богъазына кельмек кимнинъ* – *язык на плече у кого*.

Отдельная сложная проблема – представление в словаре многозначных, омонимичных и синонимичных фразеологических единиц, для дифференциации которых требуется в крымскотатарской части словарной статьи дать толкование их значений. Так, например, в оригинале поданы фразеологизмы, находящиеся в сложных парадигматических отношениях – полисемии, синонимии и неполной омонимии:

Авагъа савурмакъ нени (исраф этмек) *бросать [кидать, швырять, пускать] на ветер*.

Авагъа савурылмакъ не / *патлап гъайып олмакъ; исраф этильмек* / *взлетать [взлететь] на [в] воздух; бросать [кидать, пускать] на ветер*.

С учётом сказанного выше их следует поместить в словаре в нижеследующем виде:

Авагъа савурмакъ нени ‘исраф этмек’ – *бросать [кидать, швырять, пускать] на ветер что*.

Авагъа савурылмакъ не:

1. *патлап гъайып олмакъ* – *взлетать [взлететь] на [в] воздух;*

2. *исраф этильмек* – *бросать [кидать, швырять, пускать] на ветер что*.

Особую трудность представляет оформление разного типа фразеологических вариантов: лексических, формально-грамматических, факультативных, чему автор словаря, У. Куркчи, придавал особое значение. (См. предисловие «От автора».) Эта трудность связана с тем, что в оригинале машинописи не всегда верно определены границы фразеологических единиц (см. выше об инвариантных формах вокабул). Такую подготовительную работу не сможет выполнить

корректор или оператор компьютера, это под силу лишь специалисту-филологу, знакомому с теорией фразеологии и фразеографии, т. е. научному редактору.

Кроме указанных выше трудностей, в оригинале встречаются и другие проблемные формальные и содержательные моменты, которые требуют научного осмысления и корректного решения.

Для подготовки рукописи словаря к изданию выполнены следующие виды работ: ксерокопирование машинописных текстов оригинала; перенесение их на электронные носители; сличение текста оригинала и его электронного варианта (первая корректура с учётом норм орфографии и пунктуации современного крымскотатарского языка); содержательная и формальная корректура крымскотатарской и русской частей словаря; написание настоящего предисловия; составление инструкции для корректора и оператора (наборщика) по выбору шрифта, кегля и других полиграфических знаков, необходимых в структуре словарной статьи и во всём корпусе словаря; набор подготовленного текста в электронном формате; корректирование (многоразовое) набранного текста и др.

В заключение следует сказать, что У. Куркчи, живя в провинциальном городке Маргилан (Узбекистан), в силу разных причин не занимался активной научной деятельностью и не был знаком с основными работами в области теории фразеологии и фразеографии. (Отсюда те недочёты оригинала, о которых говорилось выше.) Тем не менее, его многолетняя подвижническая работа по сбору крымскотатарской фразеологии (около 5000 идиом) – это научный подвиг, достойный восхищения и благодарности потомков.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ «ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ»

(Культура народов Причерноморья, № 197. – Т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 180–181.)

Как показывает социальная практика последних почти 20 лет, в Украине отсутствует целостная концепция корректной языковой политики. Украина до сего дня живет в рамках «Закона о языках в Украинской ССР», принятого 28 октября 1989 г. После обретения Украиной независимости (24 августа 1991 г.) были предприняты попытки языкового строительства в новых социально-политических условиях, с учётом новых реалий, в частности – образования Автономной Республики Крым и массовой репатриации крымских татар. Так, 2 мая 1996 г. Украина подписала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», принятую мировой общественностью 5 ноября 1992 г. в Страсбурге (Франция), а 24 декабря 1999 г. ратифицировала её. Однако уже 12 июля 2000 г. Конституционный Суд Украины принял решение о неконституционности данного Закона в связи с его несоответствием новым правилам подписания и официального опубликования законов Украины. Повторная ратификация Хартии произошла 15 мая 2003 г., но только с 1-го января 2006 г. она вступила в силу. Согласно ст. 2 закона Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», Украина взяла на себя обязательства защищать 13 языков малых народов, среди которых назван и крымскотатарский язык, и способствовать их развитию.

Сегодня статус языков на Украине и отношения между ними регулируются в какой-то степени старым Законом о языках в Укр. ССР, а также Конституцией Украины, принятой 28 июня 1996 г. (ст. 10, 11, 24, 53, 92 и др.), а в Крыму – в том числе Конституцией АРК от 12 октября 1998 г. (гл. 3, ст. 10–13). Крымскотатарский язык, согласно конституциям АРК и Украины, сегодня имеет статус языка национального меньшинства.

Согласно статье 15.1 Хартии, Украина должна была представить Генеральному секретарю Совета Европы первый отчётный доклад о

мерах, принятых во исполнение положений Хартии, через год после вступления Хартии в силу; другие отчёты – с трёхгодовичным интервалом после представления первого отчёта. Первый отчёт был представлен 1 августа 2007 г. Комитет экспертов Совета Европы изучил предоставленный доклад и на основе этого исследования направил в Украину вопросник. В 2008 году, во время визита в Украину, Комитет экспертов провел встречу с руководством, ответственным за вопросы имплементации Хартии (Комитет по делам национальностей и религий), а также представителями белорусского, болгарского, гагаузского, греческого, идиш, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, русского, румынского, словацкого, венгерского языков и носителями ромского, караимского, крымчакского языковых меньшинств.

После этого независимые эксперты посетили Украину, провели мониторинг имплементации (внедрения) положений Хартии в Украине, встретились с представителями национальных меньшинств и составили отчётный доклад с перечнем рекомендаций Украине (доклад был принят Комитетом экспертов 27 ноября 2008 года. Здесь уместно заметить, что я, с 1991 г. занимающаяся проблемами языковой политики в Крыму и Украине, не была приглашена на эту встречу с экспертами.

Далее излагаются и комментируются те положения доклада Комитета экспертов, которые касаются крымскотатарского языка.

Прежде всего Комитет экспертов обращает внимание украинских властей на необходимость обновления правовой базы. Действующие законы, регулирующие политику в отношении языков меньшинств, были написаны в конце 1980-х и начале 1990-х: в 1989 году принят Закон Украинской Советской Социалистической Республики «О языках в Украинской ССР» и в 1992 году — Закон «О национальных меньшинствах». Они уже не отвечают реалиям современной Украины. Комитет экспертов предлагает украинским властям активизировать свои усилия по принятию нового законодательства о языках и уточнить существующие правовые неопределенности.

Крымскотатарский язык включён под действие части III Хартии и имеет соответствующий статус, тем не менее в ст. 84 своего отчёта Комитет экспертов выражает озабоченность по поводу нынешне-

го положения крымскотатарского языка, как языка, находящегося в опасности, и призывает власти принять решительные меры по его защите.

В главе 2 отчёта экспертов содержатся рекомендации украинским властям, которые касаются и крымскотатарского языка. Однако эти рекомендации сформулированы слишком общо, декларативно, например, так: принять меры для обеспечения использования региональных языков и языков меньшинств в общественной жизни; привлекать представителей языковых меньшинств для реализации Концепции национальной языковой политики и, в частности, для разработки проекта нового закона «О языках»; содействовать и/или поощрять использование региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни; содействовать изучению и исследованию региональных языков и языков меньшинств в университетах или равноценных учебных заведениях и др.

Хотелось бы знать, как в АРК реализуются эти рекомендации. Почему крымскотатарская общественность не информируется о состоянии дел в этой сфере? Известно, что 30 мая 2007 г. в Киеве состоялся круглый стол, организованный Министерством юстиции для обсуждения первого доклада Украины по Хартии и с тем, чтобы привлечь во внимание мнение представителей языковых меньшинств. Однако с крымскими татарами никто не консультировался.

В следующем разделе отчета Крмитета экспертов речь идёт о мерах, содействующих использованию региональных языков или языков меньшинств в общественной жизни: в сферах образования, судопроизводства, административных органов и государственной службы, средствах массовой информации, культурных мероприятий, экономической и общественной жизни и др. Оказывается, по этим обязательствам украинские власти не сообщили необходимых данных Комитету экспертов.

Комитет экспертов считает, что обязательство по среднему образованию по отношению к крымскотатарскому языку не выполняется. Что касается высшего образования на крымскотатарском языке, Комитет экспертов считает, что обязательство Украины выполнено. Это мнение Комитета экспертов представляется, мягко выражаясь,

необоснованным: известно, что полное высшее образование на крымскотатарском языке можно получить лишь по крымскотатарской филологии.

Информация об использовании региональных языков и языков меньшинств в сфере судопроизводства Комитету экспертов в отчёте Украины 2007 г. не была представлена. Однако сегодня известно, что 7 июля 2010 г. Президент Украины Виктор Янукович подписал Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей». В судах, наряду с государственным, могут использоваться региональные языки или языки меньшинств в соответствии с Законом Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». Использование в судопроизводстве региональных языков или языков меньшинств гарантируется государством и обеспечивается за счёт средств Государственного бюджета Украины.

Власти не предоставили информации Комитету экспертов об использовании крымскотатарского языка органами региональной или местной власти, а также в сфере СМИ, культурных мероприятий и др. Думается, это умолчание говорит само за себя.

В выводной части доклада Комитета экспертов сказано: «Необходимо укрепление крымскотатарского языка в системе школьного образования. Необходимо предпринять серьёзные меры, чтобы поддержать язык, находящийся в уязвимом положении. Существует большая потребность в разработке дидактических материалов и подготовке педагогов. Несмотря на конституционные гарантии, в Автономной Республике Крым, крымскотатарский очень ограниченно используется на уровне административных органов. Не подано сведений о наличии газет на крымскотатарском языке. Органы власти также не предоставили информации о культурных мероприятиях в АР Крым, а также об использовании крымскотатарского в общественно-экономических отношениях».

Следует отметить, что в отчёте Комитета экспертов много ценных мыслей и положений. Содержание этого отчётного документа должно быть проанализировано, по моему мнению, Республиканским Комитетом по делам национальностей и депортированных граждан АРК. Считаю поэтому, что на сегодняшней онлайн-конференции должен был обязательно сделать доклад работник Рескомнаца АРК.

Хочу обратить внимание участников нашей конференции на следующее заявление Комитета экспертов: «Комитет экспертов одобряет действия украинских властей, в том, что они приняли во внимание желание гагаузов использовать латинский шрифт вместо кириллицы». Думаю, что крымские татары тоже могут через механизмы имплементации положений Хартии добиваться скорейшего перехода на давно разработанную латиницу, которая, по мнению учёных, более адекватно передаёт на письме особенности звукового (фонемного) строя крымскотатарского языка.

И в заключение хочется обратить внимание на пункты 113, 114 доклада Комитета экспертов. В них рекомендуется Государственному комитету по делам национальностей и религий Украины организовывать и проводить форумы для носителей региональных языков и языков меньшинств, на которых они смогут вести диалоги и налаживать конструктивные связи. Эксперты отмечают, что в Украине такие форумы пока не проводились. Думаю, что сегодняшняя онлайн-конференция представляет собой первую попытку проведения такого форума, который будет способствовать налаживанию конструктивных связей между украинской властью, крымскотатарской общественностью и носителями других миноритарных языков, проживающими в Украине и других странах, в деле имплементации положений «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств».

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Том 25 (64), № 3 (2). Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2012. – С. 238–243.)

Крымскотатарская фразеология до сих пор не была объектом анализа в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы. Цель работы – разработать новую функционально-семантическую (resp. частеречную) классификацию фразеологических единиц крымскотатарского языка в коммуникативном аспекте. Сказанным определяются новизна и актуальность работы.

В последние десятилетия в мировой науке о языке стала интенсивно развиваться новая научная парадигма – т. н. коммуникативная, или антропоцентрическая, лингвистика, в рамках которой формируются относительно самостоятельные её разделы (субпарадигмы) – функциональная, коммуникативно-прагматическая, когнитивная лингвистика, теория речевых актов, лингвистика текста и др., которые объединяет их ориентация на творящего, воспринимающего и интерпретирующего текст человека. Учёных, работающих в русле антропоцентрической парадигмы, не удовлетворяет существующая частеречная классификация слов и фразеологизмов, потому что она не всегда верно отражает результаты когнитивной (познавательной) деятельности человека.

Осваивая объективную действительность, человек познаёт прежде всего вещи, свойства и отношения между материальными феноменами и отражает их в категориях языка. Части речи как предельно большие значимые категории языка отражают реальную действительность в присущих им обобщённых значениях. «Наиболее обобщёнными значениями для частей речи являются значения предмета (субстанции) и признака – процессуального (представляемого как действие или состояние) и непроцессуального (представляемого как качество или свойство)» [8, с. 453]. Это положение легло в основу новой классификации лексических единиц, разработанной в рамках коммуникативной (антропоцентрической) лингвистики. Коммуника-

тивный подход к анализу системы языковых единиц позволил выделить два типа лексических единиц – идентифицирующие и предикатные [1–3; 9].

Идентифицирующие имена – это слова, для которых первична идентифицирующая функция, т. е. функция указания на предмет речи и его названия, – номинативная. Они отражают и классифицируют то, что существует в мире, и представлены в основном конкретной лексикой (нарицательными именами) и названиями естественных объектов, а также дейктическими словами и именами собственными. Предикатные имена (семантические предикаты, признаковые, сигнификатные имена) – это слова, сообщающие о свойствах, действиях, состояниях и других признаках предметов объективной действительности, названных предикатируемыми именами. К предикатным именам относятся глаголы, прилагательные, наречия и существительные с качественным значением [1, с. 326–356; 9, с. 45–142; 5, с. 168–186].

На базе вышеизложенной концепции мною была разработана функционально-семантическая (частеречная) классификация русской идиоматики [11; 12, с. 18–40]. В настоящей работе сделана попытка приложить её к анализу крымскотатарской фразеологии в рамках коммуникативной парадигмы. Трудности, связанные с семантико-грамматической (частеречной) классификацией фразеологизмов даже идиоматического характера (как гомогенных по характеру содержания), неизмеримо возрастают, так как исследователю здесь приходится иметь дело с несколькословными образованиями со специфической семантикой и употреблением в речи.

Фразеологизмы крымскотатарского языка (кроме фразеологических выражений коммуникативного характера) разделены на следующие разряды: субстантивные идентифицирующие; предикатные (признаковые) в таких разновидностях, как глагольные, субстантивно-предикативные, адъективно-предикативные, наречно-предикативные и собственно наречные единицы; прагматические (модальные и междометные) единицы. Во фразеологии современного крымскотатарского языка практически отсутствуют единицы, соотносительные с именами числительными и местоимениями (прономинальные фразеологизмы).

Субстантивные идентифицирующие фразеологические единицы – это устойчивые словосочетания с грамматическим значением предметности, стержневым компонентом которых является имя существительное. Описывая предметы по каким-то, чаще всего внешним, признакам, они тем самым называют эти предметы в целом, т. е. являются номинативными знаками. Идентифицирующие фразеологизмы называют естественные объекты и предметы реальной действительности: части тела: *къара джигер* (букв. черная печень) ‘печень’, *акъ джигер* (букв. белая печень) ‘лёгкие’, *козь къапагъы* (букв. крышка глаза) ‘веко’; растения: *дели мидан* (букв. сумасшедший мидан) ‘белена’, *дыр-дыр фатма* (букв. дрожащая Фатма) ‘дымянка’, *бору чечек* (букв. цветок-труба) ‘хлопушка’, *сычан берджимеги* (букв. мышиная чечевица) ‘вика’, *къарабаши от* (букв. черноголовая трава) ‘бессмертник’, *тильки-къуйрукъ* (букв. лисий хвост) ‘лисохвост’, *чобан чантасы* (букв. сумка чабана) ‘пастушья сумка’, *патлакъ чанакъ* (букв. треснувшая миска) ‘мак садовый’, *бакъа-япракъ* (букв. лист-лягушка) ‘подорожник’; представителей животного мира: *сырлы боджек* (букв. пёстрое насекомое) ‘божья коровка’, *мыйыкълы боджек* (букв. усатое насекомое) ‘жук-рогач’; *бенъли балыкъ* (букв. пятнистая рыба) ‘форель’, *элек балыгъы* (букв. ситоподобная рыба) ‘камбала’; болезни: *сув чечеги* (букв. водяной цветок) ‘ветрянка’, *асыл чечек* (букв. настоящий цветок) ‘оспа’; пищу: *имам байылды* (букв. имам сомлел) ‘тушёная тыква’, *джевизли аш* (букв. еда с орехом) ‘пельмени, посыпанные молотым орехом’ и др.

К этому же разряду устойчивых оборотов относятся фразеологические выражения номинативного характера: *Авропа Шурасы*, *Миллий Меджлис* и др. В предложении они выполняют синтаксические функции, свойственные именам существительным: подлежащего (основная функция), дополнения, несогласованного определения, именного сказуемого (вторичные функции).

Предикатные фразеологические единицы. Основная масса фразеологизмов-идиом в крымскотатарском языке имеет признаковое (предикатное) значение, т. е. они сообщают о свойствах, действиях, состоянии и других признаках предметов объективной действительности. Это связано с тем, что их содержание формируется в высказывании в качестве его предикативного ядра (основного

элемента пропозиции) для удовлетворения определенной коммуникативной и прагматической потребности коммуникантов. Идиоматическое значение, таким образом, представляет собой конденсацию, свёртку семантической структуры предложения.

Предикатные идиомы по-разному реализуют своё признаковое значение в разных грамматических классах единиц. По соотнесённости с традиционно вычленяемыми частеречными классами предикатные идиомы можно разделить на два разряда: глагольные со значением действия или состояния (*ернен ёкъсан этмек нени* (букв. сровнять с землей) ‘разрушить до основания’; *башы кокке тиймек кимнинъ* (букв. головой касаться неба) ‘быть безгранично счастливым’) и именные со значением качества или свойства, представленные такими группами, как субстантивно-предикативные (*чыплакъ баджакъ* (букв. голая нога) ‘бедняк’; *баш белясы* (букв. беда голове) ‘судьба, рок’; адъективно-предикативные: *ашыны ашагъан, яшыны яшагъан* (букв. съевший еду свою, проживший годы свои) ‘старый, преклонного возраста’; *агъзы бар, тили ёкъ кимнинъ* (букв. рот есть, языка нет у кого-либо) ‘тихий, смиренный’; уфюрсен йыкыладжакъ (букв. подуешь – упадёт) ‘слабый, бессильный’; наречено-предикативные: *башы бар, сонъу ёкъ ненинъ* (букв. начало есть, конца нет у чего-либо) ‘много’, *зерре къадар* (букв. с крупинку) ‘мало’; собственно наречные: *келиши гузель* (букв. хорошее соответствие) ‘небрежно, кое-как’; *къыркъ йылда бир* (букв. раз в сорок лет) ‘изредка’ и др.

Значения субъекта и других актантов как бы включены в содержание таких устойчивых оборотов, которые в связи с этим могут быть охарактеризовано как «скрытые синтагмы». При этом обязательные актанты предиката (например, субъект, объект) находятся слева (в препозиции) по отношению к предикату (сказуемому), который в соответствии с порядком слов в тюркских языках всегда находится в конце предложения. Например: Меним шай да къуванчтан *башым кокке тийди* [10, с. 111]. ‘Я и так на седьмом небе от радости’ <...>. Севимли языджымызгъа *козьлеримизни тикип къалдыкъ* [10, с. 111]. ‘Мы не сводили глаз с нашего любимого писателя’. Бизим эсерлеримизде исе тиль чубарлыгъы пек *козьге чарпа* [10, с. 175]. ‘Однако в наших произведениях бросаются в глаза языковые ошибки’.

Прагматическая фразеология. Кроме рассмотренных выше кардинальных семантико-грамматических разрядов идиом, обслуживающих сферу номинативно-классифицирующей деятельности человека, во фразеологии крымскотатарского языка имеются единицы, обслуживающие преимущественно прагматику языка – сферу коммуникации, связанную с выражением отношения говорящего к используемым им знакам, т. е. к сообщаемому. В традиционной грамматике к этой сфере языка-речи относят категорию модальности. Модальность – это содержательный признак высказывания, который с помощью языковых средств различных уровней выражает отношение говорящего к действительности и / или к сообщаемому. Категория модальности реализуется в двух типах значений: 1) объективно-модальные значения, передающие отношение сообщаемого к действительности, – это слитые воедино значения реальности / нереальности и значения времени, которые, как известно, обязательны для всех предложений-высказываний; 2) субъективно-модальные значения, передающие отношение говорящего к сообщению и выражаемые различными языковыми средствами и их комбинациями (специальными синтаксическими конструкциями, повторами, словопорядком, модальными словами и частицами, вводными словами, словосочетаниями и предложениями, междометиями, интонацией и др.).

Фразеологические единицы способны выражать категорию модальности в двух её проявлениях: объективно-модальные значения выражаются предикатными единицами, субъективно-модальные – т. н. прагматическими единицами, которые традиционно относятся к разрядам модальных и вводных словосочетаний, а также междометий. Фразеологические единицы, обслуживающие прагматику языка, можно представить как один разряд единиц: они обладают особым характером семантики, приспособленной для выражения субъективной модальности, отличаются специфическими языковыми функциями (неноминативные единицы) и синтаксической ролью (не являясь отдельным членом предложения, они относятся к содержанию высказывания в целом или сами эквивалентны высказыванию). Однако, учитывая определенную гетерогенность и функциональную разнотипность этих единиц, а также традиции

их дифференциации в науке, в настоящей работе фразеологизмы с прагматическим значением (прагматизмы) разделены на две группы: 1. модальные (в том числе и вводные) фразеологизмы и 2. междометия.

Модальные фразеологизмы – это устойчивые обороты, выражающие разнообразные отношения говорящего к сообщаемому: эмоциональную и интеллектуальную оценку сообщаемого; подчеркивание, выделение какой-то части сообщаемого; характеристику структуры сообщаемого – связей между элементами содержания; отношение к сообщаемому с точки зрения характера и способа его изложения и др.

По характеру выражаемого содержания (субъективно-модальных значений) модальные фразеологические словосочетания могут быть разделены на следующие группы:

а) модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего, в том числе достоверность / недостоверность сообщаемого: *догърусыны айтсам (айткъанда)* (букв. если скажу правду) ‘по правде говоря’; *<бутюн> меселе шунда ки* (букв. вся проблема в том) ‘<все> дело в том, что’; *языкъ-лар олсун ки* (букв. пусть будет жаль) ‘к сожалению’; *тезессюф ки* ‘к сожалению’; *ич шубе ёкъ* (букв. нет никаких сомнений) ‘без сомнения’ и др. Примеры: *Догърусыны айтсам*, кульмеге ве кульдюрге седем. – ‘Откровенно говоря, я люблю смеяться и смешить (других)’ [6, с. 55]. *Айды шундан*, бу сенинъ киби адамнынъ япаджакъ иши дегиль, – дей. ‘Говорит: Да брось ты, это дело не для такого человека, как ты’ [6, с. 66]; б) модальные фразеологизмы, служащие средством акцентирования, выделения сообщаемого, часто в сочетании с апелляцией к слушающему: *лаф арасы* (букв. между слов) ‘между прочим’; *лаф олсун деп* (букв. чтобы был разговор) ‘не придавая особого значения, между прочим’; *сёз келими* (букв. подходящее слово) ‘кстати’; *не олса олсун* (букв. что бы ни случилось) ‘несмотря ни на что’; *не де олса* (букв. что бы ни случилось) ‘как бы там ни было’; *малюм ки* (букв. известно ведь) ‘как известно’ и др. Примеры: Эгер бир де бир адам, *сёз келими*, шоферлик ишини яхшы корьсе, шоферлик зенаатыны огренип, яхшы бир таксист олмаймы? ‘Кстати, если кому-то понравится шофёрское дело,

разве, обучившись этой профессии, он не сможет стать хорошим таксистом?» [10, с. 167]. *Не де олса*, меним ичюн шу кыйметли зияреттен сонъ Джамбайдаки эвимизге Ташкенттен ёл ачылгъан эди. ‘Как бы там ни было, но после этого дорогого для меня посещения открылась дорога из Ташкента в наш джамбайский дом’ [10, с. 44]. *Малюм ки*, Совет акимиятининъ биринджи йылларында меркезде ве эр бир республикада эдебият джемиетлери...мевджут эди. ‘Как известно, в первые годы советской власти в центре и в каждой республике имелись литературные общества’ [10, с. 124]. <...> Сабрие Эреджепова «Бени гъамдан азат эйле» (*эгер янъылмасам*) тюркюсини иджра эте. ‘Сабрие Эреджепова исполняет песню, если не ошибаюсь, «Бени гъамдан азат эйле»’ [10, с. 46];

б) модальные фразеологические единицы, являющиеся маркерами структуры дискурса. Они выражают различные смысловые связи между элементами текста: сигнализируют о переходе к следующей (новой) теме, служат средством противопоставления отдельных частей текста, предваряют резюме, указывают на завершение дискурса и др.: бир тарафтан <бакъсакъ, бакъкъанда> ‘с одной стороны’, дигер тарафтан ‘с другой стороны’, шай этип ‘таким образом’; весселям бир тамам ‘вот и всё’ и др. Примеры: Шай этип, чапчакъта эр вакъыт сув темиз эди. – ‘Таким образом, вода в бочке всегда была чистой’. Шай этип, фукъаренинъ акъыллы кызылары бабасынынъ акъкъыны зенгинден алалар. – ‘Таким образом, умные дочери бедняка отомстили богачу’ [6, с. 85];

в) модальные фразеологизмы, выражающие отношение к характеру и способу изложения, оформления сообщения: *къыскъа келям* ‘короче говоря’, *демек мумкюн* ‘можно сказать’ и др. Примеры: Исмет яхшы артист эди, *демек мумкюн*. – ‘Исмет, можно сказать, был хорошим артистом’. *Къыскъа келям*, йигит орта мектепни битирмеди. – ‘Короче говоря, парень среднюю школу не окончил’.

Междометные фразеологизмы также участвуют в выражении субъективно-модальных значений: 1) они характеризуют эмоциональное и интеллектуальное отношение говорящего к сообщаемому, к собеседнику и речевой ситуации в целом, выражают волеизъявления говорящего и 2) обслуживают сферу речевого этикета.

Междометия первой группы обладают, как правило, диффузным значением – способны выражать несколько смежных и даже амбивалентных (противоположных) эмоций: *Амма да шей!* ‘Вот так-так!’ ‘Вот так штука!’ – недоумение, удивление, осуждение; *Ана санъа!* ‘Вот те раз!’ ‘Вот оно что!’ – недоумение, удивление. *Айды шуны!* ‘Да брось ты!’ – возмущение, удивление. *Шай десене!* ‘И не говори!’ – одобрение. *Вай Аллам!* ‘О Аллах!’ – радость, негодование, возмущение, удивление. *Алла кось термесин!* ‘Не приведи Аллах!’ – сожаление, осуждение и др.

Междометия второй группы, обслуживающие сферу речевого этикета, имеют ситуативно обусловленное значение. Их семантическая рубрикация основана на учёте разнообразных ситуаций общения: приветствия, обращения к знакомым и незнакомым, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, соболезнования, проклятия, просьбы и др.: а) междометия, употребляющиеся в ситуации встречи – прощания: *Къапымыз ачыкъ, тѣрюмиз бош!* (букв. Наша дверь открыта, почётное место для гостей свободно) – ‘Добро пожаловать!’. *Селям алейкум!* – ‘Здравствуйте!’ *Алейкум селям!* – ‘И вам доброго здоровья!’ *Хош сефагъа кельдинъиз!* – ‘С благополучным прибытием!’ *Саба шерфинъиз хайырлы олсун!* – ‘Доброе утро!’ *Акъшам шерфинъиз хайырлы олсун!* – ‘Добрый вечер!’ *Хош кельдинъиз!* – ‘Добро пожаловать!’ *Ёлунъыз ачыкъ олсун!* (букв. Пусть ваша дорога будет открытой). – ‘Счастливого пути!’ *Огъурлар олсун!* – ‘Удачного пути!’ *Аллагъа эманет!* – ‘Пусть Аллах бережёт!’ Например: – *Селям алейкум, сайгъылы достлар! Хош сефагъа кельдинъиз!* [4, с. 41] и др.; б) междометия, обслуживающие сферы благодарности, благопожеланий, проклятий, заклинаний, соболезнования: *Сагъ олунъыз!* (букв. Будьте здоровы!) – ‘Спасибо!’. *Аш татлы олсун!* (букв. Пусть ваша еда будет вкусной!). – ‘Приятного аппетита!’. *Алла берсин!* (букв. Пусть даст Аллах!) – ‘Дай Аллах!’. *Алла къолай кетирсин!* ‘Да поможет Аллах!’. *Алла бойнуны урсун!* – ‘Пусть Аллах погубит!’. *Эмир Алланынъ!* – ‘На всё воля Аллаха!’. *Алла рахмет эйлесин!* – ‘Пусть Аллах будет милосерден!’ и др. Например: *Саба ола, хайыр ола*, – деди Шакир. – ‘Утро вечера мудрее!’ – сказал Шакир’ [4, с. 37].

С помощью рассмотренных грамматических разрядов фразеологических единиц – идентифицирующих, глагольных и предикатных (субстантивных, адъективных, адverbиальных) – называются и одновременно характеризуются с позиций говорящего предметы и признаки (в широком смысле) предметов – их свойства, качества, действия, состояния, отношения, существующие в объективном мире не изолированно, а как неотъемлемые признаки, атрибуты этих предметов. Содержание таких фразеологических единиц в связи с вышесказанным правомерно квалифицировать как коммуникативно-прагматическое. Что касается собственно прагматических фразеологизмов (модальных и междометных), то они служат как бы добавочным средством выражения отношения говорящего к сообщаемому и через него – к действительности. Таким образом, фразеологические единицы являются специфическим средством выражения и воплощения категории модальности как универсальной и онтологической категории «языка в действии» – функционирующего языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова / Н. Д. Арутюнова // НДВШ ФН. – Москва, 1973. – № 3. – С. 42–54.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1976. – 384 с.
3. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова. – Аспекты семантических исследований. – Москва, 1980. – С. 156–249.
4. Велиев А. Къайда къалды о корюшновлер / А. Велиев // Йылдыз. – Симферополь, 2009. – № 1. – С. 24–44.
5. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва: Наука, 1982. – 368 с.
6. Кырымтатар халкъ масаллары. – 2-джи, ишленген нешир / Тертип эткенлер: К. Джаманаклы, А. Усеин. – Симферополь: Кырымдевокъув-педнешир, 2008. – 384 с.
7. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка / А. М. Меметов. Уч. пос. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
8. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва: Наука, 1980. – Том I. – 784 с.

9. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – Москва: Наука, 1981. – 360 с.
10. Шемьи-заде Э. Эдебий ве тенкьидий макъалелер / Э. Шемьи-заде. – Симферополь: Доля, 2000. – 248 с.
11. Эмирова А. М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических предикатов / А. М. Эмирова. – Вопросы языкознания. – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.
12. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте А. М. Эмирова. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ОРФОГРАФИЯ И ОРФОЭПИЯ)

(Мир Бекира Чобан-заде. Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23–25 мая 2012 г. – Симферополь: НАТА, 2013. – С. 84–88.)

*Geriye bakmak hayattan kopmak değildi.
Özellikle Kıymtatarların bugünkü
durumlarında geriye bakmak, bir bakıma,
ileriye düşünmek ve görmektir.*

Cengiz Dağcı

Работы Бекира Чобан-заде по тюркологии до сих пор не потеряли своей научной ценности, однако, к сожалению, большая часть из них всё ещё недоступна широкому читателю (рядовым преподавателям и студентам-филологам), так как написана на османском и азербайджанском языках латиницей и арабским письмом.

Особое место среди научных трудов учёного занимает научная грамматика крымскотатарского языка, первое издание которой вышло в свет в Симферополе в 1925 г. на османском языке (арабским шрифтом). Второе издание, «Къырымтатар ильмий сарфы», выполненное по проекту проф. Эмировой А. М. и изданное через 78 лет, наконец-то попало в руки широкого круга филологов и всех, кто интересуется проблемами крымскотатарского языка и языкознания. Эмировой А. М. выполнено общее научное редактирование, написаны предисловие, примечания и составлена библиография. Транслитерация с арабского письма на кириллицу и адаптированный перевод текста с османского на современный крымскотатарский язык квалифицированно выполнены Н. Сейтягъевым [7].

Читая сегодня научную грамматику крымскотатарского языка Б. Чобан-заде, нельзя не заметить обширных знаний учёного в области общего языкознания и тюркологии, его стремления применять достижения европейского и русского языкознания к анализу тюркских языков. Богатый фактический материал, использованный в работе, тонкий анализ языковых явлений, умение разграничивать

факты синхронии и диахронии языка – несомненные достоинства труда ученого. Остается неизблемой оценка, данная в своё время Ф. Д. Ашниним: «Бекир Чобан-заде был одним из самых эрудированных тюркологов своего времени, неизменно учитывавших достижения передового западного и русского языкознания» [1].

На сегодняшнем этапе развития крымскотатарского языка, особенно в связи с переходом крымскотатарского письма на латинскую графику, нуждаются в обсуждении и, возможно, в пересмотре некоторые теоретические и практические проблемы крымскотатарского языкознания, в частности – орфографии и орфоэпии (правильного литературного написания и произношения). В свете сказанного особенно ценными представляются размышления Бекира Чобан-заде о некоторых особенностях синтагматики фонем и фонетических законах крымскотатарского языка.

У каждого языка имеются свои законы, коррелирующие с его системой и артикуляционной базой. В современном крымскотатарском языке звуки [г], [х], [къ] квалифицируются в качестве глубокозаднеязычных звуков (см. учебные пособия по крымскотатарскому языку). При заимствовании арабских и персидских слов, в которых имеются специфические, не свойственные крымскотатарскому языку увулярные и фарингальные звуки, такие звуки или приспосабливались к артикуляционной базе крымскотатарского языка (ahlâk, mihrap), или полностью выкидывались (baar, sana, aenk). По мнению Самойловича А. Н., фарингальный звук [h] в исконно тюркских корнях встречается как исключение (haydı ‘прочь’ [5]).

В связи с вышесказанным букву Н н сегодня следует писать только в тех словах, в которых имеется заднеязычный [х]: hasta, haber, anahtar, lohsa, baht, ahlap, şeyh. В тех заимствованиях из арабского и персидского языков, в которых в оригинале имеются увулярные и фарингальные щелевые согласные звуки, отсутствующие в артикуляционной базе крымскотатарского языка, букву Н н можно не писать: meşur, baar, sana, aenk (перс.), ası, afa. В тех же заимствованиях, в которых указанные выше согласные звуки полностью ассимилированы крымскотатарским языком и произносятся как заднеязычные звуки, писать h: араб. ahlâk, mihrap. Здесь уместно вспомнить правила орфографии, рекомендованные II-ой Крымской научно-орфо-

графической конференцией (1929): заимствования из арабского и персидского языков писать так, как они произносятся.

Что касается написания крымскотатарских личных имён (антропонимов), основная масса которых является заимствованиями из арабского и персидского языков, здесь допустимы вариативные произношение и написание: *Asan – Hasan*, *Alime – Halime*, *Masude – Mahsude*, *Zera – Zehra*, *Amet – Ahmet, Ahmed*, *Memet – Mehmet, Mehmed*, *Üsein – Hüsein*, *İbraim – İbrahim* и др. Личные имена – это кумулятивные знаки этнической культуры, свидетельствующие об этногенезе народа, его истории, религии, морали и др. В то же время личное имя – это сакральный знак личности, определяющий его судьбу. И потому только сам человек (родители) имеет право решать, как писать и произносить его имя [9].

Проблема звукового значения буквы Н н может найти приемлемое решение в аспекте орфоэпии – правильного произношения слов и словоформ. Известно, что во многих развитых языках стандартная, общепринятая форма языка, т. н. литературный язык, представлена несколькими вариантами, называемыми функциональными стилями: высоким стилем (более рафинированный вариант) и разговорным стилем литературного языка. Например, в русском языке более высокий стиль требует произношения слова *вообще* как [ваа]ще, а разговорный вариант литературного языка допускает произношения [ван]ще. Учёные отмечали также территориальные варианты литературного языка. Так, в работе Панова М. В. [4] указаны различия между московской и ленинградской нормами, однако написание единообразно.

Интересны в свете сказанного свидетельства Бекира Чобан-заде: по его наблюдениям, в некоторых крымскотатарских говорах под влиянием произносительных норм, культивировавшихся в медресе, появились новые варианты произношения – с начальным [h] – не только в заимствованиях, но и в исконно тюркских словах. При этом новые и старые формы использовались в речи параллельно: *хэббе – экбе*, *ханги – анги*, *һеп – эп*, *һайды – айды* и др. По мнению турецкого лингвиста Наджиба Асыма, это произошло под влиянием арабского и персидского языков. Бекир Чобан-заде считал, что звуки [‘] (хамза), [къ] и [h] очень близки по произношению: «Эсасен бу учь сес –

['], [x], [h] – арасында лисанияткъа коре буюк якъынлыкъ бардыр» [7, с. 96].

Здесь следует вспомнить, что арабские увулярные (язычковые), фарингальные и гортанные звуки, обозначаемые в арабском письме разными значками (хамза, айн, ха и др.), в крымскотатарском произношении начала XX в. обнаруживали большое сходство между собой в связи с отсутствием в крымскотатарском языке таких звуков (следовательно, и навыков их артикуляции у носителей языка). В крымскотатарской латинице 1929–1938 гг. этим звукам арабского языка соответствовали две буквы – х и һ, которые при чтении текстов часто не различались: *ixtar, tarix, hem, hangi, harif* и др.

Сегодняшняя практика крымскотатарской речи показывает, что образованная часть крымскотатарского общества пользуется вариативным произношением заимствованных слов, в составе которых имеются названные выше звуки: *em–hem, sana–sahna, ediye–hediye*.

Отдельную проблему представляют написание и произношение фонем переднего ряда [ö], [ü]. Серебренников Б. и Гаджиева Н. считали, что в крымскотатарском языке [ö] превратилось в «сильно депалатализованное О, похожее на О [oj], а пратюркское [ü] – также в результате депалатализации – превратилось «в верхнее слегка палатализованное [y] – [juz] [6]. Здесь следует иметь в виду, что указанное учебное пособие было издано в конце 70-х годов, когда крымскотатарский язык, носители которого находились в ссылке, был вычеркнут из номенклатуры языков народов СССР и потому учёными специально не изучался. Следовательно, авторы названного учебного пособия оперировали материалом довоенных территориальных говоров и наречий. Как известно, к этому времени нормы крымскотатарского литературного языка не были достаточно кодифицированы.

Как решается этот вопрос в современном крымскотатарском языкознании? По мнению проф. А. Меметова, в словах *корьмек, орюмчек, оксюрмек, огренмек* в первом слоге прежде (когда? – А. Э.) произносили [ö], однако в современном языке произносится [o] заднего ряда [2]. В переизданном в том же 2006 году орфографическом словаре крымскотатарского языка, в основу которого положен словарь А. И. Баккъал, А. Ислямова, Э. А. Къуртмоллаева и Р. М. Муллиной,

изданный в Симферополе в 1939 г. и переизданный в 1941 г., проф. А. Меметов пишет, что в словах *отьмек, корьмек, орьнек, больмек, кочьмек, кузь, дюнья, учь, кучь* и подобных мягкий знак после слогов указывает на переднерядность звуков [о] и [у], т. е. на их произношение соответственно как [ö] и [ü]: «20 §. Ъ – йымшатув (инджертьюв) ишарети: 1) *отьмек, корьмек, орьнек, больмек, кочьмек, кузь, кучь* киби сёзлерде О, У созукъларынен япылгъан эджаларнынъ инджелигини косътермек ичюн язылыр» [3]. Как видно из сказанного, проблема написания и произношения остается нерешённой.

Думается, и в данном случае приемлемое решение вопроса может быть найдено в рамках орфоэпии: в более высоком, т. н. книжном, стиле следует произносить переднерядные [ö] и [ü], в разговорном варианте литературного языка можно допустить их произношение как звуков заднего ряда, однако писать во всех случаях следует [ö] и [ü]. Разумеется, сказанное не касается диалектного произношения и написания.

В сегодняшних условиях, которые следует квалифицировать как переходный этап в развитии языка, такой подход к решению рассмотренных проблем позволил бы избежать лишних замечаний и упреков в искажении и «отуречивании» крымскотатарского языка со стороны как не очень образованных людей, так и учёных, причисляющих себя к традиционалистам.

Как видим, монография Б. Чобан-заде и сегодня, спустя почти 90 лет после её написания, не потеряла своей теоретической ценности. Новая крымскотатарская научная грамматика должна быть создана на базе достижений языкознания последних лет, с применением новейшего концептуально-терминологического аппарата. «Крымскотатарская научная грамматика» Бекира Чобан-заде, без сомнения, станет одним из краеугольных камней научного каркаса такой грамматики.

Литература

1. Ашнин Ф. Д. Бекир Вагапович Чобан-заде / Ф. Д. Ашнин // Народы Азии и Африки. – Москва, 1967. – № 1. – С. 210.
2. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь, 2006. – С. 45.

3. Меметов А. М. Къырымтатар тилининъ имля лугъаты / А. М. Меметов. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2006. – С. 7.
4. Панов М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – Москва: Просвещение, 1967. – С. 294.
5. Самойлович А. Н. Опытъ краткой крымско-татарской грамматики. – Петроградъ, 1916. – 104 с.
6. Серебренников Б., Гаджиева Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. Серебренников, Н. Гаджиева. – Баку: Маариф, 1979. – С. 19, 22.
7. Чобан-заде, Бекир. Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
8. Эмирова А. М. Бекир Чобан-заденинъ лисаният къаврайышы / А. М. Эмирова // Чобан-заде Бекир. Къырымтатар ильмий сарфы – Симферополь: Доля, 2003. – С. 5–17.
9. Эмирова А. М. Онимы как кумулятивные знаки этнической культуры / А. М. Эмирова // Эмирова А. М. Избранные научные работы. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – С. 326–331.

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ В ПОЭТИКЕ ЭРВИНА УМЕРОВА

(III Международный тюркологический симпозиум «Прошлое – настоящее – будущее крымских татар». Сборник докладов и тезисов (15–17 октября 2012 г., Симферополь, Крым / Украина. – Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2014. – С. 189–190.)

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы поэтики крымскотатарского писателя Эрвина Умерова, этнокультурной идентификации его русскоязычных литературных текстов; выявлены средства и способы выражения в них «своего» (крымскотатарского) и «чужого» (русского).

Ключевые слова: Эрвин Умеров, русскоязычная литература, категории поэтики.

Современная крымскотатарская литература как культурный феномен художественно и в языковом отношении неоднородна, что объясняется личностной и творческой индивидуальностью авторов. Однако в ней можно обнаружить некоторые общие особенности поэтики, обусловленные реалиями советского режима и трагической судьбой крымскотатарского народа. В крымскотатарской литературе, кроме писателей, писавших (пишущих) на родном языке, можно назвать и тех, кто писал (пишет) и на других языках: только на русском языке – Эмиль Амит, Айдын Шем, Эдем Оразлы, на русском и крымскотатарском – Шамиль Алядик, Эрвин Умеров, Сеитумер Эмин, Нузет Умеров, Таир Халилов, на крымскотатарском и турецком – Дженгиз Дагджи, на крымскотатарском и узбекском – Иса Абдураман, Шерьян Али и др. Творчество названных писателей – крымских татар до сих пор не было объектом специального литературоведческого анализа.

Данная работа посвящена анализу особенностей поэтики русскоязычных художественных текстов писателя Эрвина Умерова, на материале которых сделана попытка выявить и охарактеризовать позицию «свое/чужое» в поэтике писателя.

Как и весь крымскотатарский народ, Эрвин Умеров (1938–2007 гг.) в шестилетнем возрасте с семьёй был выслан в Узбекистан. Учился в русской средней школе, затем в Литературном

институте им. А. М. Горького в Москве (1960–1965). Несколько лет после окончания Литературного института жил и работал в Ташкенте, с 1968 г. и до конца жизни – в Москве. В совершенстве владел крымскотатарским и русским языками, но большая часть книг (9 из 16 своих и 26 переводных с языков народов СССР) издана на русском языке. Свои произведения, написанные на крымскотатарском языке, сам переводил на русский язык.

Активная творческая деятельность Э. Умерова пришлась на 60–80-е годы с их жёсткой цензурой и борьбой с инакомыслием. Несмотря на некоторую либерализацию советского тоталитарного режима периода хрущёвской оттепели и позже – горбачёвской гласности, крымскотатарские писатели старались избегать темы трагедии «наказанного» крымскотатарского народа, опасаясь советской цензуры и её последствий – разного рода репрессий, Э. Умеров в ранних публикациях избегал прямых заявлений о трагической судьбе крымских татар, не использовал в своих текстах даже самого этнонима крымские татары. Тем не менее заметно стремление писателя вывести эту проблему на свет, сделать её предметом если не обсуждения, то хотя бы намёка, напоминания.

«Свое», крымскотатарское, в поэтике Э. Умерова вплоть до начала 90-х годов проявляется прежде всего в фабуле, сюжете и хронотопе: в его рассказах и повестях описана жизнь высланных в Узбекистан крымских татар начиная с самых трудных 40–50-х годов («Ложь», «Третье имя») и кончая 80-ми годами («Письмо учителю», «Первый букет», «Камушки Эчкикаи», «Вторая невеста» и др.). Характерной особенностью этих текстов является своеобразный приём, который условно можно назвать фигурой умолчания: ни в одном из этих произведений нет эпизодов, связанных с депортацией крымских татар; не говорится о том, как и когда персонажи с крымскотатарскими именами появились в Узбекистане. Однако тексты насыщены намёками, понятными не только крымскотатарскому читателю. Например, персонажи произносят обороты, в состав которых входят грамматические формы самоидентифицирующего местоимения *мы*: *наш народ*, *у нас*, *у нашего народа* и др.: И принесут ещё славу и честь *своему народу*. А я-то, старый дурак, решил было, что всё кончено, не подняться *нам* более на ноги... [1, с. 11]. *У нас* говорят: «Хоро-

шему коню одной тётки достаточно» [1, с. 19]. У нас в народе, может, знаете, масса всяких обрядов: поминовение усопших – дуа, курбан-байрамы – праздник заклания, ураза-байрамы – праздник поста и так далее и тому подобное [1, с. 92]. Зимы у нас бывали довольно суровые. Но слякоти поменьше [1, с. 198] и др.

Обращает на себя внимание ещё один приём, который может быть интерпретирован как особая фигура умолчания, – это использование постраничных сносок, в которых даны переводы встречающихся в тексте слов и оборотов из узбекского и крымскотатарского языков: узбекские слова сопровождаются внутрискобочными пометами (*узб.*), (*узбекск.*), а крымскотатарские, даже находящиеся рядом с узбекскими на одной и той же странице, поданы без помет. Ср.: 1. Апте – тётушка. 2. Раис (*узбекск.*) – председатель. 3. Чапан (*узбекск.*) – лёгкий стёганный халат [2, с. 49]. 1. Сури – широкая деревянная кровать (*узб.*). 2. Бир чайчык берсе – принеси чайник чая [1, с. 10]. Несомненно, это специальный приём, призванный, с одной стороны, скрыть крымскотатарскую составляющую содержания, с другой, – привлечь внимание читателя, заставить его задуматься.

В произведениях Э. Умерова встречается большое количество слов и выражений, называющих крымскотатарские этнокультурные реалии: *имам* – настоятель мечети; *ураза* – мусульманский пост; *дженазе* – похороны, похоронный обряд; *ахыр заман* – конец света, светопреставление; *казий* – судья, судивший по законам шариата; *тёр* – место для почётных гостей в доме; *тёшекче* – плоский матрац для сидения на полу; *маалле* – квартал; *чаир* – дикий фруктовый сад в горах; *саз*, *давул*, *зурна* – музыкальные инструменты; *чин*, *мане* – частушки, исполняемые экспромтом; *хайтарма* – национальный танец крымских татар; *бурма* – мясной рулет; *язма* – разбавленный холодной водой творог; *курабие* – домашние пряники особого приготовления; *такоз* – тонкая лепёшка из пресного теста; *хала* – тётушка по отцовской линии; *апай* – жена; *марама* – длинный домотканый шарф, которым женщины покрывали голову и плечи; *чарыки* – постолы и др.

В речи персонажей часто встречаются слова и обороты, свойственные речевому поведению крымских татар: обращения к близким и посторонним людям разного пола и возраста – *ага*, *акай*, *олян*,

кардашым, абый, апте, ханум, кызым, балам, яврум, баврым, баллар (балалар), джаным, огълум; формулы речевого этикета, вводные слова, междометия: *хайырлы каза, валлаи-билляи, кысмет этсе, я раббим, машалла, аман, шукюр* и др.

Ярким средством актуализации крымскотатарского мира в творчестве Э. Умерова является система персонажей, которая соотносится с местом и временем (хронотопом) протекания событий (сюжетом). Это люди разных национальностей, особое место среди которых занимают персонажи с необычными именами: мужчины – *Айдер, Энвер, Лятиф, Сулейман, Экрем, Ремзи, Ибадулла, Муртаза, Ильяс, Рамазан, Дагджиги, Каралезли, Топчы*; женщины – *Урие, Пакизе, Анифе, Зера, Ляле, Улькер, Алиме, Зение, Джеваире* и др. Национальная принадлежность этих персонажей нигде открыто не заявляется, используются только словоформы *татары, татарский, по-татарски*: «Вы ещё плохо знали узбекский, всегда и везде шпарили *по-татарски*» [1, с. 10].

Оригинальным представляется использованный писателем приём аллюзии, т. е. художественного намёка. Два рассказа имеют посвящения, содержащие официальную информацию о крымскотатарских героях: *Памяти военной разведчицы, кавалера ордена Красной Звезды Алиме Абденнановой, погибшей от рук фашистских захватчиков и их приспешников* (рассказ «Улькер, звезда недоступная»); *Памяти знатного механизатора, Героя Социалистического Труда Мустафы Чачи* (рассказ «За всё в ответе»).

Данные тексты, предвещающие повествование, выполняют двоякие функции – информативную и превентивную, предохраняющую от гнева цензуры.

Перечисленные выше языковые средства, обладающие мощной этнокультурной фоновой информацией, воссоздают объёмную крымскотатарскую «картину мира».

Особое место в творчестве Э. Умерова занимают рассказы «Одиночество» (1964), «Чёрные поезда» (1965), «Разрешение» (1964), «Счастливый билет (1966–1977)», написанные в 60-х годах, но увидевшие свет лишь в 1991 году. Писатель не отдавал их в печать, опасаясь цензурных препон. В этих произведениях нет умолчаний, аллюзий и эзоповского языка, всё сказано открытым текстом. (Поэтика названных выше произведений заслуживает отдельного анализа.)

Как показал проведённый анализ, средствами актуализации «своего», крымскотатарского, в художественных произведениях писателя являются определённые поэтологические категории: фабула и сюжет; система персонажей; наименования концептов национальной культуры (духовной и материальной); формулы речевого этикета, свойственные речи крымских татар; интенциональный пафос произведений и др.

«Чужое», русское, представлено в текстах Э. Умерова прежде всего константами русской литературно-художественной парадигмы (господствовавшего в советский период литературного направления – социалистический реализм) и характерными для неё жанрами; это сам русский язык со свойственными ему системами языковых категорий и изобразительно-выразительных средств.

Особенности индивидуального стиля писателя, как известно, всегда обусловлены общественно-политическим и культурным контекстом времени, в котором он живёт и творит. Этот феномен можно назвать социально-культурной универсалией. Давление идеологии, оснащённой разного рода репрессивными средствами и приёмами, особенно заметно в государствах тоталитарного типа. Думается, в XX-м веке этот феномен наиболее выпукло явил себя в условиях советского тоталитарного режима, особенно по отношению к культурам «наказанных» народов.

Национальная идентификация литературного наследия Э. Умерова однозначна: он – крымскотатарский писатель, писавший на родном, крымскотатарском, и функционально активном для него русском языках, причём крымскотатарская составляющая его творчества превалирует над русской. Творчество Эрвина Умерова безоговорочно и полностью воспринимается крымскими татарами как значимый компонент своей национальной культуры.

Литература

1. Умеров Э. Вторая невеста. Рассказы и повесть / Э. Умеров. Перевод с крымскотатарского автора. – Москва : Советский писатель, 1984. – 368 с.
2. Умеров Э. Чёрные поезда. Рассказы и повести / Э. Умеров. Перевод с крымскотатарского автора. – Москва : Советский писатель, 1991. – 352 с.

ГЕНДЕРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 50. – Москва: МАКС Пресс, 2014. – С. 352–356.)

«Мужчина – женщина» – онтологическая оппозиция, лежащая в основе естественного языка как базового компонента человеческой культуры. Пристальный интерес к категории гендера, понимаемой как социокультурная ипостась человека, обусловлен сегодня бурным развитием новых направлений лингвистики, в центре внимания которых находится говорящий, думающий и чувствующий человек. Гендерная оппозиция – это языковая универсалия, обладающая в языках разного типа специфическим набором категорий и форм выражения.

Разные языки и разные уровни языковой системы обладают разной гендерной отмеченностью: наиболее регулярно гендерная оппозиция проявляется в морфологии, словообразовании и лексике, менее отчётливо – в синтаксисе. Фразеология же стала предметом изучения в гендерном аспекте лишь в последнее десятилетие.

Исследователи уже обратили внимание на гендерную маркированность русской фразеологии в плане содержания и прагматики. Обычно отмечается способность фразеологических единиц разного типа, преимущественно паремий, давать отрицательный аксиологический портрет женщины глазами мужчины (*Курица не птица, женщина не человек; Баба с возу – кобыле легче; У бабы волос долог, да ум короткий; У бабы дорога – от печи до порога* и др.), реже – отрицательный портрет мужчины глазами женщины (*Муж – голова, жена – шея; Седина в волосы – бес в ребро; Сила есть – ума не надо* и др.) [1; 2; 5–7]. Сегодня, однако, рано говорить о становлении отдельного раздела лингвистической гендерологии, который можно было бы назвать фразеологической гендерологией или гендерной фразеологией.

Впервые на гендерную отмеченность содержания некоторых фразеологических единиц в русском языке обратил внимание самаркандский учёный Л. И. Ройзензон. Разрабатывая проблему фразеологической парадигматичности, т. е. способности фразеологизмов к

изменению их грамматической формы, он привёл примеры неполной фразеологической парадигмы на «родо-половой основе»: имеются, с одной стороны, такие фразеологизмы, как *гусь лапчатый, шут гороховый, сам с усами* и др., но отсутствуют их «родо-половые» соответствия – *гусыня лапчатая, шутиха гороховая; сама с усами* и др. [3, с. 204].

Более значимыми – в гендерном плане – представляются следующие замечания Л. И. Ройзензона: «...В русской фразеологии имеет место явление феминизации и маскулинизации УСК (устойчивых словесных комплексов – А. Э.), т. е. закрепление за той или иной ФЕ определенного объекта, на который распространяется действие лица того или иного пола» [3, с. 205]; ср.: *будь мужчиной* ‘будь мужественным, сильным’, *волочиться за каждой юбкой* ‘увлекаться женщинами’, но: *вешаться на шею* ‘приставать к мужчине с ласками, нежностями’, *наставлять рога* ‘изменять мужу’ и др.

Крымскотатарская фразеология не была до сих пор объектом анализа в гендерном плане. В настоящей работе впервые сделана попытка выявить способы выражения значений маскулинности и феминности в крымскотатарской фразеологии. Объектом анализа являются разного типа фразеологические единицы, извлечённые из словарей крымскотатарского языка, а также художественных и публицистических текстов. Небольшое количество таких единиц объясняется следующими факторами: 1. отсутствием необходимых академических словарей крымскотатарского языка – толковых, исторических, этимологических; 2. спецификой системы категорий крымскотатарского языка.

Известно, что в тюркских языках отсутствует категория рода, которая коррелирует с категорией пола во многих языках мира, например – в русском, немецком, французском, арабском и др., и имеет специальные языковые средства её выражения (аффиксальные морфемы, артикли и др.). Значения маскулинности (< лат. *masculinas* – мужской), принадлежности к мужскому полу, и феминности (< лат. *femina* – женщина), принадлежности к женскому полу, выражаются в крымскотатарском языке лексическими средствами, в том числе характерными антропонимами, и широким контекстом: а. *шаирé* ‘поэтесса’, п. *оджапчé*, а. *муаллимé* ‘учительница’, а. *рефикá* ‘жена,

супруга', *эмширэ* 'медицинская сестра' и др. К собственным именам мужчин и женщин часто добавляются детерминанты – нарицательные имена существительные, которые идентифицируют пол. В позиции к крымскотатарским мужским именам находятся детерминанты *ака*, *акъай*, *агъа*, *оджа*, *эфенди* (*Айдер ака*, *Ахмет акъай*, *Энвер агъа*, *Нариман оджа*, *Эмир-Али эфенди*); женские имена сопровождаются идентификаторами *апа*, *апте*, *абла*, *оджа* (*оджапче*), *шерфе* (*Меръем апа*, *Айше апте*, *Медине абла*, *Эмине оджа*, *Лейля шерфе*). В последние годы, по-видимому, не без влияния турецкого языка, возродились и стали очень употребительными обращения *бей* 'господин' и *ханым* 'госпожа' (*Мустафа бей*, *Рефат бей*, *Сафинар ханым*, *Меръем ханым*).

Фразеологические единицы крымскотатарского языка в основной своей массе гендерно не маркированы – обозначают и характеризуют лиц обоего пола в социально-статусном, психологическом, нравственном и других аспектах: *акъ сюек* (букв. белая кость) 'человек знатного происхождения'; *чыплакъ баджакъ* (букв. голые ноги) 'бедный, беднота'; *башы кокке тиймек* (букв. головой касаться неба) 'быть безгранично счастливым'; *агъзы бар*, *тили ёкъ* (букв. рот есть, языка нет у кого-либо) 'очень скромный, тихий, кроткий'; *ай-айы кетип*, *вай-вайы къалмакъ* (букв. ай-ай кончился, остался вай-вай у кого-либо) 'кто-либо очень стар, дряхл'; *сагъыр мелек* (букв. глухой ангел) 'с дефектами слуха' и др.

Как сказано выше, гендерная идентификация таких единиц осуществляется в рамках широкого контекста (конситуации): *Анифе аптенинъ ай-айы кетип*, *вай-вайы къалгъан*. 'Тетя Анифе совсем состарилась'. *Къомишу къартнынъ ай-айы кетип*, *вай-вайы къалды*. 'Старик сосед совсем одряхлел'.

Гендерными маркерами (показателями) могут выступать также некоторые компоненты в составе фразеологических единиц: личные имена, названия предметов, характерных для мужчин и женщин, свойственные им формы поведения, отражённые в буквальном значении словосочетания-прототипа, и т. п. Фразеологические единицы с феминным значением: *аршын тилли Шерифе* (букв. женщина Шерифе с аршинным языком) 'болтливая женщина'; *къаши-козь ойнатмакъ* (букв. играть бровями и глазами) 'игриво поглядывать

на кого-либо, кокетничать'; *башыны-сачыны юлкъмакъ* (букв. рвать волосы на голове) 'приходить в отчаяние, сильно досадовать, горевать' и др. Фразеологизмы с маскулинной семантикой: *башыны къалпакъ сыкъмакъ* (букв. голову кого-либо сжимает калпак; каракулевый калпак – характерный мужской головной убор) 'находиться в затруднительном положении'; *атны тувармакъ* (букв. распрягать коня) 'отказываться от своих слов, намерений'; *агъалыкъ (акъайлыкъ) сатмакъ* (букв. продавать мужество) 'заснаваться, важничать'.

Гендерные различия выступают особенно рельефно при наличии лексических оппозиций в составе одноструктурных фразеологических единиц с общим компонентом: *анасынынъ джиджи кызы* (букв. мамина прелестная дочка) 'избалованная, изнеженная девочка, девушка' – *анасынынъ джиджи огълу* (букв. мамин прелестный сынок) 'избалованный, изнеженный мальчик, юноша' и др.

Предварительный анализ семантического пространства фразеологии крымскотатарского языка не обнаружил явного гендерного дисбаланса: женщины и мужчины характеризуются как равноправные члены социума со свойственными каждому полу формами поведения – положительными и отрицательными. Пословицы и поговорки, хранилища многовековой народной мудрости, говорят об этом «открытым текстом», без всяких экивоков: *Саргъуш акъай – джан азабы, тенбель апай – юрт харабы*. 'Пьяный муж – душевная пытка, ленивая жена – разрушение домашнего очага'. *Яхшы къадын – эвиниъ гулю*. 'Хорошая жена – цветок (украшение) дома'. *Къадыннынъ онъгъаны хазна, онъмазы – къаза*. 'Хорошая жена – сокровище, плохая – беда'. *Апайын яман олса, эджелинъ етмей олерсинъ*. 'Если у тебя плохая жена, ты умрёшь раньше времени'. *Апайнынъ яманы озю кунъ корьмез, акъайына да кунъ косьтермез*. 'Плохая жена и сама не живёт, и мужу не даёт'. *Къадынны яхшы эткен къоджа, къоджасыны да яхшы эткен къадын*. 'Женщину хорошей делает хорошей муж, а мужа хорошим – жена' и др. Ср., однако: *Эрни эр эткен де къадын, эвни эв эткен де къадын*. 'Мужчину мужчиной делает женщина, и дом домом делает тоже женщина'.

Думается, такая гендерная гармония, отраженная в содержании крымскотатарских устойчивых оборотов разного типа, во многом обусловлена постулатами ислама, изложенными в Коране и хадисах

– повествованиях, содержащих сведения о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда: *«Будьте нежны к женщинам, (побуждая их) к благу»* [8, с. 108]. *Один человек сказал Посланнику Аллаха: «Кто из людей более достоин быть моим лучшим другом?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твой отец».* [8, с. 104]. В комментариях к данному хадису сказано, что ислам высоко ценит женщину-мать и требует её почитания.

Гендерно маркированная фразеология представляет собой значимый фрагмент концептуального поля «человек», являющегося базовым компонентом любой национальной концептосферы, и в этом качестве требует дальнейшего углублённого анализа.

Литература

1. Малишевская Д. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – Москва, 1999. – С. 180–184.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. – Москва, 2001. – С. 121–131.
3. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд, 1973. – 223 с.
4. Синельникова Л. Н., Богданович Г. Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. – Луганск – Симферополь, 2001. – 40 с.
5. Эмирова А. М. Гендер в зеркале русской фразеологии // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2002. – № 31. – С. 210–212.
6. Эмирова А. М. Оппозиция «мужчина – женщина» в русской фразеологии. // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – Москва: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 165–169.
7. 200 хадисов. Избранные высказывания и поступки пророка Мухаммеда. – Киев: Ансар Фаундейшн, 2003. – 192 с.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(Журнал «Крымское историческое обозрение». – Казань – Бахчисарай, 2015. – № 3. – С. 274–282.)

Аннотация

Универсальные энциклопедические словари репрезентируют, как известно, совокупные знания о мире одного этноса или человечества в целом. В крымскотатарской лексикографии имеется первый опыт создания такого типа словаря («Крымскотатарская энциклопедия». Автор-составитель Р. Музафаров), в котором сделана попытка представить совокупные знания, накопленные крымскотатарским народом во всех сферах его жизнедеятельности.

Анализ всех содержательных и формальных составляющих названного словаря: вокабулярия (словника), содержания словарных статей, указателя источников, списка сокращений, системы отсылок, пагинации, ортологии и пр. – показал, что словарь отличается невысоким научным качеством.

Словник не отражает совокупной «картины мира» народа. В него включены излишние элементы, не коррелирующие с типом словаря, и, наоборот, в нём отсутствуют некоторые значимые феномены крымскотатарской материальной и духовной культуры. Ущербен персоналий. Вокабулы не всегда отражают содержание словарных статей. Совокупное содержание словарных статей не систематизировано: одна и та же или аналогичная информация поданы в разных статьях, между которыми не всегда имеются отсылки. Встречаются фактические ошибки, незначимая информация, и, наоборот, отсутствуют необходимые сведения и пр. Текст словарных статей насыщен немотивированными сокращениями, затрудняющими чтение и понимание содержания.

Отсутствуют «входы» в словарь – алфавитный и тематический указатели, облегчающие поиск необходимой информации; пагинация не соотносится с объёмом словаря (часть страниц не пронумерована); встречаются разного рода ошибки и опечатки – орфографические, пунктуационные, стилистические. Отсутствует сводный список использованных источников. В тех же редких случаях, когда

источник указан в конце словарной статьи, он оформлен с нарушением требований ГОСТ.

Рецензируемый словарь содержит большой объём информации из разных сфер крымскотатарской культуры и истории, однако в связи с указанными выше недостатками, эти сведения не всегда доступны пользователю. Словарь нуждается в переиздании с учётом современных требований в лексикографии.

Такую работу мог бы выполнить «НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма», который создан в феврале 2015 г. при ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь, Республика Крым). Думается, в структуре данного НИИ следует создать словарный сектор, который будет целенаправленно заниматься подготовкой и изданием качественных словарей разного типа.

Ключевые слова: крымскотатарская энциклопедия, картина мира, вокабулярий, словарная статья, ортология, системные указатели, источники.

Словари – это универсальные, особым образом сконструированные и систематизированные источники фиксации, хранения и трансляции знаний о мире. Ценность словарей состоит не только в объёме их содержания, адекватно отражающем систему знаний определённого периода развития общества, но и в форме репрезентации знаний. Языковая фактура словарей во всех её проявлениях: объём словника, структура словарной статьи (инвариантная форма, глубина семантизации языковых единиц, система помет, иллюстративный материал и др.), а также уровень ортологии совокупного дискурса – отражает состояние самого языка и уровень соответствующего частного языкознания.

Различают словари двух типов – энциклопедические и филологические. В филологических словарях, как известно, описываются языковые единицы (морфемы, лексемы, фразеологизмы и др.), в энциклопедических – предметы, реалии окружающего мира. Энциклопедии, в свою очередь, бывают двух типов: общие, или универсальные, и отраслевые. В первых представлены универсальные знания о мире, во вторых – специальные, профессиональные знания.

Энциклопедический словарь общего типа призван представить «картину мира» народа во всей её полноте – достижения в области материальной и духовной, в том числе научной, культуры. Словарь по сути – это специфическая «визитная карточка» народа – носителя данной культуры. И даже такой на первый взгляд незначимый параметр словаря, как его оформление (структура словаря, словарной статьи, пагинация, ортология и пр.), является показателем культуры словарного дела и, следовательно, – состояния национальной науки в целом.

В крымскотатарской лексикографии имеется первый опыт создания универсального энциклопедического словаря – «Крымскотатарская энциклопедия» (Автор-составитель Р. Музафаров) [2]. В предисловии «От автора-составителя» цель работы определена следующим образом: «... дать возможно полное представление о крымских татарах и их исторической родине» [2, с. 18] – и перечислены некоторые эксплицирующие эту цель тематические группы слов: имена героев Советского Союза, учёных, партизан, участников крымскотатарского национального движения, а также представителей «других народов, жизнь и деятельность которых в той или иной степени связана с исторической родиной нашего народа» [2, с. 18]. В словарь включены также статьи, «посвящённые всем населённым пунктам Крыма, существовавшим на день Всесоюзной переписи населения 1989 года, а также сёлам крымских татар, снятым с учёта после депортации» [2, с. 18].

Рассмотрим основные содержательные параметры словаря – словник, словарные статьи, источники и др.

Словник (алфавитный перечень названий словарных статей), как известно, является основным репрезентантом содержания словаря. Наиболее значимые моменты истории и феномены культуры народа должны быть представлены в словнике, эксплицированное совокупное содержание которого призвано отразить картину мира этноса. К сожалению, словник рецензируемого словаря ущербен по многим параметрам: некоторые значимые концептуальные сферы не нашли в нём отражения; с другой стороны, в нём имеются лишние элементы, не коррелирующие с типом словаря; названия словарных статей (вокабул) часто неинформативны и нечётко сформулированы.

Вполне оправданным является отражение в словнике имён видных деятелей крымскотатарской истории и культуры: правителей разных периодов и эпох, учёных, писателей, героев разных сфер деятельности общества и др. Следовательно, в словаре, кроме алфавитного указателя вокабул (наименований словарных статей), должен быть и тематический указатель, объединяющий словарные статьи в определённые тематические блоки. В словаре такой «вход» отсутствует; более того, отсутствует даже страница «Содержание».

В рецензируемом словаре имеется большое количество избыточных по содержанию статей, характеризующих населённые пункты разного уровня (село, район). Например: *Бакал (крымскотат. бакалейщик) – назв. села Славное Разд. р-на Крым. обл. до депортации* [2, с. 88]. *Новоникольское – село Красногв. р-на Крым. обл. Числ. нас. (чел.): в 1989–897* [2, с. 542]. Отдельные статьи посвящены подробному описанию районов с перечислением населённых пунктов, природных объектов и количества проживавших там представителей разных национальностей (данные старых переписей) – Первомайского, Красногвардейского и др. Рядом, на смежных страницах [2, с. 664–665], находятся две словарные статьи, описывающие Симферопольский район, первая – Симферопольский район КАССР (довоенный), вторая – Симферопольский район Крымской области (послевоенный) и т. п.

Излишними представляются и словарные статьи, названные *Азербайджанцы, Балкарцы, Грузины, Казахи, Каракалтаки, Туркмены* и др. Мотивы их включения в «Крымскотатарскую энциклопедию» случайны и незначимы. Например, в статье *Казахи* написано: «В годы Великой Отечественной войны мн. К. оказались на территории оккупированного Крыма, где вместе с крым. татарами боролись против гитлеровцев» [2, с. 318]. О балкарцах же сказано лишь потому, что «согласно переписи 1989, в Крыму прож. 18 Б. <...> В 20–30-х гг. в учебных заведениях Крыма обучалось много Б.» [2, с. 91].

Не мотивирована также необходимость включения в словарь сведений об известных деятелях других национальностей: Г. Костюк, С. Кострицкий, Н. Котельников, Л. Кравчук, М. Коцюбинский и др. О Л. М. Кравчуке, например, написано следующее: (*род. в 1934*) –

укр. гос. деятель. *Президент Украины. Украинец* [2, с. 362]. Даны сведения о русских писателях, живших в Крыму или приезжавших в Крым на отдых: В. Каверин, Е., Криштоф, К. Паустовский, А. Первенцев и др. Несомненно, эти имена достойны включения в энциклопедии, но в данном случае речь идёт не о крымской, а крымскотатарской энциклопедии.

Вызывают недоумение также словарные статьи *Антропологический тип, Город, Государственное преступление, Календарь, Мародёр, Обыск, Переписи населения, Псевдоним, Симферопольский клад, Туризм, Хлебопашество* и др. Статья *Обыск*, например, имеет такое содержание: *Обыск – официальный осмотр кого-чего-нибудь с целью найти укываемое, недозволенное*. А далее на двух листах приведены сведения о результатах обыска у проф. Р. Музафарова 30 мая 1979 г. В словарной статье *Симферопольский клад* речь идёт не о названии клада, а о том, что в 60-х гг. XX в. в Симферополе был найден клад, состоявший из разнообразных золотых и серебряных украшений [2, с. 664].

В качестве вокабул иногда использованы названия газет, журналов, книг, в которых имеются сведения о крымских татарах: *«Исторические судьбы крымских татар», «Колокол», «На грани возможного», «Труд», «Крым мусульманлары», «Крым оджагы», «Крым хаберлери»* и др. Последние три вокабулы – это названия крымскотатарских газет довоенного периода. Их следовало бы перечислить и охарактеризовать в сводной словарной статье, названной, например, *Крымскотатарские СМИ*.

Содержание словарных статей не всегда корректно: имеются фактические ошибки, незначимые, случайные сведения, часто отсутствует необходимая информации. Так, в статье *Дагджи Чингиз* допущены четыре ошибки: имя писателя – Дженгиз, родился он не в 1920, а в 1919 г., не в Кызылташе, а в Гурзуфе; скончался не в 1989, а в 2011 г. Словарная статья, посвящённая известному учёному Р. Аппазову, который долгие годы работал в Конструкторском бюро С. Королёва и внёс большой вклад в советское ракетостроение, состоит всего из двух предложений: *«Аппазов Р. – крымскотатарский учёный, д-р геолого-минералогич. наук. Живёт в Москве»* [2, с. 62]. Рефат Аппазов не был доктором геолого-минералогических наук – ученое

звание профессора ему был присуждено *honoris causa*, за заслуги, без защиты диссертации. Очень скудна также информация о творчестве первого крымскотатарского профессора-тюрколога Бекира Чобан-заде. Не названа ни одна из его многочисленных монографий по крымскотатарской филологии, хотя еще в 1967 г. в № 1 журнала «Народы Азии и Африки» Ф. Д. Ашниным была напечатана статья, посвящённая жизни и творчеству учёного.

Как следует из сказанного выше, содержание словарных статей не систематизировано; одна и та же или аналогичная информация поданы в разных статьях, между которыми не всегда имеются отсылки. При отсутствии алфавитного и тематического указателей читатель практически не имеет возможности найти необходимую информацию.

К содержательным недостаткам словаря можно отнести и отсутствие сводного списка использованной литературы. В некоторых случаях источники информации даны с нарушением ГОСТ в конце словарных статей, в которых встречаются непонятные сокращения: *Магауин М. Казахские акыны т жырау в XV–XVIII вв. А.-А., 1968*. Выделенное полужирным шрифтом **А.-А.**, отсутствующее в списке сокращений, по-видимому, означает *Алма-Ата*. В словарной статье *Коллаборационисты* источник, изданный в 1956 г. в Берлине на немецком языке, передан кириллицей: *Лютер М. Дие Крим унтер де-утишер Бесатцунг им Цвейтен Вельткриег...* [страница без номера].

Бросаются в глаза изъяны формального характера: как было замечено выше, отсутствуют «входы» в словарь – алфавитный и тематический указатели, отсылки к другим статьям словаря, облегчающие поиск необходимой информации; пагинация не соотносится с объёмом словаря (часть страниц не пронумерована); встречаются разного рода ошибки и опечатки – орфографические, пунктуационные, стилистические.

Неверно оформлены выходные данные: на обороте титульного листа первого тома отсутствуют УДК, ББК, фамилии рецензентов, аннотация, копирайт; в конце томов не дана информация о дате подписания в печать, фактуре бумаги, тираже, корректоре и пр. Оба тома словаря имеют общую пагинацию: первый том начинается с 11-ой страницы и кончается 426-ой; второй том соответственно – с

423-ей по 835-ую страницы. В каждом томе имеются непронумерованные страницы: в первом – 54, во втором – 32. Итого 86 страниц выпали из пагинации.

Список сокращений, использованных в словарных статьях, составляет около 200 позиций (7 страниц). Слова сокращены составителем произвольно и разнотипно: *б/в* – без вести; *гор.* – городской; *гр.* – группа; *док.* – документ; *д-р* – доктор; *лит-ра* – литература и др. Один графический знак (фрагмент слова) может соотноситься с двумя разными словами: *в.* – выпуск, век; *верх.* – верховный, верхний; *г.* – год, город; *гл.* – глава, главный; *осн.* – основан, основной; *пр.* – премия, прочий и др. Слишком большое количество сокращений в словарных статьях и разнотипность их оформления затрудняют чтение и восприятие содержания. (См. приведённые выше примеры.)

Встречаются нарушения алфавитного порядка расположения вокабул: *Загадка*, *Заитов*, *Зайнудинов*, *Загребельный*, *Зайредин* (2, с. 258–259) и др.

В заключение следует сказать, что рецензируемый словарь содержит большой объём информации из разных сфер крымскотатарской культуры и истории. К сожалению, концепция словаря не продумана, материал не систематизирован, не снабжён необходимыми указателями и отсылками (см. об этом выше), не подготовлен к печати и просто не вычитан перед изданием.

Следует отдать должное патриотическому порыву и отваге составителя словаря, взявшегося в полном одиночестве выполнить столь ответственную работу. Думается, однако, универсальный энциклопедический словарь, представляющий мировой общественности «лицо» крымскотатарского народа, не может составляться по единоличному произволу, даже благородному и патриотическому, как в данном случае, – здесь должен работать коллектив компетентных в разных областях знаний специалистов.

Тут уместно напомнить, что в феврале 2015 г. Научный центр при ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь) преобразован в «НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма». Думается, в структуре данного НИИ следует создать словарный сектор, который будет целенаправленно заниматься подготовкой и изданием качественных словарей разного типа.

Примечание

Уже после написания данной рецензии на словарь Р. Музафарова в последнем номере всероссийской «Литературной газеты» за 2015 г. я прочла информацию Г. Домбровской «Санкциям назло» [1]. Сообщается, что известный французский историк и переводчик Жан-Клод Фрич своеобразно перевёл на французский язык энциклопедию, составленную Р. Музафаровым, назвав её «Petite encyclopédie des tatars de Crimée» – «Краткой энциклопедией крымских татар». Все сведения о крымскотатарских реалиях систематизированы переводчиком по темам: история, этногенез, культура, литература, демография и др. Можно полагать, что некоторые из отмеченных выше недостатков словаря в переводном формате Жан-Клода Фрича аннулированы и сглажены, за что переводчика следует поблагодарить от имени крымскотатарской общественности.

Литература

1. Домбровская Г. Санкциям назло // Вып. 4 «Муза Тавриды», Литературная газета, №№ 51–52, Москва, 24 – 31.12.2015.
2. Крымскотатарская энциклопедия. В 2-х тт. /Автор-составитель Р. Музафаров. – Т. 1. – Симферополь: Ватан, 1993. – 424 с.; Т. 2. – Симферополь: Ватан, 1995. – 425–836 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ

(Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. – Сборник материалов все-российского семинара-совещания (Москва, 23–25 июня 2015). – Москва, 2015. – С. 408–411.)

Новые геополитические условия, в которых находится Крым в связи с переходом в правовое поле Российской Федерации, требуют пересмотра и соответствующего – в рамках законов Российской Федерации – корректирования того, что было сделано за истекшие 24 года в области языкового строительства в Крыму.

Сложность природы языка, как известно, обуславливает его изучение в разных аспектах – теоретическом, практическом, социальном, культурологическом и др. На сегодняшнем этапе функционирования крымскотатарского языка наиболее важным аспектом его изучения является социальный: чтобы открывать необходимое количество школ разного уровня, издавать оптимальные тиражи учебных пособий, газет, журналов и художественной литературы, следует выяснить, каков социальный статус языка в данном государстве; каковы его демографическая и коммуникативная мощности; какова языковая компетенция представителей различных социальных групп (понимают ли они крымскотатарскую речь, умеют ли говорить, читать и писать на родном языке); каким типом письма (графики) пользуется данный народ; какова языковая ситуация и языковая политика в том государстве, где проживает народ – носитель языка; какова функционально-стилистическая дифференциация языка, в частности имеет ли он такой вариант, как литературный язык, и каков уровень его кодификации, и др.

Будучи русистом, я начала заниматься данными проблемами с первого года моего возвращения на родину (1991 г.), когда в Симферополе была проведена первая международная конференция, посвящённая проблемам активизации и консолидации усилий учёных разных отраслей знаний и производства в целях развития Крыма в новых геополитических условиях (здесь – деструкция СССР) [3],

За истекшие годы моей работы в Крыму (с 1991 по сегодняшний день), кроме работ по русской филологии, мною опубликовано около ста работ разного жанра по актуальным проблемам крымскотатарской филологии, большая часть которых посвящены проблемам социолингвистики: последствия лингвоцида для крымскотатарского языка [4]; реформа крымскотатарской графики – переход на латиницу [9]; языковая ситуация и языковая политика в Крыму и Украине [5; 7], в том числе экспертный анализ одного из проектов языковых законов в Украине [16]; имплементация положений «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» применительно не только к крымскотатарскому языку, но и другим языкам Крыма (русскому, караимскому и др.) [15]; языковая компетенция крымских татар и ее типология [8; 10]; проблемы крымскотатарско-русской интерференции [13] и др.

В 2010–2013 гг. я принимала участие в работе международного проекта «Крымский политический диалог», инициированного Международным миротворческим институтом «Патрир» в Румынии при финансовой поддержке МИД Финляндии. Проект поддерживал тематические диалоговые процессы по языковой политике, проблемам идентичности и изучение опыта политической работы с подобными проблемами в других частях Европы. В сфере языковой политики для Крыма была рекомендована разработка концепции мультилингвального образования совместно с Министерством образования и науки, молодёжи и спорта АРК под рабочим названием «Крымская школа».

Русский и крымскотатарский языки в правовом поле Украины имели, как известно, статус языков национальных меньшинств. Сегодня крымскотатарский язык, наряду с русским и украинским языками, согласно Конституции Республики Крым (ст. 10, п. 1) и соответствующим федеральным законам, получил статус государственного языка. Что это означает?

Государственный язык – это язык, который обслуживает все важные сферы государственной и общественной жизни: управление органами власти, делопроизводство, судопроизводство, законотворчество, дипломатия, СМИ, все формы и уровни образовательной системы и др. По содержанию понятия государственный язык равен языку официальному, но в отличие от него он выполняет особую

функцию – является, наряду с флагом, гербом и гимном, символом государственности [2, с. 34–34]. «Забота о Г. я. – это прерогатива и обязанность государства» [1, с. 48], которое в законодательном порядке гарантирует и обеспечивает оптимальное развитие и функционирование языка (языков).

Здесь уместно сказать, что межведомственная комиссия, созданная Совмином РК ещё в 2014 г., подготовила проекты законов «Об образовании в РК» и «О функционировании языков в РК», однако они до сих пор не приняты. (В указанной выше межведомственной комиссии не было ни одного учёного, занимающегося проблемами социальной лингвистики.)

Как следует из приведённой выше дефиниции, для оптимального выполнения государственными языками субъектов РФ всех своих функций они должны изучаться во всех звеньях системы образования и воспитания. Это значит, что государственные языки должны преподаваться в обязательном порядке во всех школах независимо от языка и формы обучения. (Ср.: русский язык в РФ, украинский в РУ, узбекский в РУзб. и др.)

Многу просмотрены официальные документы, регламентирующие функционирование в РФ государственных языков субъектов федерации: Конституция РК (11.04.2014), Закон о языках народов Российской Федерации (в ред. ФЗ от 24.07.98 № 126-ФЗ), ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 07.05.2013 № 99), ЗРТ № 1 от 12 января 2013 года «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан» и др.

Формулировки текстов статей названных документов, касающихся положений об использовании государственных языков во всех звеньях образовательной системы, как и полагается для документов такого жанра, сформулированы слишком общо (это не критика). Как известно, в каждой республике РФ существуют локальные нормативные акты, созданные соответствующими министерствами и их подразделениями.

Согласно статье 14 от 26.12.2012 № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» граждане России имеют право на получение дошкольного, начального и основного общего образования (с 1 по 9 классы) на родных языках, а также право на изучение род-

ных языков в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Обратим внимание, без комментариев, на концовку этого положения закона: **в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.** К сказанному следует добавить, что преподавание и изучение украинского и крымскотатарского языков осуществляется в образовательных организациях РК на основании заявлений родителей (минимум 7–8 заявлений). Следовательно, права детей изначально ущемлены, т. к. они опосредованы мотивацией и волей родителей.

Сегодня в общеобразовательных организациях Республики Крым обучается 184869 детей, в том числе на русском языке – 177984 ребёнка (96,2%); на крымскотатарском – 4895 (2,7%); на украинском – 1990 (1,1%). Функционирует 15 общеобразовательных организаций с крымскотатарским языком обучения (3307 учащихся). Кроме того, на базе школ с русским, двумя и тремя языками обучения функционируют классы с крымскотатарским языком обучения (1588 учащихся). 20841 обучающийся изучают родной язык в различных формах, из них 12461 изучает крымскотатарский язык как предмет, 241 – углубленно, 8139 – факультативно. (Информация получена в Министерстве образования, науки и молодёжи РК 05.06.2015.)

Приведённые выше количественные данные не поддаются адекватной качественной оценке в плане перспектив повышения уровня демографической мощности крымскотатарского языка и расширения его функционального пространства (коммуникативной мощности), т. к. в министерстве образования РК отсутствуют сведения о национальном составе учащихся.

Крымскотатарскую общественность, в том числе и небольшую группу квалифицированных филологов и социологов, в течение более чем 20 лет волнует также значимый для сохранения и дальнейшего развития крымскотатарского языка в целом и его стандартной формы – литературного языка – вопрос о его графической основе. Как известно, в 1992 г. в Симферополе состоялась международная конференция, посвящённая проблемам перехода крымскотатарского письма на латиницу. Был разработан и утверждён новый вариант латиницы (первый функционировал в 1929–1938 гг.), который позже (1997 г.) был ратифицирован ВС АРК.

Выше я уже сказала, что во многих своих научных работах затрагивала проблему реформы крымскотатарской графики. В 2010 г. группой учёных КИПУ под моим руководством были разработаны в формате проекта нормы орфографии и пунктуации для новой крымскотатарской латиницы и правила транслитерации с кириллицы на латиницу. Справочник был издан в 2010 г., а позже (2011, 2012 гг.) переиздавался с изменениями и дополнениями.

Как известно, реформы графики (замена кириллицы на латиницу) уже состоялись в таких тюркоязычных республиках, как Азербайджан, Узбекистан, Турменистан и др. По мнению учёных-тюркологов, в том числе и крымскотатарских, латинская графика способна более адекватно передавать особенности фонологической системы тюркских языков. В Республике Татарстан также делались попытки перейти на латиницу. Однако в статье 3 названного выше языкового закона Республики Татарстан заявлено, что «алфавит татарского языка как государственного строится на графической основе кириллицы в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25 октября 1991 года № 1807 – 1 «О языках народов Российской Федерации»». Тем не менее, в других статьях закона имеются такого рода комментарии: в ст. 5, п. 2, сказано, что в случае обращений граждан в государственные органы или в органы местного самоуправления РТ, оформленных латиницей или арабским письмом, к официальному ответу на графической основе кириллицы «может быть приложен ответ на татарском языке с исполнением знаков латинской или арабской графики». Для этих целей разработаны правила транслитерации, которые даны в приложении к названному закону.

Думается, данный момент – применительно к крымскотатарскому языку – заслуживает особого внимания. Нынешняя крымскотатарская кириллическая графика в некоторых позициях слова нарушает свойственный крымскотатарскому языку закон гармонии гласных и искажает результаты фонетического анализа слов и словоформ, который (анализ) является базовой обучающей процедурой в практике школьного и вузовского образования (ср.: *кузь* – *кузь+лер*; *боль* – *боль+мек* и др.). Можно сказать и более резко: кириллица препятствует орфоэпической кодификации стандартной (литературной) формы существования крымскотатарского языка.

Следует обратить внимание также на то, что многие политики (в том числе и крымские), выступая на телевидении и на рабочих заседаниях (например, в упомянутой выше межведомственной комиссии, в госсовете РК и др.), используют актуальную политическую фразеологию (она же – лингвистическая), не зная точного понятийного содержания таких слов и оборотов, как *государственный язык, официальный язык, родной язык, коренной народ, имплементация* и др. Такая часто встречающаяся трактовка термина *родной язык* как *язык, на котором человек думает*, с точки зрения современной психолингвистики представляет собой нонсенс. И этот нонсенс может привести к фальсификации, например, результатов периодически проводящейся в разных странах переписи населения, что может иметь отрицательные последствия в сфере политики, экономики и / или культуры.

И в заключение хочу сказать, что Республика Крым делает сегодня первые шаги в новом статусе субъекта РФ. Хочется надеяться, что будет учтён богатый опыт языкового строительства в Крыму, внесены необходимые коррективы в этот сложный процесс и будут созданы оптимальные условия для дальнейшего развития всех национальных языков Крыма, в том числе и для многострадального крымскотатарского языка который, по аттестации ЮНЕСКО, всё ещё находится под угрозой исчезновения. (См. атлас «Языки мира, находящиеся под угрозой исчезновения».)

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. – Москва, 2006. – С. 47–48.
2. Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Казак университеті, 2002. – С. 34–35.
3. Эмирова А. М. Актуальные вопросы изучения и преподавания крымскотатарского языка // Пути и научное обеспечение экономического, социального и культурного развития Крыма: материалы международной научной конференции (Симферополь, 23–26 апреля 1991 г.). – Симферополь, 1991. – С. 458–459.
4. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Кримські татари: Історія і сучасність. Матер. Міжнар. наук. конф. / До 50-річчя депортації кримськотатарського народу (Київ, 1994). – Київ, 1995. – С. 50–53.

5. Эмирова А. М. Языковая политика в Крыму как фактор стабилизации межэтнического согласия // Геополитика славянства. III Крымские международные чтения Н. Я. Данилевского. – Симферополь, 1998. – С. 22–24.
6. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Материалы международной научно-практической конференции. – Киев, 1999. – С. 25–30.
7. Эмирова А. М. Современная языковая ситуация в Крыму // Актуальные вопросы инновационной деятельности в государствах с переходной экономикой. Материалы международной научно-практической конференции к 80-летию НАН Украины. – Симферополь, 2001. – С. 199–201.
8. Эмирова А. М. Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.
9. Эмирова А. М. Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития // Ж. Східний світ. – Киев, 2002. – № 1. – С. 74–79.
10. Эмирова А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.). – Россия в мировом культурном пространстве. – СПб: Политехника, 2003. – С. 142–146.
11. Эмирова А. М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. № 43. – С. 242–245.
12. Эмирова А. М. Русский язык на Украине // Октябрь. – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
13. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма // ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – 2007. – № 18 (134). – С. 183–192.
14. Эмирова А. М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 22 (61), № 1. – Симферополь, 2009. – С. 185–189.
15. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык как объект «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» // Культура народов Причерноморья. – № 197. – Симферополь, 2010. – Т. 2. – С. 180–181.
16. Эмирова А. М. Комментарии к законопроекту «О языках в Украине» // Крымский политический диалог. 2010. – Москва, 2011. – С. 203–208.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Сборник научных трудов / ФГИИ «Азбука». – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 408–415.)

Специфика фразеологических единиц, понимаемых в данной работе в широком смысле – как любые по форме устойчивые сверхсловные комплексы, заключается не столько в форме (она соответствует моделям словосочетаний и предложений данного языка), сколько в их содержании. Устойчивость формы, которая, как известно, не исключает её варьирования, способствует активизации процессов семантического взаимодействия и развития (на семном уровне) словных компонентов фразеологизма.

Формирование разного типа фразеологических единиц происходит в актах когниции (resp. коммуникации) на базе мыслительных процессов категоризации, абстрагирования и расширения совокупного значения устойчивых словесных комплексов. Данные ментальные процессы свойственны человеку независимо от его расовой и национальной принадлежности, а также языка общения. Следовательно, фразеологию можно квалифицировать в качестве ментально обусловленной языковой универсалии. Способы образования фразеологических единиц в разных языках также универсальны.

Фразеологические единицы в крымскотатарском языке образуются следующими способами:

1. Семантическая трансформация свободных сочетаний слов

Основной способ образования крымскотатарских фразеологических единиц идиоматического характера – это изменение семантики свободных словосочетаний, которое происходит преимущественно путём **метафоризации**, т. е. переноса наименования по сходству между предметами (в широком смысле – как объектов познания). Внутренняя форма таких единиц, как правило, также универсальна, так как в ней отражается опыт освоения и осмысления человеком внешнего мира независимо от его социокультурного статуса: *башы кокке тиймек кимнинъ* (букв. головой касаться неба) ‘радоваться,

гордиться'; *башына бир шей кирмек кимнинъ* (букв. в чью-либо голову ничего не входит) 'кто-либо плохо соображает'; *бойнуна юлемек нени* (букв. взваливать на шею кому-либо что-либо) 'обременять работой'; *ёлуны шашырмакъ* (букв. потерять дорогу) 'ошибаться'; *ёлачмакъ кимге, неге* (букв. открывать дорогу кому-, чему-либо) 'способствовать кому-, чему-либо'; *ёлуны кесмек кимнинъ* (букв. преграждать дорогу кому-, чему-либо) 'препятствовать кому-, чему-либо'; *авагъа савурмакъ нени* (букв. бросать в воздух что-либо) 'тратить деньги, имущество; транжирить'; *адым атмагъа ер олмамакъ* (букв. шагнуть нет места) 'многолюдно, тесно'; *акъыл къоймакъ кимге* (букв. вставлять разум, мозги кому-либо) 'наставлять, наказывать'; *астыны устюне чевирмек ненинъ* (букв. менять местами низ и верх, ср. рус. *переворачивать вверх дном*) 'приводить в состояние полного беспорядка'; *арабасыны тувармакъ кимнинъ* (букв. распрягать телегу чью-либо) 'препятствовать кому-, чему-либо'; *атеш пускъюрмек* (букв. прыскать огнем) 'негодовать, сердиться'.

Метафоризация лежит также в основе образования пословиц: *Ишлеген демир тотланмаз* (букв. Работающее железо не ржавеет). – 'То, чем часто пользуются, дольше сохраняется в рабочем состоянии'. *Деве озъ къамбырыны коръмез* (букв. Верблюд не замечает своего горба). – 'Человек не замечает своих недостатков'. *Домуздан домуз догъар* (букв. От свиньи рождается свинья). Ср. рус. *Яблоко от яблони недалеко падает*.

Как видно из приведённых выше примеров, основанием метафорического переноса является преимущественно сходство структуры оценки, т. е. сходство общего впечатления, производимого предметом или явлением на говорящего.

Метонимия как особый тип переноса наименования с одного предмета на другой, основанный на смежности, тесной связи данных предметов, также способствует формированию фразеологического значения: *авучыны ачып юрьмек* (букв. ходить с открытой ладонью) 'просить милостыню'; *агъзыны ачмамакъ* (букв. не открывать рта) 'молчать'; *агъзыны юммакъ* (букв. закрывать рот) 'замолкать'; *агъзыны ачылып къалмакъ кимнинъ* (букв. оставаться с открытым ртом) 'очень удивляться'; *аякъ басмакъ* (букв. ступать ногой) 'приходить, появляться'; *богъаз кермек* (букв. расширять глотку) 'ругать, повышать голос на кого-либо'; *козьлерини юммакъ* (букв. закрывать глаза) 'умирать'; *къолу чебер кимнинъ* (букв. рука ловкая у кого-либо)

‘искусный в любом деле’; *башыны к̣ъашымаг̣ъа вак̣ъты олмамак̣ъ кимнин̣ъ* (букв. у кого-либо нет времени чесать в голове) ‘быть очень занятым’; *к̣ъол [эль] котермек* (букв. поднимать руку на кого-либо) ‘избивать’; *к̣ъолларыны к̣ъавуштырып отурмак̣ъ* (букв. сидеть, све-дя руки) ‘бездельничать’; *к̣ъапысына кельмек кимнин̣ъ* (букв. прихо-дить к дверям кого-либо) ‘обращаться с просьбой к кому-либо’ и др.

Значение небольшого количества фразеологических единиц сформировалось на базе **алогизма**, т. е. стилистического приёма, со-стоящего в нарушении логической сочетаемости слов и словоформ в составе устойчивого оборота: *копек сувармак̣ъ* (букв. поливать со-бак) ‘бездельничать’; *эньсесинде боза пиширмек кимнин̣ъ* (букв. ва-рить бузу, напиток из проса, на затылке кого-либо) ‘делать что-либо невозможное’; *язда к̣ъар яг̣ъг̣ъан сон̣ъ* (букв. когда летом выпадет снег) ‘никогда’; *аювлар к̣ъырк̣ъылг̣ъанда* (букв. когда медведей бу-дут стричь) ‘никогда’; *деве минареге чык̣ък̣ъанда* (букв. когда вер-блюды взберётся на минарет) ‘никогда’ и др.

2. Усечение паремий

Фразеологизмы образуются также в результате усечения (сокраще-ния) паремий. Фрагменты пословиц или поговорок, как правило, сохраняют их обобщённое значение. Так, пословица *Тама-тама голь олур* (букв. Капля по капле – образуется озеро) со значением ‘большое складывается из малого’ представляет собой фрагмент бо-лее полных форм: *Тама-тама голь олур, ак̣ъа-ак̣ъа сель олур* (букв. Капля по капле – образуется озеро, поток за потоком – образуется сель). *Ярым-ярым бир олур, бирев-бирев бин̣ъ олур, тамызг̣ъанда аз де-ме, тама-тама голь олур* (букв. Половина к половине – будет одно целое, один к одному – тысяча, не думай, что капля – это мало: капля по капле будет озеро).

Пословица *Уджуз этнин̣ъ шорбасы татымаз* (букв. Суп из дешёвого мяса не бывает вкусным) выражает обобщённое суждение – ‘По цене и качество’. Оторвавшийся от неё фрагмент *уджуз этнин̣ъ шорбасы* во-брал в себя всё содержание производящей основы, в том числе и её отрицательную коннотацию (говорится с неодобрением, пренебрежением), и используется в предложении в качестве оценоч-ного предиката: – *Насыл дюльбер ве уджуз шей!* ‘Какая красивая и дешёвая вещь!’ – *Уджуз этнин̣ъ шорбасы!* ‘По цене и качество!’

3. Калькирование

В последние десятилетия очень продуктивен такой способ образования устойчивых оборотов, как калькирование, – буквальный перевод иноязычных фразеологизмов средствами крымскотатарского языка. Калькируются преимущественно фразеологические обороты русского языка.

Большое количество фразеологических единиц, которые можно квалифицировать в качестве кáлек, встречается во фразеологических словарях разного типа. В плане сказанного очень показателен материал крымскотатарско-русского фразеологического словаря, составленного известным крымскотатарским лингвистом У. Куркчи [1]: *арадан чокъ сувлар акъып кетти* (букв. с тех пор много воды утекло) ‘прошло много времени, произошло много перемен’; *араларындан къара мышыкъ кечти* (букв. между ними чёрная кошка пробежала) ‘произошла ссора, размолвка между кем-либо’; *атеш ве къылычнен* (букв. огнём и мечом) ‘с беспощадной жестокостью, применяя самые крайние меры насилия’; *аякълары астында топракъ яна кимнинъ* (букв. земля горит под ногами кого-либо) ‘кто-либо вынужден быстро убежать, принимать меры спасения’; *балалыкъкъа урунмакъ* (букв. впадать в детство) 1) ‘терять рассудок от старости’, 2) ‘поступать неразумно, как дети’; *бостанына таиш атмакъ кимнинъ* (букв. бросать камень в огород кого-либо) ‘намекать на кого-либо в разговоре, в письме, отзываясь о нём неодобрительно’; *барот къокъусы къокъламамакъ* (букв. не нюхать запаха пороха) ‘не быть на войне, не воевать’; *бахт йылдызы алтында догъмакъ* (букв. родиться под счастливой звездой) ‘быть удачливым, счастливым, везучим во всём’; *башында айлань турмакъ* (букв. вертеться в голове) 1) ‘никак не вспоминаться’, 2) ‘постоянно возникать в сознании’; *башынен джевап бермек* (букв. отвечать головой) ‘брать на себя полную ответственность, быть готовым поплатиться жизнью’; *безз къаргъа* (букв. белая ворона) ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих’; *биринджи [ильк] къарылгъач* (букв. первая ласточка) 1) ‘самые первые признаки появления чего-либо’, 2) ‘самый первый в ряду следовавших за ним’; *къара ренкте коръмек нени* (букв. видеть в чёрном цвете что-либо) ‘представлять что-либо мрачным, неприглядным’; *пармагъынъны агъзына къоймамакъ кимнинъ* (букв. пальца в рот не класть кому-либо) ‘кто-либо таков, что с ним надо быть осторожным’; *тавандан алмакъ нени* (букв. брать

с потолка что-либо) ‘приводить какие-либо данные без достаточных оснований, наобум’; *тиши бар кимге* (букв. иметь зуб на кого-либо) ‘испытывать недовольство кем-либо, желание причинить вред, неприятность кому-либо’; *ярасына туз сепмек кимнинь* (букв. сыпать соль на рану чью-либо) ‘напоминать кому-либо о перенесённых страданиях, неудачах’ и др.

Гораздо реже встречаются кальки русских пословиц и поговорок: *Эр йылтырагъан алтын дегильдир* (букв. Не каждая блестящая вещь – золото.). – Ср. рус. *Не всё золото, что блестит. Баи кеткен сонъ, сач ичюн агъламазлар* (букв. Когда пропадает голова, о волосах не плачут.). – Ср. рус. *Снявши голову, по волосам не плачут. Озь кольмегинь озюне якъын* (букв. Своя рубашка к себе близка.). – Ср. рус. *Своя рубашка ближе к телу* и др.

Крылатое выражение *Рукописи не горят* из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» калькировано осознанно и использовано как специальный стилистический приём: Лякин «эльязма янмай» дегенлери киби, эсер ниает толусунын дюнъя юзю *корьмекте*. – ‘Однако, как говорят, *рукописи не горят*, произведение наконец-то увидело свет полностью» [2, с. 64].

Мой опыт создания русско-крымскотатарского фразеологического словаря [3] показал, что даже носители языка преклонного возраста затрудняются отграничивать исконно тюркские фразеологизмы от русских калек, что свидетельствует о мощном влиянии русского языка на механизмы речепроизводства крымских татар и о деформации их языкового сознания на глубинном ассоциативном уровне. Об этом же свидетельствует и приведённое выше большое количество калек, извлечённых из словаря [1].

В языке крымскотатарских СМИ сегодня используется большое количество устойчивых оборотов номинативного характера – калек и полукалек, называющих различные социальные реалии, институты, проекты, программы, международные организации, органы власти и т. п.: *халкъ душманы* ‘враг народа’, *тамыр миллет* ‘коренной народ’, *тунч гъалиби* ‘бронзовый призёр’, *зарарлы къылыкълар* ‘вредные привычки’, *къалем аркъадашларымыз* ‘коллеги по перу’ и др.

Гораздо чаще в языке СМИ используются фразеологические полукальки – «гибридные» устойчивые словосочетания, составленные из русских и крымскотатарских элементов: *Совет Бирлигининь эки дефа Къараманы* ‘Дважды Герой Советского Союза’; *Ерлештирюв*

Программасы ‘Программа обустройства’, Украина къараманы ‘Герой Украины’, без террор ‘белый террор’, кызыл террор ‘красный террор’, фахрий граждан ‘почетный гражданин’, девлет бюджет ‘государственный бюджет’, даимий комиссия ‘постоянная комиссия’, электрон кутюпханеси ‘электронная библиотека’, Миллетлерара мунасебетлери Комиссиясы ‘Комиссии межнациональных отношений’, Миллий тасиль концепциясы ‘Концепция национального образования’ и др.

Встречаются и собственно заимствования, оформленные слово- и формообразовательными аффиксами крымскотатарского языка: *лицензиялы программа ‘лицензионная программа’, реклама щити ‘рекламный щит’* и др.

Как видно из приведённых выше примеров, наиболее продуктивным способом образования фразеологических единиц номинативного характера на сегодняшнем этапе развития и функционирования крымскотатарского языка является калькирование устойчивых оборотов русского.

Употребление такого рода кáлек и полукáлек сегодня можно считать обоснованным: их использование обусловлено необходимостью называть новые социальные реалии и тем самым расширять номинативный инвентарь современного крымскотатарского языка.

Литература

1. Куркчи Усеин. Кырымтатарджа-русча фразеологик уйгундашлар лугъаты. – Акъмесджит: Кырымдевокъувпеднешир, 2011. – 296 с.
2. Селим Шакир. Кырымнаме II. Тамчылар. – Акъмесджит: Тарпан, 2008. – 176 с.
3. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.

Аннотация

В статье выявлены и охарактеризованы универсальные способы образования фразеологических единиц в крымскотатарском языке: семантическая трансформация свободных словосочетаний и предложений (метафоризация, метонимизация, алогизм); усечение паремий; калькирование.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, фразеология, метафора, метонимия, калька.

СЛОВАРИ КАК ЭМПИРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (На материале крымскотатарской лексикографии)

(Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета.
Серия: Филология. История. – Симферополь, 2016. – № 1. – С. 29–32.)

Постановка проблемы. Дальнейшее развитие крымскотатарского языка предполагает разработку лингвистической теории, соответствующей уровню современного отечественного языкознания, а также создание качественных словарей разного типа – как филологических, так и энциклопедических. Практическая лексикография (словарное дело) выполняет очень важные социальные функции: словари обеспечивают обучению языку, в данном случае – родному, осуществляют кодификацию (описание и систематизацию) норм литературного языка, способствуют оптимизации межъязыкового общения и др. Только на базе представительных и грамотно (во всех смыслах) составленных словарей, отражающих все параметры языковой системы, возможно объективное научное описание и изучение какого-либо языка.

В данной работе охарактеризованы (выборочно) разного типа современные крымскотатарские словари с целью способствовать дальнейшей оптимизации научного качества крымскотатарской лексикографии.

Анализ литературы. Автором настоящей статьи в 1998 г. был опубликован обзор изданных к тому времени крымскотатарских словарей (см. список литературы). По прошествии почти двадцати лет количество словарей увеличилось, но их качество по-прежнему оставляет желать лучшего. Научные рецензии на современные словари отсутствуют. Встречающиеся на газетных полосах материалы носят информационный характер.

Познание человеком окружающего мира начинается в актах непосредственного восприятия с помощью разных рецепторов. Однако большую часть знаний о мире на протяжении всей своей жизни он получает через язык. Межпоколенная трансляция знаний в современных сообществах происходит через язык преимущественно в его письменной форме (научная литература, разного рода справочники

и словари). Универсальным средством представления и экспликации лингвокультуры являются разного типа словари. Ценность словарей состоит не только в объёме их содержания, адекватно отражающем систему знаний определённого периода развития общества, но и в форме репрезентации знаний. Языковая фактура словарей во всех её проявлениях: объём словника, структура словарной статьи (инвариантная форма, глубина семантизации языковых единиц, система помет, иллюстративный материал и др.), а также уровень ортологии совокупного дискурса – отражает состояние самого языка и уровень соответствующего частного языкознания.

Цель данной работы – охарактеризовать (выборочно) разного типа современные крымскотатарские словари в плане их соответствия требованиям современной лексикографии и их способности репрезентировать крымскотатарскую языковую картину мира (resp. лингвокультуру) во всех её проявлениях – материальном, духовном и собственно языковом – и тем самым способствовать оптимизации словарного дела.

Объектом анализа в данной работе являются разного типа и жанра современные крымскотатарские словари – энциклопедические и филологические. Оптимальной формой отражения языковой картины мира являются словари, в которых представлены и определённым образом эксплицированы значимые единицы языка. Такими словарями являются в первую очередь филологические словари – толковые, идеографические, тематические, паремиологические, фразеологические и др. К ним примыкают переводные словари, однако информация о крымскотатарском мире в последних представлена фрагментарно, так как она опосредована русской языковой картиной мира.

Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние частного языкознания. Применительно к крымскотатарскому языку это означает, что существующие сегодня словари объективно отражают невысокий уровень теории и практики крымскотатарской лексикографии. В работе [6, с. 293–296] было охарактеризовано состояние крымскотатарской лексикографии и намечены пути её развития. По прошествии 18 лет количество словарей прибавилось, однако их качество в целом

остаётся на довольно низком уровне. До сих пор отсутствуют словари толковые, этимологические, идеографические, паронимические и др.; преобладают переводные дву- и трёхязычные словари.

В крымскотатарской лексикографии имеется первый опыт создания универсального энциклопедического словаря [4]. К сожалению, в нём много недостатков как содержательного, так и формального характера. Концепция словаря не продумана: некоторые значимые концептуальные сферы не нашли в нём целостного отражения; с другой стороны, в нём имеются избыточные элементы, не коррелирующие с типом словаря (сведения о населённых пунктах Крыма, деятелях других национальностей и др.). Форма и значение некоторых вокабул не информируют читателя о содержании словарной статьи (*Мародёр*, *Обыск*, *«Колокол»*, *«На грани возможного»* и др.).

Содержание словарных статей не всегда корректно: имеются фактические ошибки, незначимые сведения и др. Очень скудна, например, информация о творчестве первого крымскотатарского профессора-тюрколога Бекира Чобан-заде. Не названа ни одна из его многочисленных монографий по крымскотатарской филологии.

Бросаются в глаза изъяны формального характера: отсутствуют «входы» в словарь – алфавитный и тематический указатели, облегчающие поиск необходимой информации; пагинация не соотносится с объёмом словаря (86 страниц не пронумерованы); встречаются разного рода ошибки и опечатки – орфографические, пунктуационные, стилистические) и др.

За период с конца 90-х гг. XX в. и до сего дня издано около десяти фразеологических словарей (идиоматических и паремиологических), большая часть которых отличается низким научным уровнем. Например, в левую (русскую) часть словаря [2], адресованного учащимся начальных классов, включены идиомы, абстрактное значение которых не соответствует уровню мыслительных способностей учащихся этого возраста: *в пух и прах*, *держатъ ухо востро*, *из огня да в полымя*, *попадать впросак*, *семи пядей во лбу*, *у чёрта на куличках*, *чёртова дюжина* и др. Крымскотатарская же часть словаря представлены преимущественно кальками, которые не передают значения фразеологизма и его эмотивной и стилистической коннотаций: *лить воду на мельницу* – *дегирменге сув акъызмакъ*; *семь пятниц на*

неделе – афтасында еди джума и др. Такая форма экспликации фразеологических единиц в словаре не может способствовать знакомству учащихся с крымскотатарской лингвокультурой.

Низким уровнем лексикографической репрезентации фразеологизмов отличаются также словари [1; 5; 8 и др.]. См. подробно [7, с. 129–144].

Терминологические словари, как особый вид толкового словаря, могут не только репрезентировать знания, накопленные обществом (человечеством) в той или иной сфере деятельности, но и свидетельствовать об уровне развития соответствующих научных дисциплин. Словарь [9], адресованный преподавателям и учащимся средней школы, не соответствует требованиям, предъявляемым к словарям подобного типа. Анализ словника показал, что, кроме терминов, в словарь включены общенаучная лексика, номенклатура разных сфер знания, профессионализмы и разговорная лексика разных тематических пластов.

Языковой материал подан в рамках разделов, по мнению составителей, соотносящихся со школьными учебными дисциплинами, в ряду которых названы геология, политика, философия и др. Имеется и курьёзный раздел «Школьные термины», в котором представлены разного типа языковые / речевые выражения: *аквариум, аккуратно одетый, аплодисменты, бал-маскарад, безошибочно, бережное отношение к книгам, готовить уроки, Здравствуйте!, Какой сегодня день недели?, кружева, лепить из глины* и др.

Проведённый анализ показал, что часть крымскотатарской лексикографии обладает невысоким уровнем научного исполнения:

- не заявлены критерии отбора и формирования словника;
- ущербна структура словарной статьи: не выделены семантические варианты языковых единиц (полисемия), отсутствуют необходимые грамматические, стилистические и эмотивные пометы, которые призваны показать сочетаемость языковой единицы с другими компонентами текста, а также особенности её семантики;
- неверно оформлены инварианты языковых единиц, особенно – фразеологических и сверхсловных терминологических;
- в разных частях (крымскотатарской, русской) и структурных зонах (предисловие, словарная статья, приложение и др.) словаря

встречаются ошибки – орфографические, пунктуационные, стилистические и др., что во многом объясняется тем, что издание словарей осуществляется без корректорского надзора.

Крымскотатарская лингвокультура, т. е. совокупность наименований разных феноменов материальной и духовной культуры, в том числе – собственно языковой, филологической, в современной лексикографии представлена ущербно: номинации многих общекультурных и филологических категорий в сводном словнике отсутствуют.

Корректная оценка современного состояния крымскотатарской филологии и такого её раздела, как теоретическая и практическая лексикография, может быть дана лишь с учётом социально-политических условий, в которых находились крымские татары и их культура в последнее столетие. Как известно, актом тотальной депортации народа (18 мая 1944 г.) крымскотатарский язык был вычеркнут из списка «ста тридцати равноправных» (языков народов СССР) [3] со всеми вытекающими из него последствиями (сокращение демографической и коммуникативной мощностей языка, деструкция всех уровней его системы и др.).

Здесь уместно привести цитату из моей статьи 18-летней давности: «Словарное дело нельзя отдавать на откуп всем желающим. Должна существовать какая-то научная структура (словарная лаборатория, словарный сектор при НИИ, академии наук и т. п.), состоящая из специалистов. Такая структура должна готовить необходимые лексикографические справочники, а также проводить экспертизу подготовленных автономными авторами словарей, начиная с их концепции, принципов формирования словника и пр. и кончая последним – перед рекомендацией к изданию – рецензированием. Эта же структура должна определять актуальные и перспективные направления словарного дела» [6, с. 296].

Такая структура – «НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма» – создана в ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь) в феврале 2015 г.

В целях оптимизации словарного дела (на первом этапе – хотя бы в рамках ГБОУВО РК КИПУ) следует соблюдать следующие требования:

1. Создать в структуре НИИ специальный словарный отдел, представленный филологами соответствующего профиля.

2. Периодически консультировать сотрудников НИИ, занимающихся составлением разного рода лексикографических пособий.

3. Обсуждать результаты их работы на заседаниях научного совета НИИ.

4. Проводить квалифицированное рецензирование готовых к изданию лексикографических пособий и справочников.

5. Обеспечивать их публикацию в издательствах, имеющих квалифицированных специалистов (редактор, корректоры по соответствующим языкам) и обладающих современной технологической базой.

Крымскотатарская практическая лексикография – это объективное «зеркало», в котором отражается современное состояние всех уровней системы языка, а также всех участков крымскотатарского языкознания, которые соотносятся с отражаемыми в словарях языковыми феноменами. Более того, словари разного типа – это «визитные карточки» крымскотатарского народа, предъявляемые им современному миру в межкультурной коммуникации. Создание словарей, отвечающих требованиям отечественной лексикографии, – одна из первоочередных задач крымскотатарской науки на современном этапе её развития.

Литература

1. Айтымлар лугъаты (тургъун сёз бирикмелери) / топлагъан ве тертип эткен Э. Абдуллаев. – Акъмесджит: Доля, 2008. – 117 с.

2. Девлетов Р. Р. Русско-крымскотатарско-украинский фразеологический словарь для начальных клас сов. – Киев: Пед. думка, 1999. – 27 с.

3. Исаев М. Сто тридцать равноправных (О языках народов СССР). – М.: Наука; АН СССР Институт языкознания, 1970. – 192 с.

4. Крымскотатарская энциклопедия: в 2-х тт. Автор-составитель Р. Музафаров. – Симферополь: Ватан, 1993. – Т. I. – 424 с.; Т. II. – Симферополь: Ветан, 1995. – 425–836 с.

5. Меметов А., А. Куртсеитов. Къыскъа кырымтатарджа-русча фразеологик лугъат Симферополь: Къырымдеврокъувпедне-шир, 2009. – 94 с.

6. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.

7. Эмирова А. М. Основы крымскотатарской фразеологии. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – С. 125–145.

8. Усеинов С. Фразеологизмы и идиоматические выражения украинского языка, их эквиваленты (переводы) в крымскотатарском и русском языках. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. – 328 с.

9. Усеинов С. М., Бекиров Э. А. Русско-украинско-крымскотатарский словарь терминов. – Симферополь: Изд-во ЧП Э. С. Дагаджиева, 2014. – 520 с.

Аннотация

Практическая лексикография, кроме своих основных функций, выполняет ещё одну, эксклюзивную, функцию – выявляет уровень развития частного языкознания в плане отражения концептосферы данного языка. В статье обзорно охарактеризовано состояние современной крымскотатарской лексикографии. Особое внимание уделено тем словарям, которые обладают невысоким научным уровнем и не способны адекватно, во всей полноте представить языковую картину мира народа – носителя данного языка. Сделана попытка выявить причины такого состояния крымскотатарской лексикографии и шире – языкознания в целом.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, лингвокультурология, лексикография.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

(Русский язык в поликультурном мире. I Международный симпозиум. Ялта, 8–12 июня 2017 г. Сборник научных статей. В 2-х тт. – Том I. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 101–107.)

*Ищите и обрящете. Толщете, и отвержется.
(Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 7)*

Русский и крымскотатарский языки в правовом поле Украины имели, как известно, статус языков национальных меньшинств. Будучи русистом, я прекрасно осознавала некорректность такого статуса для русского языка, поэтому особое внимание мной было уделено проблемам имплементации положений «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» применительно к русскому и миноритарным языкам Крыма (крымскотатарскому, караимскому, крымчакскому). Известно, однако, что ни одна из «больных» проблем языковой ситуации и языковой политики в Крыму за 23 года (с 1991 по 2014 гг.) решена не была [2–6].

Новые геополитические условия, в которых сегодня находится Крым, поставили перед всем крымским сообществом, в том числе и властными институтами РК, задачу создания условий для корректной и своевременной имплементации нового социального статуса доминирующих в Крыму языков – русского, украинского, крымскотатарского. За истекшие три года многое сделано в этом направлении: принят «Закон об образовании в Республике Крым» (17 июня 2015 г.), реорганизована в нужном направлении система образования, в том числе внедрены в учебную практику учебные пособия, соответствующие российским стандартам, и др. Однако многое ещё предстоит сделать. В частности, до сих пор не принят закон «О функционировании государственных языков и иных языков в Республике Крым» (проект от 14.04.2015).

Выполняет ли сегодня крымскотатарский язык делегированные ему три года назад функции государственного языка? Государственный язык, как известно, – это язык, который обслуживает все важные сферы государственной и общественной жизни: управление, де-

лопроизводство, судопроизводство, законотворчество, дипломатия, СМИ, все формы и уровни образовательной системы и др. Крымскотатарский язык сегодня не выполняет всех перечисленных выше функций. Он используется ограниченно лишь в сферах образования и науки (филологии), а также в СМИ (resp. в интернете).

Витальность и дальнейшее развитие языка, как известно, обеспечиваются его использованием прежде всего в трёх сферах: в семье, в практике преподавания и в общественной жизни.

Крымскотатарская семья сегодня не в состоянии обеспечить естественного приобщения новых поколений к национальной культуре и её базовому компоненту – крымскотатарскому языку. Такое положение дел объясняется тем, что уже четвёртое поколение крымских татар живёт в мощном иноязычном окружении, одним из следствий которого является большое количество смешанных браков (по разным источникам – от 20 до 40%)., языком общения в которых является русский язык. В несмешанных семьях, сформированных молодыми поколениями, получившими среднее и высшее образование в русской школе, семейным языком также является русский язык. Известно, что язык умирает, если он перестает быть средством общения в семье. Однако, выполняя лишь эту функцию, он не только не развивается, но беднеет, вырождается.

Сегодня есть основания говорить о языковой аттриции – частичной деградации, коррозии крымскотатарского языка, что проявляется в наличии многочисленных лексических заимствований из русского языка, в том числе разного рода кáлек и полука́лек (словообразовательных, фразеологических, синтаксических); в замедлении процессов развития лексического состава языка (отсутствуют новообразования, созданные на базе собственных деривационных ресурсов крымско-татарского языка); в морфологической и синтаксической интерференции; в лексических и фразеологических заменах в процессах продуцирования речи; в появлении слышимого акцента и др.

Не следует при этом забывать, что согласно последней версии «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (2010 г.) степень сохранности крымскотатарского языка можно определить как промежуточную между *под угрозой* (в семье дети уже не овладевают родным языком) и *серьёзно уязвимый* (на языке говорит

старшее поколение; новые генерации родителей могут его понимать, но не говорят на нём с детьми и/или между собой).

Надежду на сохранение и дальнейшее развитие родного языка крымскотатарская общественность сегодня связывает лишь со сферой образования.

Согласно п. 2 статьи 11 «Язык образования» закона «Об образовании в Республике Крым», дублирующего п. 4 статьи 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «граждане РФ, проживающие на территории РК, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымскотатарском, а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» К сказанному следует добавить, что преподавание и изучение крымско-татарского языка осуществляется в образовательных организациях РК на основании заявлений родителей (минимум 7–8). Следовательно, конституционные права детей изначально ущемлены, т. к. они опосредованы мотивацией и волей родителей. Складывается впечатление, что проблема сохранения и развития миноритарных языков не только в РК, но и, судя по информации в СМИ, в Российской Федерации в целом передана в ведение родителей. Однако, как известно, родительская общественность не является единой социальной структурой, обладающей инструментами воздействия на социум.

В 2016/2017 учебном году в Республике Крым функционирует 556 общеобразовательных организаций всех форм собственности, в которых обучается 192,3 тысяч детей. Из них 186,5 тысяч детей получают образование на русском языке (96,9 % от общего контингента), 5,4 тысяч детей – на крымскотатарском (3 %), 371 – на украинском (0,1 %). Кроме того, на базе общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения открыты классы с крымскотатарским языком обучения – в 37 школах (137 классов, 1730 учащихся).

Как соотносится цифра 3% с общим количеством детей школьного возраста крымскотатарской национальности? Такие данные в Министерстве образования РК отсутствуют. Может ли такое мизерное количество детей, обучающихся сегодня на родном языке, после их вступления во взрослую жизнь как-то способствовать если не разви-

тию, то хотя бы сохранению следующими поколениями крымскотатарского языка? Ответ ясен.

Какова же сегодня языковая политика в РК? Как было сказано выше, до сих пор не принят закон о функционировании языков в РК (проект от 14.04.2015), который по логике вещей должен был предшествовать закону об образовании. С 05.03.2015 г. по сей день находится в стадии рассмотрения в комиссиях Госсовета РК и проект закона РК «О государственной поддержке крымскотатарского языка как государственного языка Республики Крым», который, как сказано в преамбуле текста законопроекта, направлен на создание условий для использования крымскотатарского языка как государственного языка на территории Республики Крым, защиту и развитие крымскотатарской языковой культуры, сохранение исторических и национальных традиций и культурного своеобразия Республики Крым.

Узловые моменты содержания данного законопроекта, изложенные в семи статьях, коррелируют с духом и буквой федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации» и «О языках народов Российской Федерации». Под защитой крымскотатарского языка понимается обеспечение его распространения, использования, сохранения и развития посредством прежде всего обязательного преподавания крымскотатарского языка в учреждениях дошкольного, начального общего, основного общего, полного общего, начального и среднего профессионального образования и др. Именно это положение – обязательное преподавание и изучение крымскотатарского языка во всех звеньях системы образования и воспитания – вызывает возражения критиков. Например, в заключении комиссии Госсовета РК по вопросам образования, науки, делам молодежи и спорта о проекте закона «О функционировании государственных языков в Республике Крым» (06.03.2015) написано: «В основу проекта закона положено обыденное (не научное) толкование понятия «государственный язык». Подразумевается, что все государственные языки – это языки, обязательные для изучения, в то время как государственный язык, по нашему мнению, следует определять как язык, на котором гражданин может осуществлять коммуникацию с государством».

Здесь уместно напомнить также определение понятия «государственный язык» в словаре ИЯ РАН [1]: государственный язык – это

«язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др.» [1, с. 47]. В отсылочной статье «Огосударствление языка» того же словаря [Там же, с. 157] термин огосударствление языка толкуется как «придание языку данной территориальной единицы статуса государственного и, следовательно, обязательного для употребления в официальных сферах общения (выделено мной. – А. Э.)».

Как известно, в разных субъектах РФ преподавании государственных (в том числе и родных) языков осуществляется в соответствии с социально-демографическими особенностями региона. Так, в Чечне национальный язык преподаётся во всех школах республики как отдельный предмет. В республиках Татарстан и Калмыкия приняты законы, в соответствии с которыми граждане России, обучающиеся на территории этих регионов, помимо русского языка, как государственного языка РФ, обязаны изучать также государственный язык республики [<http://nazaccent.ru/content/11552-89-rodnyh-yazykov.html>] (Дата обращения: 08.04.2017)].

Представляется, что на сегодняшнем этапе функционирования крымского сообщества проблему сохранения и дальнейшего развития крымскотатарского языка можно было бы решить путем обязательного его преподавания в качестве родного языка в начальной школе, например, путём деления учащихся класса по национальным группам (русские, украинцы и крымские татары) или иным способом по усмотрению администрации школы. На следующих же этапах обучения сохранить нынешнюю практику преподавания – с согласия родителей. Такой путь позволил бы избежать межэтнической напряженности и в какой-то степени способствовал бы сохранению крымскотатарского языка.

Мировая общественность сегодня, как известно, внимательно следит за событиями в России и в Крыму. Представляется, что новые реальные шаги РФ по сохранению и развитию крымскотатарского языка могли бы способствовать укреплению международного имиджа России как гаранта мира и демократии.

Забота о государственных языках, как известно, – это прерогатива и обязанность государства. В свете сказанного следует напомнить содержание пункта 2 статьи 4 закона РФ «О языках народов Российской Федерации»: «Социальная защита языков предусматривает

проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РФ». См. также пункт 4 названной статьи, предусматривающий ответственность юридических и физических лиц за актуализацию научно обоснованной языковой политики.

Крымские татары – один из коренных народов Крыма, многовековая культура которых является своеобразной визитной карточкой Крыма. Долг и обязанность великой России сегодня перед всей мировой общественностью – сохранить уникальную культуру крымских татар и её душу – крымскотатарский язык.

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. д-р филол. наук В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
2. Эмирова А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // X конгресс МАПРЯЛ. (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.) Русское слово в мировой культуре. Россия в мировом культурном пространстве. – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2003. – С. 142–146.
3. Эмирова А. М. Русский язык на Украине (Новая концепция государственной языковой политики) // Журнал «Октябрь». – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
4. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык как объект «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» // Культура народов Причерноморья. – № 197. – Т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 180–187.
5. Эмирова А. М. Правовой статус крымскотатарского языка в Республике Крым и перспективы его имплементации // Сборник материалов всероссийского семинара-совещания «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. – М., 2015. – С. 408–411.
6. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в языковой ситуации Республики Крым // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 г.). – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2016. – С. 731–735.

СРАВНЕНИЕ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИЦИИ (На материале крымскотатарских загадок)

(Вестник РУДН. – Москва, 2017. – № 3. – С. 554–562.)

Аннотация

В статье проведён комплексный анализ категории сравнения в крымскотатарском языке, которая не была предметом специального исследования. Объектом анализа послужили извлечённые из загадок языковые единицы разного типа, выражающие идею сравнения. Предметом анализа является категория сравнения как одна из базовых категорий когниции, отражающих языковую картину народа – носителя языка. Методами описания и лингвокультурологического комментария определена природа ментального содержания загадок; описаны лексико-семантические и грамматические способы выражения идеи сравнения (комплексная метафоризация, послеложно-именные конструкции разного типа, особые синтаксические модели, лексемы с семантикой подобия и др.); выявлены и охарактеризованы тематические группы слов, называющих эталоны и референты сравнения, и др. В совокупном дискурсе загадок, как универсальных форм выражения компаративного содержания, отражена широкая аксиологически маркированная языковая картина мира крымскотатарского народа: его история, феномены материальной и духовной культуры, традиционные формы жизнедеятельности, обусловленные специфическими природно-климатическими условиями Крымского полуострова, и др.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, категория сравнения, эталон и референт сравнения, когниция, крымскотатарская картина мира.

Введение

К онтологическим категориям познания и мышления человека Аристотель, как известно, относил субстанцию, количество, качество, отношение, пространство, время и др. В современной науке реестр таких категорий существенно изменён в количественном и качественном отношениях: «Несмотря на многочисленные попытки... объяснения, в понимании онтологических категорий, как и в

их списке, остаётся, несомненно, ещё много неясного» [1, с. 232]. См. также [3; 4]. Думается, категория сравнения может быть квалифицирована в качестве одной из ипостасей категории отношения.

Категория сравнения

Сравнение – один из основных приёмов познания человеком объективного мира, которое происходит на базе мыслительных процессов категоризации и концептуализации.

Категоризация – это сравнение любого познаваемого предмета, явления, события с однородными феноменами, нахождение в них сходных или тождественных черт, что позволяет познающему человеку объединить их в одну рубрику опыта или знания, называемую категорией. Процесс категоризации сопровождается концептуализацией и завершается формированием концепта.

Концептуализация – это формирование в сознании человека структур знания об объективном мире, «окружённых» разнообразными интерпретационно-оценочными ассоциациями. Общие понятия, передаваемые данными структурами знания, называются концептами. Они могут быть выражены в образной форме, как совокупность перцепций, поступающих в мозг от всех органов чувств, и в вербальной форме. Знаками концептов первого типа могут выступать произведения всех видов искусства (архитектурная форма, танец, рисунок и др.). В актах же языковой коммуникации формой объективации (использования, актуализации) концепта является его имя в виде слова или словосочетания. По мнению Е. С. Кубряковой, «процесс концептуализации направлен в общем виде на выделение неких предельных для определённого уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, и этим он отличен от процесса категоризации, который направлен скорее на объединение единиц, представляющих сходство в том или ином отношении, но обязательно – при сличении этих единиц с концептом, принятым за основание самой категории» [1, с. 319].

Таким образом, можно говорить об исключительной значимости для познающего и преобразующего мир человека категории сравнения, лежащей в основе базовых когнитивных процессов – категоризации и концептуализации. Сказанное выше позволяет утверждать, что категорию сравнения можно квалифицировать в качестве ментальной и языковой универсалии.

Категория сравнения достаточно хорошо изучена в отечественном языкознании, в том числе и в сопоставительном плане. Однако в крымскотатарском языкознании она не была объектом специального исследования. Актуальность и новизна предлагаемого в данной работе комплексного подхода к анализу названной категории обусловлены также активизацией исследований в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Представляется, что концепт сравнения в определённой степени отражает картину мира народа – носителя данного языка, его ценностные ориентиры, обусловленные природно-географическими условиями его формирования и вытекающими отсюда традиционными формами жизнедеятельности. Сравнительные формы и конструкции, встречающиеся в разных вариантах языка, можно считать специфическими знаками этнокультуры. Особенно значимы в данном плане территориальные диалекты и общефольклорные тексты.

Объектом анализа в настоящей работе являются разного структурно-грамматического и логико-семантического типа сравнительные конструкции, извлеченные из крымскотатарских загадок [6].

Цель настоящего исследования – комплексный анализ сравнительных конструкций как знаков крымскотатарской лингвокультуры. Достижение указанной цели предполагает 1. определение специфики мыслительного содержания загадок; 2. характеристику лексических и грамматических особенностей сравнительных конструкций, выражающих идею подобия; 3. выявление семантико-тематических особенностей слов, выполняющих в составе сравнительных оборотов функции основания сравнения; 4. тематическую характеристику референтов загадок; 5. оценку лингвокультурологической значимости семантического пространства сравнений.

Язык загадок – это своеобразная игровая криптолалия (тайно-речие), опирающаяся на знания человека об окружающем мире, а также на его когнитивные способности – восприятие, воображение, мышление, память, на базе которых протекают процессы категоризации и концептуализации.

Ментальное содержание загадок представляет собой сравнительное соотнесение уже познанных предметов и явлений объективной действительности с теми, которые «зашифрованы» в формальной структуре загадок. Последние – искомые предметы – можно квалифицировать в качестве референтов загадки: референт – это «объект внеязыковой

действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок» [2]. Следовательно, можно говорить о том, что загадка по природе своей является оязыковлённой идеей сравнения. Сравнительные формы и конструкции – не обязательный элемент структуры загадок, однако их наличие способствует интенсификации компаративного значения, каким по природе своей является содержание загадки.

В логико-семантическом отношении загадка представляет собой синтетичную форму – суждение или несколько суждений. Суждение, как известно, состоит из предмета мысли (субъекта), и предиката, характеризующего (утверждающего или отрицающего) что-либо относительно субъекта мысли или его свойств. Референт загадки в грамматической структуре может быть выражен двумя способами: 1. через квазисубъект (слово, обозначающее некий предмет, имеющий подобные или схожие с референтом загадки признаки) и 2. через нулевой субъект (отсутствие субъекта). И в том, и в другом случаях называются признаки, свойства искомого референта, выраженные прямыми или производными номинациями.

Примеры загадок первого типа (с квазисубъектом): *Эв сачакъта асылгъан, балта, чотсуз ясалгъан (Къуш ювасы)*. – ‘Под стрехой висит дом, построенный без топора (Гнездо птицы)’. *Тос-томалакъ таиш, ичи толу аш (Джевиз)*. – ‘Круглый-прекруглый камень, внутри – много еды (Грецкий орех)’.

Загадки второго типа (без субъекта): *Озь эвини аркъасында таишый (Чыкъчыкъбалабан)*. – ‘Свой дом носит на спине (Улитка)’. *Ель дайын эсер, терек дайын осер, къылыч дайын кесер (Атеиш)*. – ‘Дует, как ветер, растёт, как дерево, режет, как сабля (Огонь)’. *Баиш таракъ, къуй-ругъы оракъ (Хораз)*. – ‘Голова – гребешком, хвост – серпом (Петух)’.

Как видно из приведённых выше примеров, предмет, служащий основанием, эталоном сравнения, в реальной действительности, как правило, не имеет общих дифференциальных признаков с референтом загадки (ср.: *къайыш* ‘ремень’ – *йылан* ‘змея’). Сравнение (точнее – сопоставление) опирается не на существенные, а на самые общие, ассоциативно-образные признаки понятия, «вылавливаемые» из ассоциативного поля соотносительных лексем. Так, петух сравнивается с мальчиком, курица – с девочкой лишь по признаку пола; сапог – с коловцем, потому что он ассоциируется с ёмкостью, в которую следует опускать ногу, и т. п. Такие смутные ассоциации часто выражаются с помощью лексемы *бир*, выполняющей функцию неопределённого ар-

тикля в значении ‘некий, какой-то’: *Бир огълум бар; агъызы кемиктен, сакъалы эттен (Хораз)*. – ‘Есть у меня один сын; рот у него из кости, борода – из мяса (Петух)’. *Бир чатал терек терзиге керек (Макъас)*. – ‘Какая-то корявая ветка необходима портному (Ножницы)’.

Способы выражения категории сравнения в разных языках весьма разнообразны. В крымскотатарском языке наиболее частотны загадки, образованные путём метафоризации: текст используется в переносном смысле, основанном на сходстве предметов, их свойств или на подобии ситуаций: *Къызыл сырыкъ устюнде акъ фериклер отура (Тишлер)*. – ‘На красном насесте сидят молодые белые курочки (Зубы)’. *Еишиль къылыч эль кесер (Къамыш)*. – ‘Зелёная сабля режет руку (Камыш)». *Орьме сепет ичинде къара конъуз орьсенлей (Козь)*. – ‘В плетёной корзине шевелится чёрный жук (Глаз)’.

На втором месте по частотности находятся обороты, построенные по модели «имя существительное + послелог *киби* ‘как, словно, как будто’»: *Узундыр, сырыкъ киби, аджджыдыр, зеэр киби. Маалле-мааледен кезер, сескенип, тавукъ киби ((Тютюн чубугъы)*. – ‘Длинный, как жердь, горький, как отрава. Ходит по деревьям, встряхиваясь, как курица (Чубук, курительная трубка)’.

Реже встречаются сравнительные обороты с синонимичным послелогом *дайын*: *Ель дайын эсер, терек дайын осер, къылыч дайын кесер (Атеш)*. – ‘Дует, как ветер; растёт, как дерево; режет, как клинок (Огонь)’.

Компаративное значение с количественным оттенком (‘много/мало’) могут передавать и обороты с послелогом *къадар* в сочетании с именами в основном падеже: *Туткъан – онъмасын, ашагъан – тоймасын, саткъан – пулым къадар пара къазансын. (Балыкъ)*. – ‘Пусть не везёт поймавшему, не насытится едящий, а продавшему – столько денег, сколько у меня чешуи. (Рыба)’.

Послелог *дайын* в крымскотатарском языке имеет стяжённую форму *-дай*, которая уподобилась аффиксу и согласно принятым правилам орфографии пишется с препозитивным именем слитно [5, с. 271]: *Озю топдай, ичи къандай, дамы балдай (Къарпыз)*. – ‘Сам круглый, как мяч; внутри – как кровь, сладкий, как мёд (Арбуз)’.

Сравнительное значение передается также сочетанием качественного прилагательного с именем существительным в исходном падеже: *Йымыртадан кучюк, фильден буюк, зезрден аджы, балдан татлы (Джеviz тереги, къабугъы, ашы)*. – ‘Меньше яйца, больше

слона, горче яда, слаще мёда (Ореховое дерево, кожура незрелого ореха, ядро)’.

Отдельную группу образуют загадки, сравнительное значение которых формируется с помощью конструкции с отрицательной частицей *дегиль* ‘не’. Как правило, это сложные синтаксические структуры, в которых отрицательным оборотам предшествуют конструкции с утвердительной семантикой. Такая структура способствует усилению семантики сравнения: *Язы язар – къалем дегиль. Терекке чыкъар – инсан дегиль. Юк ташыр – эшек дегиль* (Чыкъчыкъбалабан). – ‘Пишет, но не перо. Влезает на дерево, но не человек. Носит груз, но не осёл (Улитка)’.

Идея сравнения, осложнённая оттенками предположения, сомнения, может выражаться в крымскотатарском языке модальными словами *санки, дерсинъ, санки дерсинъ* ‘будто, словно, как будто, вроде’: *санки дерсинъ ай йылтырай* ‘как будто месяц сияет’; *Озю къатты, дерсин таш* (Консерва къутусы). – ‘Сам твердый, как камень (Коробка консервов)’.

Лексическими средствами выражения семантики подобия, сходства являются синонимичные глаголы *ошамакъ, бенземек* ‘быть похожим’ (*джамгъа бензер* ‘похож на стекло», *адамгъа ошай* ‘похож на человека’) и прилагательное *сыфатлы* ‘свойственный’, ‘подобный’ (*маймун сыфатлы* ‘похожий на обезьяну’). *Озю бенъзер эрикке, чапын кетер деликке* (Сычан). – ‘Сам похож на сливу, убегает в дырку (Мышь)’.

Основаниями (эталонами) сравнения выступают, как правило, языковые единицы, называющие феномены культуры, чаще – материальной, реже – духовной.

Наиболее объёмными по количеству эталонных единиц сравнения являются следующие тематические группы:

1. Человек определённого социального положения, пола, возраста: *инсан, адам* ‘человек’, *хан, султан* ‘повелитель’, *эсир* ‘пленник’, *къады* ‘мусульманский судья’, *афуз* ‘знаток Корана’, *акъай* ‘мужчина, муж’, *къадын* ‘женщина, жена’, *айдамакъ* ‘разбойник’, *уста* ‘мастер’, *къамбур* ‘горбун’, *акъраба* ‘родственник’, *бала, балачыкъ* ‘ребёнок’, *огълан* ‘мальчик’, *келин* ‘невеста, невестка’, *келиндеш* ‘сноха’, *агъа* ‘старший брат’, *агъа-къардаш* ‘братья’ и др.

Как видно из приведённых выше примеров, реестр номинаций основания сравнения в определённой степени отражает структуру

традиционного крымскотатарского общества. Среди них выделяют маркированные в этнокультурном отношении номинации повелителей (*хан, султан*), религиозных деятелей (*афуз, къады*) и термины родства (*огъул, келиндеш, агъа-къардаш*).

2. Наименования предметов традиционного домашнего обихода: посуда – *къазанчыкъ* ‘казанок’, *фильджан* ‘чашка’, *къуман* ‘глиняный кувшин для омовения перед молитвой’, *бардакъ* ‘кувшин’, *фычы* ‘чан’, *сакъа* ‘бочка для воды’; орудия труда – *сабан* ‘плуг’, ‘соха’, *чарх* ‘деталь домашнего прядильного устройства’, *ореке* ‘веретено’, *дегирмен* ‘мельница’, *элек* ‘сито’, *къантар* ‘весы’, *чапа* ‘мотыга’, *биз* ‘шило’, *ине* ‘иглолка’ и др. Обращает на себя внимание отсутствие наименований мебели (замечен только *сандыкъ* ‘сундук’): как известно, в связи с кочевым образом жизни (вплоть до XVI – XVII вв.) в традиционном переносном жилье тюрок (*чадыр* ‘шатёр’, *юрт* ‘юрта’) мебель отсутствовала; сидели и спали на полу, покрытом циновками (*къасыр*), войлоком (*кийиз*), цельными обработанными шкурами овец, быков. Отмечены смежные с мебелью предметы: *тёшек* ‘матрац’, *ястыкъ* ‘подушка’, *чаршаф* ‘простыня’.

3. Наименования животных: домашних – *огюз* ‘вол’, *бугъа* ‘бык’, *ат, алаша* ‘конь’, ‘мерин’, *тай* ‘жеребёнок’, *эшек* ‘осёл’, *сыгъыр* ‘корова’, *бузав* ‘телёнок’, *тана* ‘тёлка’, *къой* ‘овца’, *къозу* ‘ягнёнок’, *копек*, *ит* ‘собака’, *тавукъ* ‘курица’, *ферик* ‘молодая курица’, *хораз* ‘петух’, *къаз* ‘гусь’, *теке* ‘козёл’, *улакъ* ‘козлёнок’, *мышыкъ* ‘кошка’ и др.; диких – *къуш* ‘птица’, *къаргъа* ‘ворона’, *тильки* ‘лисица’, *аювчыкъ* ‘медвежонок’, *арслан* ‘лев’, *филь* ‘слон’, *самур* ‘соболь’, *сычавул* ‘крыса’ и др.

Пресуппозиции (фоновые знания), стоящие за приведённой выше номенклатурой домашних и диких животных, открывают объёмную картину традиционных для предков крымских татар форм жизнедеятельности: коневодство, земледелие, овцеводство, разведение домашних животных и птицы, охота и пр.

Референты загадок во многом совпадают с основаниями сравнений, дополняют их и, можно сказать, зеркально отражают крымскотатарскую картину мира: природно-географические условия, в которых сформировался этнос; традиционные формы жизнедеятельности крымских татар, обусловленные названными условиями; феномены материальной и духовной этнической культуры и др.

Имена референтов загадок представлены следующими тематическими группами:

Явления природы: *кыыш* 'зима', *аяз* 'мороз', *къар* 'снег', *кыырав* 'иней', *буз* 'лёд', *гедже* 'ночь', *ай* 'луна', *кундюз* 'день', *ель* 'ветер', *булут* 'облако', *яшы* 'молния', *ягъмур* 'дождь', *чыкъ* 'роса' и др.

Плоды, фрукты: *эрик* 'слива', *инджир* 'инжир', *кызылчыкъ* 'кизил', *кираз* 'черешня', *лимон* 'лимон', *алма* 'яблоко', *айва* 'айва', *юзюм* 'виноград', *хурма* 'хурма', *нар* 'гранат', *зердали* 'дикий абрикос', *армут* 'груша', *мушмолла* 'мушмула', *джевиз* 'греческий орех', *фындыкъ* 'фундук', *бадем* 'миндаль' и др.

Овощи: *патильджан* 'баклажан', *бибер* 'перец', *сарымсакъ* 'чеснок', *согъан* 'лук', *хыяр* 'огурец', *къабакъ* 'тыква', *чыюндир* 'свёкла' и др.

Национальные блюда, пища: *кобете* 'мясной пирог', *макъарне* 'особой формы варёные кусочки теста', *бурма* 'особой формы слоёный пирог с разной начинкой', *чиберек* 'чебурек', *бакълава* 'пахлава' и др.

Музыкальные инструменты: *давул* 'большой барабан', *кемане* 'скрипка', *даре* 'бубен', *саз* 'щипковый инструмент', *зурна* 'духовой музыкальный инструмент' и др.

Домашняя утварь: *чыракъ* 'светильник', *софра* 'низкий стол', *бешик* 'колыбель', *теразе* 'домашние весы'; *мешребе* 'кружка', *къашыкъ* 'ложка', *къолтава* 'сковорода', *къопкъа* 'ведро' и др.

Орудия труда: *сипирки* 'веник', *злек* 'сито', *ореке*, *урчукъ* 'веретено', *макъас* 'ножницы', *оракъ* 'серп', *сабан* 'плуг', 'соха', *къапкъан* 'капкан', *балта* 'топор', *пычкъы* 'пила', *тырнауч* 'грабли' и др.

В совокупном текстовом пространстве загадок весьма широко представлена **крымскотатарская лингвокультура**, т. е. наименования различных природных и социальных феноменов, предметов материальной и духовной культуры, в содержании которых аккумулирован многовековой опыт познания и культивации этносом окружающего мира. В каждой из перечисленных выше тематических групп встречаются этнокультурно маркированные языковые единицы, обладающие объёмной пресуппозицией – ассоциативно-фоновыми предзнаниями и знаниями выводного типа. Так, например, отсутствие наименований крупной домашней мебели в тематической группе названий предметов домашнего обихода (см. п. 3–2) свидетельствует о том, что предки крымских татар в раннем средневековье вели кочевой образ жизни;

номенклатура домашних животных (см. п. 3–3) позволяет сделать вывод о том, что крымские татары исторически занимались коневодством, отгонным овцеводством, разведением домашних животных и птицы, земледелием, охотой и др.

Этнокультурная коннотация свойственна также наименованиям разного типа построек, помещений (*чадыр* ‘шатёр’, *юрт* ‘юрта’, *сарай* ‘дворец’, *минаре* ‘знаковая деталь мусульманской мечети, с которой муэдзином читается азан – призыв правоверных к молитве’); названиям видов и деталей одежды (*тон* ‘шуба, тулуп’, *кѡушакъ* ‘украшенный филигранью женский пояс’, *кѡафтан* ‘особого покроя верхняя одежда’, *антер* ‘женское платье особого покроя’) и др.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ загадок показал, что тексты крымскотатарских загадок в целом и все их составляющие (основания сравнений, референты и др.) отражают широкую аксиологически окрашенную языковую картину мира крымскотатарского народа: его историю, повседневный быт, традиционные формы жизнедеятельности, обусловленные специфическими природно-климатическими условиями Крымского полуострова, и др. Совокупный дискурс загадок – это объективный свод традиционных знаний крымских татар о мире в его материальном и духовном выражении и одновременно – источник широких знаний о самом народе.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – 560 с.
2. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 410–411.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Малых Л. М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Актуальные вопросы грамматики. – № 2. – 2011. – С. 105–110.
5. Меметов А. М., Мусаев К. Крымскотатарский язык. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство, 2003. – 288 с.
6. Тапмаджалар (Загадки). Составитель Асанов Ш., Велиев А. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство, 2014. – 160 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сведения об авторе	4
СТАТЬИ	
Актуальные вопросы изучения и преподавания крымскотатарского языка	5
Крымськотатарська мова: проблеми існування і розвитку	7
Языковая компетенция крымских татар и проблемы возрождения крымскотатарского языка	15
Крымскотатарский язык: последствия геноцида	21
«Солнце мёртвых»: крымскотатарская тема в творчестве И. С. Шмелева	27
Языковые права как социальный феномен (На материале языковой ситуации в Крыму)	32
Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития	37
Языковая политика в Крыму как фактор стабилизации межэтнического согласия	44
Современное состояние крымскотатарского литературного языка и перспективы его развития	48
Крымскотатарский ономастикон как объект этнолингвистики	54
Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития	61
Лингвистические взгляды Бекира Чобан-заде	75
Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар	90
Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка	97
На перекрестье культур Востока и Запада: феномен Дженгиза Дагджи	105
Аспекты сопоставительного изучения фразеологической семантики	111
Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма	117
Универсальное и этнокультурное в языке: русская фразеология в зеркале крымскотатарского языка	128

Русский язык на Украине: новая концепция государственной языковой политики.....	135
Онимы как кумулятивные знаки этнической культуры.....	141
Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях.....	148
Основные понятия крымскотатарской фразеологии	155
Крымскотатарский язык в социолингвистическом измерении.....	169
Комментарий к законопроекту «О языках в Украине».....	177
От научного редактора словаря У. Курчки «Къырымтатарджа-русча фразеологик уйгъундашлар лугъаты».....	184
Крымскотатарский язык как объект «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств»	188
Функционально-семантическая классификация фразеологических единиц крымскотатарского языка	193
Бекир Чобан-заде и актуальные проблемы современного крымскотатарского языкознания (орфография и орфоэпия) ...	203
Фигура умолчания в поэтике Эрвина Умерова	209
Гендерная оппозиция в крымскотатарской фразеологии	214
Крымскотатарская универсальная энциклопедия.....	219
Правовой статус крымскотатарского языка в Республике Крым и перспективы его имплементации.....	227
Способы образования крымскотатарских фразеологических единиц.....	234
Словари как эмпирия лингвокультуры (На материале крымскотатарской лексикографии)	240
Крымскотатарский язык в поликультурной ситуации Республики Крым	247
Сравнение как базовая категория когнитивной (На материале крымскотатарских загадок)	253

Научное издание

Эмирова Адиле Мемедовна

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

Монография

Редактор *Н. Бекиров*

Корректор *Э. Адаманова*

Компьютерная вёрстка *Э. Аджалимова*

Подписано в печать 18.11.2017 г. Формат 60х84^{1/16}.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15,35. Учет.-изд. л. 15,2.
Объем 16,5 печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 48789.

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»

295048, Республика Крым,

г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.

E-mail: mediacenter2015@mail.ru

ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии ООО «Константа»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,

п. Северный, ул. Березовая, 1/12

Тел./факс +7 (4722) 300-720

www.konstanta-print.ru